

ISSN: 2790-7570

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ)

№1 (25) - 2026г.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ)

№1 (25) - 2026г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ	
Главный редактор	Золотухин Алексей Валерьевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, декан юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Зам. главного редактора	Исмоилова Зайнура Исрофиловна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зам. декана по научной работе юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Ответственный секретарь	Аминова Фарида Махмадаминовна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Члены редакционного совета:	Имомова Нилуфар Махмайсусуфовна - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, проректор по воспитательной работе, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Бельх Владимир Сергеевич - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, зав. кафедрой предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Кузнецова Ольга Анатольевна - Российская Федерация, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зам. декана по научной работе юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Муртазозода Джамшед Сайдали - Республика Таджикистан, депутат Маджлиси намоёндагои Маджлиси Оли Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Гаюров Шукрулло Караматуллоевич - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Васильев Антон Александрович - Российская Федерация, Алтайский государственный университет, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Дашин Алексей Викторович - Российская Федерация, Кубанский государственный аграрный университет, профессор кафедры международного частного и предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Сотиводиев Рустам Шарофович - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Ипшекков Константин Анатольевич - Российская Федерация, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры правовых основ управления, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право Диноршох Азиз Мусо - Республика Таджикистан, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, первый заместитель, заместитель исполнительного директора по науке, инновациям и международному сотрудничеству, доктор юридических наук, профессор, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право Азимзода Назир Бозор - Республика Таджикистан, Таджикский международный университет, зав. кафедрой международных отношений и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Дьядкин Дмитрий Сергеевич - Российская Федерация, Сургутский государственный университет, директор института государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Рустемова Гаухар Рустембековна - Республика Казахстан, Казахская Академия труда и социальных отношений, профессор кафедры правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Сулайманова Назгуль Назарбековна - Республика Киргизия, Кыргызско-Российский Славянский университет, зав. кафедрой уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Сафарзода Анвар Ислои - Республика Таджикистан, Исполнительный аппарат Президента Республики Таджикистан, руководитель Управления образования, культуры и информации, доктор юридических наук, доцент, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Гаврилов Борис Яковлевич - Российская Федерация, Академия управления МВД Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, профессор, 12.00.09 – Уголовный процесс Махмудов Изатулло Тешаевич - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 – Уголовный процесс

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Муродзода Ардашер Алишер - Республика Таджикистан, судья района Шохмансур г. Душанбе, кандидат юридических наук, 12.00.09 – Уголовный процесс

Абашидзе Аслан Хусейнович - Российская Федерация, Российский университет дружбы народов, зав. кафедрой международного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Титова Татьяна Александровна - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, доцент кафедры международного и европейского права, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Идизода Файзали Фузайлло - Республика Таджикистан, Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Председатель Комитета по государственному строительству и местному самоуправлению Маджлиси намоияндагон, кандидат юридических наук, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Носиров Хуршед Толибович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Сулгонова Тахмина Истамовна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой предпринимательского права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Мороз Светлана Павловна - Республика Казахстан, Высшая школа права «Адилет», декан, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Абдуллин Аделъ Ильсиярович - Российская Федерация, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. кафедрой международного и европейского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Мансуров Умед Абдуфаттохович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Международный Комитет Красного Креста, юридический советник Миссии, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Раджабода Махмадёр Носир - Республика Таджикистан, Педагогический институт Таджикистана в Рафтском районе, ректор, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Абдухамитов Валичон Абдухалимович - Республика Таджикистан, Консалтинговая компания «Russell Bedford ААА», старший юрист, доктор юридических наук, доцент, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Назаров Аваз Кувватович - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой криминалистики и судебно-экспертной деятельности, доктор юридических наук, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Козаченко Иван Яковлевич - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, зав. кафедрой уголовного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Алимов Суробшо Юсушпоевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный процесс; муниципальное право

Эльназаров Давлатшо Ходжаевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Кондрашев Андрей Александрович - Российская Федерация, Сибирский Федеральный университет, зав. кафедрой конституционного, административного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон - Республика Таджикистан, Академия МВД Республики Таджикистан, заместитель начальника по науке, доктор юридических наук, доцент, 12.00.09 –Уголовный процесс

Хамроев Шухратджон Садилович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 –Уголовный процесс

Михайлов Виктор Александрович - Российская Федерация, Российская таможенная Академия, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, 12.00.09 –Уголовный процесс

Адрес редакции

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
тел.: (+992 237) 227-67-40; www.rtsu.tj
e-mail: ismoilova-2016@mail.ru; farida.aminova.2016@mail.ru
Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан.
Лицензия №147/ЖР-97 от 27 марта 2020 года.

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора.....9

12.00.02 - КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Полтавец А. Теоретико-правовые подходы к пониманию сущности социального государства,10
Салохидинова С.М., Рисолати Р. Теоретико-правовые подходы к пониманию сущности социального государства.....20
Улугов У.А. Социально-экономические права как гарантия исполнения конституционных экологических функций государства (на примере ряда статей Конституции Республики Таджикистан).....27

12.00.03 - ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Медведев В.Д. Общие долги как часть имущества супругов.....32
Тагаева С.Н. К дискуссии о движимой недвижимости.....40

12.00.08 - УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Маннонзода Н.М. Модернизация уголовного законодательства Республики Таджикистан в сфере медицины.....47

12.00.09 - УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Назарзода Р.Г., Абдуллобекзода Т.А. Проблемы правового регулирования пожизненного лишения свободы в зарубежных странах.....54
Рахмонзода О.Д. Субъект преступления, связанного с похищением человека.....73
Хамроев Ш.С. Заключение и показания эксперта как подтверждение фактов доказывания в уголовном судопроизводстве.....78

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Давлатов Х.Х. Проблема определения понятия экологической миграции: доктринальные и международно-правовые подходы.....	84
Мамадамонов У.М. Теоретические основы взаимодействия международного и внутригосударственного права.....	91
Рахмонзода Д.А. Когнитивная война как новая форма ведения войны: международно-правовой аспект.....	90
Правила для авторов и порядок рецензирования.....	102

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

Вышел в свет очередной номер научного журнала «Юридический вестник» юридического факультета Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Выпуск журнала - результат усилий команды молодых докторов, кандидатов наук и соискателей, которые с энтузиазмом воплотили в жизнь свою идею об учреждении нового периодического издания для быстрой, полной и открытой публикации результатов научных исследований учёных-правоведов.

Наш журнал унаследовал устоявшиеся традиции и порядок опубликования научных статей в ведущих журналах Таджикистана и России, в связи с чем требования к их оформлению максимально приближены к требованиям, предъявляемым к рецензируемым научным изданиям, рекомендуемым Высшими аттестационными комиссиями Республики Таджикистан и Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований.

В сегодняшнем мире успех деятельности любого ученого оценивается по востребованности его работ, что подтверждает, в том числе, уровень их цитирования. Поэтому особую актуальность приобретают наукометрические базы учета научных публикаций.

Научный журнал «Юридический вестник» представляет собой пример свободной печатной площадки для опубликования научных достижений ученых-юристов, что позволит каждому автору раскрыть свои научные способности, представить разработанную им научную идею или концепцию, популяризировать свои научные исследования, чтобы использовать юридические знания во благо общества и государства.

При этом следует подчеркнуть, что публикационное поле деятельности нашего журнала будет охвачено не только научными трудами отечественных ученых и специалистов, но также и зарубежных исследователей. Это возможно благодаря нашему тесному сотрудничеству с иностранными коллегами, круг которых, естественно, гораздо шире, чем список учёных, вошедших в состав редакционной коллегии журнала «Юридический вестник». Информировав наших читателей о новейших достижениях зарубежной юридической науки и практики, мы исходим из принципа актуальности интеграции науки и научного познания. Ведь развитие отечественной правовой мысли невозможно без учета современного состояния мировой юридической науки.

Я призываю всех наших коллег активнее участвовать в научной деятельности. Мы приглашаем к сотрудничеству ведущих ученых и специалистов Республики Таджикистан и зарубежных стран. Именно Ваши научные труды являются основой новых направлений исследований для аспирантов и соискателей, начинающих ученых.

Мы верим, что с помощью и при поддержке наших авторов и читателей наш журнал станет одним из лидирующих периодических научных изданий в области юриспруденции как в Республике Таджикистан, так и за его пределами.

Хочу пожелать мира, благополучия и достижения поставленных целей!

Главный редактор
доктор юридических наук, доцент,
А.В. Золотухин

УДК 349.6

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Полтавец Алексей Витальевич

Старший преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, Ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2273986, alex-city@inbox.ru

Давлатов Хизр Хакимович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-математических наук
Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана
734055, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Борбада 48/5.
E-mail: mail.davlatov.khizr@gmail.com
Тел: (+992) 900-900-984

В статье проводится анализ современного состояния нормативно-правовой базы в области охраны окружающей среды. В статье проводится оценка ключевых вызов и проблем правового регулирования экологических норм в Республике Таджикистан. Особое внимания уделяется внедрению механизма расширенной ответственности производителей и внедрению единого кодифицированного акта в области охраны окружающей среды. Также в статье делается акцент на необходимости рассмотрения модернизации экологического законодательства в рамках реализации конституционных гарантий закрепленных в Конституции Республики Таджикистан

Ключевые слова: Конституция, экологический кодекс, охрана окружающей среды, РОП.

Полтавец А.В.

Современное экологическое законодательство Республики Таджикистан представляет собой динамично развивающуюся систему нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение экологической безопасно-

сти, рационального использования природных ресурсов и реализацию конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду.

При этом сама конституционная основа регулирующая право на благоприятную среду закрепляется в самом теле Конституции Республики Таджикистан.

Вместе с тем, несмотря на значительные достижения в формировании правовой базы, регулирующей экологические правоотношения, данная сфера всё ещё характеризуется рядом характерных системных проблем, обусловленных как историческими, так и экономическими факторами. Среди ключевых вызовов можно выделить недостаточную согласованность нормативно-правовых актов,

Давлатов Х.Х.

фрагментарность правового регулирования, а также слабую имплементацию международных экологических обязательств в национальное законодательство.

Одной из фундаментальных проблем является несоответствие между нормами права и их

¹ © Полтавец А.В., 2026

² © Давлатов Х.Х., 2026

практической реализацией. Несмотря на наличие развитого правового каркаса, а также целого ряда подзаконных актов, уровень правоприменения всё ещё остаётся низким, что проявляется в неэффективности экологического контроля, формальности экологической экспертизы, а также в ограниченном доступе граждан к информации о состоянии окружающей среды. Обозначенные проблемы в своей совокупности дополнительно усиливаются институциональной слабостью уполномоченных органов, недостаточном финансировании природоохранных мероприятий и отсутствием системного и комплексного мониторинга экологических рисков.

Существенной проблемой остаётся правовой разрыв между экономической и экологической политикой государства. Приоритет экономического роста зачастую преобладают над экологическими интересами, что приводит к эксплуатации природных ресурсов без должного учёта принципов устойчивого развития. Между тем, именно интеграция экологических стандартов в экономические механизмы является ключевым условием перехода к зелёной экономике. Для этого требуется модернизация правового регулирования в области экологического аудита, экологического страхования, а также внедрение эффективных экономических стимулов для предприятий, использующих экологические безопасные технологии.

Перспективы развития экологического законодательства Республики Таджикистан связаны с дальнейшей гармонизацией национальной правовой системы с международным экологическим правом, прежде всего с Орхусской конвенцией, Парижским соглашением по климату и Целями устойчивого развития ООН. В этом контексте

довольно значимым направлением деятельности является реальное воплощение на практике концепции «экологической демократии», предусматривающей активное участие гражданского общества в принятии решений, затрагивающих окружающую среду. Необходим переход от декларативных норм к действенным механизмам реализации экологических прав человека, включая судебную защиту, административное обжалование и расширение доступа населения к экологической информации.

Развитие экологического законодательства Республики Таджикистан невозможно без глубокого осмысления его концептуальных основ, которые должны базироваться на идее приоритета экосистемных интересов и принципе межпоколенческой ответственности. В современных условиях правовое регулирование охраны окружающей среды должно рассматриваться не как второстепенное направление государственной политики, а как ключевой элемент национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития. Экологическая стабильность в подобной ситуации выступает в качестве стратегического ресурса, от которого напрямую зависит продовольственная, энергетическая и демографическая безопасность государства. В связи с этим в системе правового регулирования необходимо формировать новую парадигму – от реагирующего к превентивному экологическому праву.

На сегодняшний день весьма острой является проблема электронных отходов, так как они выступают качестве одних из наиболее быстрорастущих категорий отходов в современном мире, и в условиях Республики Таджикистан данная проблема приобретает особую актуаль-

ность. Под электронными отходами понимаются устройства и компоненты электрического и электронного оборудования, утратившие свои потребительские свойства либо ставшие непригодными для дальнейшего использования. К этой категории относятся компьютеры, мобильные телефонные, телевизоры, осветительные приборы, медицинские и телекоммуникационные устройства и иные виды электрооборудования. Особенность электронных отходов заключается в их двойственной природе, с одной стороны, они являются источником опасных веществ, способных нанести серьёзный вред экосистеме и здоровью человека, а с другой стороны – электронные отходы содержат ценные металлы, такие как золото, серебро, медь, никель и палладий, что делает их перспективным ресурсом для вторичной переработки.

В Республике Таджикистан система обращения с электронными отходами находится на самой начальной стадии формирования. Отсутствие специализированных перерабатывающих предприятий, недостаточность технологических мощностей и слабое нормативное регулирование приводит к тому, что большинство электронных отходов утилизируются вместе с бытовыми, что создаёт серьёзные экологические риски: при разложении электроники на свалках в атмосферу выделяются токсичные соединения, такие как диоксины и фураны, а в почву и грунтовые воды проникают такие тяжёлые металлы как свинец, ртуть и кадмий. В совокупности всё это формирует скрытую, но крайне опасную форму загрязнения, последствия которой проявляются постепенно, нанося ущерб экосистеме и здоровью населения. Указанные риски нельзя назвать только отраслевыми, фактически они имеют конституционно

правовое значение, поскольку затрагивают гарантированное Конституцией право каждого на охрану здоровья связанное с мерами по оздоровлению окружающей среды.

Правовое регулирование обращения с электронными отходами в Республике Таджикистан пока не имеет системного характера. Существующие нормы экологического законодательства лишь косвенно затрагивают данный вопрос, не определяя чётких требованиях к сбору, транспортировке, переработке и утилизации электронного лома, что создаёт правовой вакуум, в рамках которого невозможно выстроить устойчивую систему экологического управления.

В этой связи уместным будет указать, что Республика Таджикистан ратифицировала Базельскую конвенцию «О контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением» 30 июня 2016 года¹, разработчики которой закладывали в качестве её главной цели ограждение здоровья человека и окружающей среды от пагубного воздействия, вызываемого производством, использованием, трансграничной перевозкой и удалением опасных отходов, в том числе электронных отходов.

На региональном уровне Республика Таджикистан также присоединилась к Соглашению СНГ «О сотрудничестве государств-участников СНГ в области обращения с отходами электронного и электротехнического оборудования»², где определён порядок использования отходов

электронного и электротехнического оборудования (далее – ОЭЭО), классификация ОЭЭО, класс опасности ОЭЭО и т. д.

Действующий Закон Республики Таджикистан «Об отходах производства и потребления»³, принятый ещё в 2002 году, во многом не учитывает существующую проблему роста количества электронных отходов, характерной для текущего периода. Статья 1 рассматриваемого закона даёт определение таких понятий как отходы, отходы потребления, вторичное сырьё, твёрдые бытовые отходы, опасные отходы, но не содержит конкретизации в части определения понятия электронные отходы. На наш взгляд, хотя в определённой мере электронные отходы и возможно отнести к типу вторичного сырья или к твёрдо-бытовым отходам, тем не менее целесообразным представляется выделение их в качестве отдельной категории, так как это является актуальной практикой в странах с ведущей законодательной практикой в рассматриваемой области правоотношений и в полной мере соотносится с международно-правовыми обязательствами Республики Таджикистан.

В связи с вышеизложенным, считаем уместным предложить внесение изменений в статью 1 Закона Республики Таджикистан «Об отходах производства и потребления» от 10.05.2002 года и дополнить её определением «Отходы электрического и электронного оборудования», изложив её в следующей редакции:

«Отходы электрического и электронного оборудования – изделия, комплектующие и материалы электрического и электронного происхождения, утратившие свои функциональные или потребительские свойства, подлежащие удалению, утилизации либо переработке, включая компоненты, узлы и материалы, образующиеся при демонтаже, ремонте или обновлении такого оборудования, а также пригодные для извлечения вторичных ресурсов».

Современные тенденции глобального экологического развития свидетельствует о переходе от традиционных форм природопользования к интегративным моделям управления отходами, основанным на принципах циркулярной экономики и устойчиво производства. В этом смысле в современный период центральное место приобретают вопросы внедрения механизма расширенной ответственности производителей, предполагающей возложение на производителей и импортёров обязанности за весь за весь жизненный цикл выпускаемой ими продукции, включая стадию её утилизации и переработки.

Для Республики Таджикистан, где ежегодно образуется значительное количество твёрдых бытовых и промышленных отходов, проблема неэффективной системы их обращения становится одной из ключевых угроз экологической безопасности, при этом, действующее законодательство, в частности Закон Республики Таджикистан

¹ Базельская конвенция «О контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением» от 22.03.1998 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/basel.pdf (дата обращения: 15.12.2024)

² Соглашение СНГ «О сотрудничестве государств-участников СНГ в области обращения с отходами электронного и электротехнического оборудования»

от 01.06.2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/550757529> (дата обращения: 15.12.2024)

³ Закон Республики Таджикистан «Об отходах производства и потребления» от 10.05.2002 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj73118.pdf> (дата обращения: 15.12.2024)

«Об охране окружающей среды» и ряд других отраслевых законов лишь частично регламентируют механизмы ответственности субъектов хозяйственной деятельности за утилизацию произведённой ими продукции и не содержат норм по практическому применению механизма расширенной ответственности производителей.

Следует отметить, что механизм расширенной ответственности производителей (далее – РОП) является передовым и современным методом охраны окружающей среды, введённым в практику Министерством окружающей среды Швеции еще в 1990 году. В научной доктрине экологического права РОП рассматривается как форма реализации принципа превентивности, направленная на минимизацию негативного воздействия продукции на окружающую среду на всех стадиях её жизненного цикла. Сущность анализируемого механизма заключается в перераспределении экологических рисков и экономической ответственности от потребителя к производителю, что стимулирует последних внедрять экологически чистые технологии, улучшать качество упаковки и способствует развитию вторичного рынка сырья.

Следует подчеркнуть, что механизм РОП в настоящее время характеризуется активным внедрением во многих странах мира, заинтересованных в выработке эффективных механизмов охраны окружающей среды. Как отмечают исследователи проблематики: «Впервые РОП была внедрена в европейских странах, когда Европейский парламент принял директиву, требующую от его стран-членов разработать

программы расширенной ответственности производителей для пластмассовых изделий. Затем двадцать три штата США приняли законодательство на основе расширенной ответственности производителей за утилизацию продуктов после их выхода из употребления. В Японии также принят закон о РОП, касающийся ответственности производителей за утилизацию бытовой техники и электроники, включая телевизоры, холодильники, кондиционеры и стиральные машины. Совсем недавно принцип расширенной ответственности производителей начал внедряться в развивающихся странах, таких как Индия, Бразилия, Эфиопия и Китай»¹. Очевидно, что описанная тенденция демонстрирует глобализацию правового механизма РОП как инструмента реализации экологической политики государств различного уровня социально-экономического развития. Механизм РОП в данном смысле выступает не просто как технический регламент, направленный на охрану экологической среды, а как новая модель взаимодействия государства, субъектов хозяйственной деятельности и гражданского общества, обеспечивающий перераспределение экологической нагрузки и стимулирующей трансформацию экономических систем, с учётом принципов устойчивого развития.

Ряд авторов выделяет два уровня РОП: 1) индивидуальная ответственность производителя на уровне сектора или отрасли; 2) коллективная ответственность производителя, требующая создания той или иной формы организации ответственности производителей»². Данная мысль

имеет свою логику, так как представляет собой ключевое методологическое разграничение в научной доктрине экологического права и управления отходами, раскрывающее структурную-функциональную природу механизма расширенной ответственности производителей. Выделение индивидуального и коллективного уровней ответственности позволяет нам глубже понять особенности функционирования данного института в различных экономико-правовых системах и определить оптимальные модели его реализации в зависимости от целей экологической политики государства.

Следует подчеркнуть, что концепция РОП, зародившаяся в западноевропейском правовом пространстве как рыночный механизм экологической ответственности, изначально предполагает высокий уровень развития инфраструктуры переработки отходов, прозрачности управления, эффективного экологического контроля и зрелую систему экологического саморегулирования субъектов хозяйственной деятельности. Для государств постсоветского пространства, где долгое время доминировала модель административно-командного регулирования с преобладанием централизованных экологических директив и слабым вовлечением частного сектора, процесс внедрения РОП требует адаптации не только правовых норм, но и самой философией экологического управления.

Как показывает практика, опыт Российской Федерации в данном контексте действительно представляет собой ценный, но одновременно и предостерегающий пример. По справедливому замечанию автора, на первых

¹ Любарская М.А., Киктенко А.В. Влияние механизма расширенной ответственности производителей на состояние индустрии вторичных материалов в регионах России // Экономический вектор. – №. 3 (34). – 2023. – С.33.

² Цусман Е.И., Дудина Т.Н. Социальные и экономические аспекты реализации расширенной ответственности производителей // Интерэкспо Гео-Сибирь. - 2020. - № 4. - С. 103.

этапах реализации механизма РОП в России, проявился целый ряд системных проблем, от неопределённости круга обязанностей субъектов данных правоотношений и до проблемы фальсификации отчётности. Все эти негативные явления в совокупности обусловлены отсутствием чётких правовых критериев идентификации производителей и импортёров, неразвитостью системы экологического мониторинга и низкой мотивацией предпринимательских кругов к добросовестному исполнению экологических обязательств.

На наш взгляд, обозначенные проблемы указывают на необходимость поэтапного и институционально взвешенного внедрения РОП в странах с переходной экономикой. Механизм РОП невозможно эффективно реализовать исключительно путём заимствования западных правовых конструкций, требуется создание национальной модели, основанной на специфике административной системы, уровне экономического развития, подготовленности субъектов хозяйственной деятельности и состоянии инфраструктуры обращения с отходами.

Касательно Республики Таджикистан подобный опыт особенно показателен, ведь правовая система страны во многом сохраняет черты, где государство играет доминирующую роль в экологическом регулировании. Следовательно, успешное внедрение механизма РОП возможно лишь при наличии чётко регламентированной вертикальной ответственности, государственного надзора за операторами РОП, а также финансово-экономических стимулов (льгот, субсидии, налоговых послаблений)

для производителей, участвующих в программах по утилизации.

Как отмечает А.А. Липилина: «Существуют и другие методы: экологические налоги или таможенные пошлины на импорт сырья и товаров. В этих случаях большая часть средств, как правило, поступает в государственный бюджет, и, в таком случае, механизмы РОП не затрагивают производителей. Производители и изготовители также могут полностью передать свои обязанности на аутсорсинг третьей стороне, известной как Организация Ответственности Производителя»¹. Мы лишь отчасти согласны с подобным утверждением. Дело в том, что экологические налоги и пошлины, относятся к категории косвенных экономических инструментов, влияющих на экологические издержки и цену товара, их основная цель фискальная, то есть мобилизация финансовых ресурсов в государственный бюджет, из которых государство впоследствии финансирует природоохранные мероприятия. Однако данный подход имеет системное ограничение, так как разрывает причинно-следственную связь между производителем и экологическим ущербом, так как средства, поступающие в бюджет, не обеспечивают непосредственного участия производителя в обращении с отходами. Иными словами, экологические налоги реализуют принцип «загрязнитель платит» лишь формально, не затрагивая фактическую производственную ответственность.

В противоположность этому, механизм расширенной ответственности производителей, включая передачу обязательств специализированным

организациям-операторам, представляет собой непосредственный и превентивный инструмент экологического управления, основанный на концепции замкнутого цикла производства, так как предполагает, что обязанность по сбору, переработке и утилизации продукции несёт именно производитель, а не государство.

Что касается организаций-операторов, то в качестве таковых могут выступать юридические лица, действующие в интересах группы производителей. В научной доктрине их существование рассматривается как форма коллективной реализации РОП, объединяющая принципы саморегулирования и государственно-частного партнёрства. Организация-оператор, как правило, осуществляет свою деятельность на основе членских взносов производителей, аккумулирует финансовые ресурсы для выполнения экологических обязательств и обеспечивает централизованное выполнение задач по сбору и переработке отходов.

На наш взгляд, в отличие от фискальных мер, основанных на перераспределении средств через бюджет, РОП и деятельность организаций-операторов обеспечивают прямую реализацию экологических обязательств производителями, что делает их более эффективным и устойчивым инструментом в долгосрочной перспективе. Поэтому в современной науке экологического права РОП рассматривается как не просто экономический, а институционально-правовой механизм трансформации отношений между хозяйствующими субъектами, государством и гражданским обществом, где экологическая ответственность становится элементом корпоративной этики и производственной

¹ Липилина А.А. Расширенная ответственность производителя как механизм экономического регулирования системы управления

отходами: межстрановой анализ // Экономический вестник ИПУ РАН. – 2022. – Т. 3, № 4. – С. 18.

стратегии. Также в данном аспекте РОП можно рассматривать как правовой механизм, который указывает на необходимость реализации конституционной обязанности охраны природы для всех субъектов.

Исходя из вышеизложенного, представляется обоснованным сделать предложение практического характера по внесению изменений в статью 1 (Основные понятия) Закона Республики Таджикистан «Об охране окружающей среды» от 02.08.2011г. и дополнить её следующим термином: «Расширенная ответственность производителей (РОП) – совокупность правовых, организационных и экономических мер, возлагающих на производителей и импортёров товаров обязанность по сбору, переработке, повторному использованию и утилизации отходов, образующихся после утраты продукцией потребительских свойств, с целью минимизации негативного воздействия на окружающую среду».

Анализируя проблемы и перспективы дальнейшего развития отечественного законодательства, нельзя обойти стороной один из центральных вопросов, который стоит в политико-правовой повестке страны – процесс разработки и принятия Экологического кодекса Республики Таджикистан. Следует отметить, что в настоящее время идет активная деятельность по разработке Экологического кодекса Республики Таджикистан в рамках проекта, финансируемого из источников Всемирного банка.

Следует указать, что предпосылки для принятия нового для правовой системы Республики Таджикистана кодекса назрели достаточно давно, так как действующая система экологического законодательства характеризуется множественностью правовых актов, различающихся по предмету регулирования, юридической

силе и временным рамкам принятия. В результате такой разобщенности складывается ситуация, при которой многие положения дублируют друг друга или вступают в коллизию, что негативно сказывается на правоприменительной практике. Помимо указанного, существует проблема того, что отсутствие единицы терминологической базы порождает разночтения понятий, таких как «окружающая среда», «экологическая безопасность», «устойчивое развитие», что, в свою очередь, ослабляет нормативную определённость.

По своей сути кодификация экологического законодательства имеет не только технико-юридическое, но конституционный смысл, так кодификация должна обеспечить реализацию норм прямого действия.

Еще одним аргументом в пользу принятия единого акта, регулирующего экологические правоотношения, является тот факт, что процесс кодификации представляет собой высшую форму систематизации законодательства, позволяющую объединить нормы права в единую, внутренне согласованную систему. Что немаловажно, в условиях Республики Таджикистан процесс кодификации экологического законодательства имеет не только юридическое, но и институциональное значение, так как способствует созданию основы для формирования целостной государственной экологической политики. На наш взгляд, принятие экологического кодекса позволит устранить правовые пробелы, унифицировать терминологию, закрепить базовые принципы природопользования и охраны окружающей среды, а также повысить уровень юридической определённости в смысле единообразного трактования тех или иных правовых категорий. Рассматриваемый кодекс должен стать фундаментальным актом

прямого действия, обеспечивающим эффективное применение норм экологического права в административной, судебной и хозяйственной практике.

Очевидно, что разрабатываемый проект Экологического кодекса должен опираться на современные доктринальные принципы, включая приоритет охраны окружающей среды над экономическими интересами, обязательной оценки воздействия на окружающую среду, презумпцию экологической опасности любой деятельности, принцип «загрязнитель платит», а также принцип расширенной ответственности производителей. Представляется оптимальным структура разрабатываемого Экологического кодекса, который предполагает закрепление вопросов правового статуса природных объектов, механизма экологического мониторинга, основ экологического образования, гарантий участия граждан и гражданского общества в принятии экологически значимых решений.

Как отмечает в этой связи М.А. Кодиров: «...на современном этапе становления и развития экологических отношений в РТ существует специальная система отечественного законодательства. В стране принято около 35 нормативных правовых актов, которые внедряются в целях эффективного регулирования отношений в сфере использования и охраны природных ресурсов. В перспективе намечается разработка и принятие Экологического кодекса Республики Таджикистан, что может способствовать развитию охраны окружающей среды и реализации экологической политики

современного Таджикистана»¹. Мы согласны с этим утверждением автора так, как в Республике Таджикистан действительно сложилась особая, комплексная система национального экологического законодательства, которая, включая в себя довольно обширное количество нормативно-правовых актов различного уровня. Подобная система формировалась в условиях постсоветской трансформации правовой и экономические модели государства, когда основной задачей являлась нормативное закрепление основ рационального природопользования экологической безопасности. Однако, несмотря на количественное разнообразие правовых инструментов, действующая модель характеризуется отсутствием внутренней системности и единых принципов регулирования, что приводит к фрагментарности правоприменения и дублированию компетенции между государственными органами.

Следует отметить, что существование множества отдельных законов само по себе не гарантирует эффективного регулирования экологических правоотношений, напротив, при отсутствии координации и кодификационного единства правовая база теряет управленческую чёткость и предсказуемость. В таких условиях перспективная разработка и принятие Экологического кодекса Республики Таджикистан становится не просто целесообразным, а стратегически обоснованным и необходимым направлением совершенствования национальной правовой системы. Для нас очевидно, что Экологический кодекс Республики Таджикистан, при пра-

вильном законодательном подходе, способен интегрировать действующие нормы в единую иерархическую структуру, устранить правовые коллизии и обеспечить баланс между интересами хозяйственного развития и окружающей среды.

Проблематика принятия единого кодифицированного акта в области охраны окружающей среды является одним из приоритетных задач государства. В Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года закреплён п. 4.5. (Среда для жизни), который предусматривает: «...формирование и распространения кодекса охраны природы, механизмов адаптации к изменению климата с расширением международного сотрудничества в данном направлении»². На наш взгляд, подобный подход законодателя отражает не только внутреннюю потребность в систематизации экологического законодательства, но и выступает в качестве индикатора зрелости правовой системы государства, неспособности адекватно реагировать на современные экологические вызовы, которые стоят на пути Республики Таджикистан. Отрадно, что с закреплением подобной нормы, государство сигнализирует о необходимости перехода от фрагментарного регулирования к полноценной системе правового обеспечения природоохранной деятельности. Фактически речь идёт о переходе от этапа нормативного накопления к этапу нормативной интеграции, что в полной мере соответствует мировым тенденция экологического нормотворчества, где приоритет

отдаётся кодифицированным источникам права как инструментам устойчивого развития.

С.А. Боголюбов, анализируя перспективы принятия экологического кодекса в России, пишет: «Приступая к составлению экологического кодекса, надо определиться с тем, как поступить с природоресурсными кодексами и законами. Если все их собрать «под крышу» нового кодекса под названием «экологический», то получится громоздкий закон, содержащий тысячи статей природоресурсного законодательства, который превзойдет по объёму четыре части ГК РФ. Пользоваться им будет достаточно затруднительно»³. Мы поддерживаем подобную идею, однако необходимо указать, что этот аргумент не должен служить препятствием для самой идеи кодификации. Проблема может быть решена посредством рациональной систематизации и концептуального разграничения норм, например, через создание «рамочного» Экологического кодекса, в котором будут закреплены основные принципы, механизмы государственного регулирования, институты экологического контроля и ответственности, в то время как детализированные положения природоресурсных отраслей сохраняют самостоятельное значение в виде специальных законов, что позволит избежать дублирования и обеспечить внутреннюю согласованность правовой системы, не нарушая целостности экологической политики Республики Таджикистан.

В целом, тенденция постепенного принятия экологических кодексов характерна для многих постсоветских стран, так как в полной мере соответствует не только

¹ Кодиров М.А. Правовая природа экологической функции государства: вопросы теории // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – №. 2 (79). – С. 95.

² Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года 01.10.2016 года.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mewr.tj/wp-content/uploads/files/National%20Development%20Strategy-2030_ru.pdf (дата обращения: 10.11.2024)

³ Боголюбов С.А. Некоторые проблемы экологического кодекса // Журнал российского права. – 2006. – №. 5 (113). – С. 9.

текущей повестке отдельных правительств, но и всего международного сообщества. В этой связи М.В. Пономарёв пишет: «Таким образом, наблюдается активизация процессов кодификации экологического законодательства в различных государствах, что, на наш взгляд, обусловлено прежде всего необходимостью его систематизации на национальном уровне и устранения в нем дефектов в виде коллизий и иных внутренних противоречий, а также повышения эффективности действия его норм. При этом систематизация эколого-правовых норм в форме кодифицированного акта, регулирующего общественные экологические отношения, на постсоветском пространстве возможна как на национальном уровне, так и на уровне различных интеграционных объединений – Содружества независимых государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС)»¹. Автор в своей статье красной нитью проводит идею формирования кодификационных инициатив не только на национальном, но и на уровне интеграционных объединений, чему есть рациональное объяснение – большинство современных экологических угроз несут трансграничный характер и гармонизация законодательств в рамках региональных институтов призвано способствовать созданию единого эколого-правового пространства, что, в свою очередь, позволит унифицировать ключевые принципы охраны окружающей среды, механизмы экологического мониторинга,

стандарты ответственности и укрепит эффективность сотрудничества государств региона.

Необходимо отметить, что современное экологическое Законодательство Республики Таджикистан находится на стадии своего активного становления и концептуального переосмысления, отражая переход от фрагментарного регулирования к системной, кодифицированной модели правового обеспечения охраны окружающей среды. Несмотря на наличие значительного массива нормативных актов, регулирующих отдельные аспекты природопользования, их эффективность во многом ограничивается отсутствием внутренней согласованности, дублирование норм, коллизиями и слабостью правоприменительной практикой.

Одной из ключевых проблем является недостаточная интеграция международных экологических стандартов в национальное законодательство, а также низкий уровень институциональной реализации основополагающих принципов современного экологического права, таких как «загрязнитель платит», расширенной ответственности производителей и устойчивого развития. В ряде случаев экологические нормы носят лишь декларативный характер, не обеспечены экономическими механизмами реализации и не подкреплены системой эффективного контроля и ответственности.

Однако, несмотря на эти недостатки, тенденции развития экологического законодательства

Республики Таджикистан позволяют говорить о формировании предпосылок для его системной кодификации и постепенного обновления. Разработка проекта Экологического кодекса Республики Таджикистан представляет собой закономерный этап институционального развития, направленный на упорядочение нормативного массива, устранение противоречий, усиление превентивной направленности правового регулирования и повышение уровня экологической ответственности субъектов хозяйственной деятельности.

Перспективы развития экологического законодательства видятся в усилении научно-обоснованного подхода к процессу нормотворчества, в интеграции экологических требований в смежные отрасли права (градостроительное, земельное, водное, энергетическое и т.д.), а также в развитии цифровых инструментов экологического мониторинга и общественного контроля.

На наш взгляд, дальнейшее развитие экологического законодательства Республики Таджикистан целесообразно рассматривать через призму конституционно экологической политики ориентированной на создание эффективной, целостной и сбалансированной системы правового регулирования, основанной на международных стандартах и принципах экологической справедливости.

Список литературы

1. Базельская конвенция «О контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением» от 22.03.1998 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/basel.pdf (дата обращения: 05.09.2025)
2. Соглашение СНГ «О сотрудничестве государств-участников СНГ в области обращения с отходами электронного и электротехнического оборудования» от 01.06.2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/550757529> (дата обращения: 05.09.2025)

¹ Пономарёв М.В. Проблемы и перспективы кодификации экологического законодательства в Российской Федерации и Республике Беларусь в

рамках Союзного государства // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023. № 1. – С. 35.

3. Закон Республики Таджикистан «Об отходах производства и потребления» от 10.05.2002 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj73118.pdf> (дата обращения: 05.09.2025)
4. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года 01.10.2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mewr.tj/wp-content/uploads/files/National%20Development%20Strategy-2030_ru.pdf (дата обращения: 05.09.2025)
5. Боголюбов С.А. Некоторые проблемы экологического кодекса // Журнал российского права. – 2006. – №. 5 (113). – С. 3-11.
6. Кодиров М.А. Правовая природа экологической функции государства: вопросы теории // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – №. 2 (79). – С. 92-98.
7. Липилина А.А. Расширенная ответственность производителя как механизм экономического регулирования системы управления пластиковыми отходами: межстрановой анализ // Экономический вестник ИПУ РАН. – 2022. – Т. 3, № 4. – С. 10-21.
8. Любарская М.А., Киктенко А.В. Влияние механизма расширенной ответственности производителей на состояние индустрии вторичных материалов в регионах России // Экономический вектор. – №. 3 (34). – 2023. – С.32-36.
9. Пономарёв М.В. Проблемы и перспективы кодификации экологического законодательства в Российской Федерации и Республике Беларусь в рамках Союзного государства // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023. № 1. – С. 34–43
10. Цусман Е.И., Дудина Т.Н. Социальные и экономические аспекты реализации расширенной ответственности производителей // Интерэкспо Гео-Сибирь. - 2020. - № 4. - С. 101-106.

**PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL
LEGISLATION IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

Poltavets Alexey Vitalievich

Senior Lecturer, Department of International Law and Comparative Law,
Russian Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, 30 M. Tursunzade Street
Tel.: (+992) 2273986, alex-city@inbox.ru

Davlatov Khizr Khakimovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Natural Sciences
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, 48/5 Borbada Ave.
Tel: (+992) 900-900-984, E-mail: mail.davlatov.khizr@gmail.com

The article analyzes the current state of the regulatory framework in the field of environmental protection. The article assesses the key challenges and problems of legal regulation of environmental standards in the Republic of Tajikistan. Particular attention is paid to the introduction of the extended producer responsibility mechanism and the introduction of a single codified act in the field of environmental protection.

Keywords: *Constitution, Environmental Code, environmental protection, EPR.*

**МУШКИЛОТ ВА ДУРНАМОИ РУШДИ ҚОНУНГУЗОРИИ МУҲИТИ ЗИСТ ДАР ҶУМҲУРИИ
ТОҶИКИСТОН**

Полтавец Алексей Виталиевич

Муаллими калони кафедраи ҳуқуқи байналхалқӣ ва ҳуқуқи муқоисавӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
тел.:(+992) 2273986, alex-city@inbox.ru

Давлатов Хизр Хокимович

Номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент, кафедраи илмҳои гуманитарӣ ва илмҳои табиӣ
Донишгоҳи байналмилалӣ туризм ва соҳибкорӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон
734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Борбада 48/5
Почтаи электронӣ: mail.davlatov.khizr@gmail.com
Тел: (+992) 900-900-984

Мақола ҳолати кунунии доираи танзимкунанда дар соҳаи ҳифзи муҳити зистро таҳлил мекунад. Мақола мушкилот ва масъалаҳои асосии танзими ҳуқуқии меъёрҳои экологӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистонро арзёбӣ мекунад. Таваҷҷӯҳи махсус ба чорӣ намудани механизми масъулияти васеъшудаи истеҳсолкунанда ва қабули як санади ягонаи кодекси дар соҳаи ҳифзи муҳити зист равона шудааст.

Калидвожаҳо: *Конститутсия, Кодекси муҳити зист, ҳифзи муҳити зист, масъулияти васеъшудаи истеҳсолкунанда.*

УДК 342.3

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Салохидинова Симо Махмадиевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, проспект Рудаки, 17.
Тел: (+992 93) 101 19 79. E-mail: simo_s@mail.ru.

Рисолати Раджабали

старший преподаватель кафедры права
Таджикский государственный педагогический университета им.С. Айни.
734003, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 121.
Тел.: (+992 98) 509 02 92.

В статье исследуются основные теоретико-правовые подходы к определению сущности и содержания категории «социальное государство» в современной юридической науке. Обосновывается, что социальное государство относится к числу фундаментальных категорий конституционно-правовой и общей теории государства и права, поскольку через него раскрываются социальная направленность государственной власти, её ценностные ориентиры и формы взаимодействия государства, общества и личности. Рассматриваются исторические предпосылки становления идеи социального государства в западной и восточной политико-правовой мысли. На основе анализа отечественной и зарубежной юридической доктрины выделяются пять основных подходов к пониманию социального государства: перераспределительный, функционально-социальный, правосоциальный, политико-стабилизационный и партнёрский. Показано, что данные подходы различаются по методологическим основаниям, однако в совокупности позволяют раскрыть нормативно-правовую, социально-политическую и институциональную природу социального государства. Особое внимание уделяется разграничению узкого и широкого подходов к определению социального государства. Делается вывод о том, что в узком смысле социальное государство понимается как механизм перераспределения ресурсов и реализации социальной политики, тогда как в широком смысле оно выступает как интегральная конституционная характеристика государства, отражающая его социальную ответственность, ориентацию на общественную солидарность, социальную устойчивость и взаимодействие с институтами гражданского общества.

Ключевые слова: социальное государство, социальная справедливость, социальная политика, правовое государство, конституционные принципы, социальная солидарность, государство и общество.

Салохидинова С.М.

Категория социального государства относится к числу фундаментальных в современной юридической науке, поскольку именно через неё раскрываются содержание, социальная направленность и ценностные ориентиры государственной власти. Повышенное внимание к проблематике социального государства обусловлено его сложной правовой природой, многоаспектностью содержания и эволюционным характером развития, что позволяет рассматривать его в качестве

Рисолати Р.

одного из ключевых элементов взаимодействия государства, права и общества. Разные научные взгляды на сущность, признаки и функции социального государства показывают, что это понятие является сложным и неоднозначным. Вместе с тем они подтверждают его важное значение в правовом регулировании общественных отношений.

Отечественными и зарубежными авторами отмечается, что идея социального государства имеет давнюю историю. Так, С.Г. Василевич отмечает, что «история становления идеи социального государства насчитывает несколько столетий, однако до настоящего времени в научной литературе не сложилось единого подхода к пониманию данного явления. Наиболее активное развитие эта концепция получила в XVII–XIX веках. Среди мыслителей, внесших значительный вклад в её формирование, можно выделить П. Гольбаха, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и Г. Гегеля. Странники социального государства обосновывали необходимость его развития идеями гуманизма, справедливости и солидаризма, что нашло отражение в трудах О. Конта, Э. Дюркгейма, Л. Дюги и других исследователей»¹.

Вместе с тем отечественные исследователи отмечают, что проблематика социальной справедливости находилась в центре внимания не только западной, но

и восточной общественно-политической и философско-правовой мысли. Как отмечают А.М. Диноршоев и Г.Д. Солехзода «в отечественной политико-правовой и философской науке данная проблема рассматривается сквозь призму исторического наследия таджикского народа, чему уделяется значительное внимание. Анализ трудов таких выдающихся таджикских мыслителей, как Закария Рози, Фараби, аль-Маварди, Абу Райхан Бируни, Абуали ибн Сино, Насир Хисрав, Низам аль-Мульк, Мухаммад Газали, Насиридин Туси, Мирзо Абдулкодири Бедил, Ахмад Дониш, позволяет сделать вывод о том, что идеи социальной справедливости занимали фундаментальное место в системе их философско-правовых взглядов»².

В юридической доктрине общепризнанным является утверждение, что термин «социальное государство» был введён в научный оборот немецким государствоведом Лоренцем фон Штейном в 1850 году. Согласно его позиции, социальное государство «обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, поскольку, в конечном счёте, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле следует понимать социальное государство»³. В западной правовой доктрине в качестве синонимичного обозначения социального государства употребляется термин «государство благосостояния» (welfare state)⁴.

Следует подчеркнуть, что категория «социальное государство» выступает объектом исследования не только юридической науки, но и иных отраслей научного знания, в частности экономики, социологии, политологии и философии⁵. В философском дискурсе социальное государство рассматривается как «особый тип современного высокоразвитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищённости всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и иных сфер жизнедеятельности общества, утверждению социальной справедливости и солидарности. Социальное государство знаменует высокий уровень сближения целей и гармонизации отношений государственных институтов и общества»⁶. С позиций социологической науки социальное государство определяется как «особый тип государства, возникший в результате широкого исторического компромисса разнонаправленных политических и социальных сил в интересах всех слоёв общества, основанного на осознании зоны объективных общих интересов контрагентов социального противоборства и необходимости её дальнейшего расширения посредством активной социальной политики, базис-

¹ Василевич С.Г. Понятие и сущность социального государства // Вестник экономической безопасности. №3, 2017. – С. 95-96.

² Диноршоев, А.М., Солехзода Г.Д. Эволюция представлений о социальном государстве в мировой философско-правовой мысли // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2020. – № 2. – С. 174-178.

³ Чиркин В.Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы. Журнал российского права. – № 12. – 2008. – С. 24-37.

⁴ Забралова О.С. Социальное государство: понятие, сущность и виды // Актуальные проблемы российского права. Т. 17, № 6. (139), 2022. – С.21-31.

⁵ Диноршоев, А.М., Солехзода Г.Д. К вопросу о понятии социального государства // Законодательство. – 2020. – № 2(38). – С. 13-18.

⁶ Новая философская энциклопедия: В 4 тт. – М.: Мысль / Под редакцией В.С. Степина. 2001.

рующей на экономической эффективности и политической стабильности»¹.

В юридической науке категория социального государства характеризуется значительным многообразием подходов к её интерпретации. Анализ сложившихся в зарубежной и отечественной юридической доктрине представлений о сущности социального государства позволяет сделать вывод о многоаспектном характере его понимания, обусловленном различием методологических оснований и исследовательских приоритетов. Обобщение существующих концепций позволяет сформировать целостную типологию подходов, раскрывающих как нормативно-правовую, так и социально-политическую природу данного феномена. Нами выделяются 5 подходов.

1. Перераспределительный подход. Данный подход исходит из понимания социального государства как институционального механизма перераспределения материальных ресурсов в целях достижения социальной справедливости. В рамках этой концепции центральным инструментом реализации социальной функции выступает изъятие части благ у одних социальных групп и их передача другим, что позволяет корректировать социально-экономическое неравенство.

Представителем данного направления является Э.В. Габрелян, который подчёркивает, что социальное государство ориентировано на достижение фактического (материального) равенства, противопоставляемого формальному юридическому равенству. При этом социальная функция рассматривается как корректирующий элемент по отношению к классической модели правового государства². Среди отечественных авторов данной позиции придерживается Г.Д. Солехзода, которая подчёркивает приоритет создания достойного уровня жизни, сокращения социального неравенства и поддержки уязвимых групп населения³.

2. Функционально-социальный подход. В рамках функционально-социальной модели социальное государство определяется прежде всего через содержание и масштаб государственной социальной политики. Его сущность раскрывается посредством анализа направлений и инструментов социального регулирования.

Представители данного направления – П.Н. Байматов⁴, М.В. Баглай⁵, К.В. Арановский⁶ – связывают социальность государства с активной реализацией многоуровневой социальной политики, включающей сферу занятости, образования, здравоохранения, жилищного обеспечения и иные направления социальной поддержки. Государство

при этом выступает активным регулятором экономических процессов, используя властные механизмы для обеспечения социальной справедливости и социальной защищённости населения.

В рамках подхода выстраиваются взгляды таких отечественных авторов как А.И. Имомов⁷ и Р.Ш. Шарофзода⁸. Они акцентируют внимание на формировании и реализации государством активной социально-экономической политики, направленной на обеспечение достойной жизни и свободного развития личности. Социальное государство в данной интерпретации раскрывается прежде всего через практическую деятельность и механизмы государственного регулирования.

В этой парадигме уровень социальной ответственности измеряется объёмом социальных гарантий, степенью развития системы социального обеспечения и глубиной государственного вмешательства в экономику. Социальное государство рассматривается как деятельностная модель, ориентированная на практическое обеспечение достойного уровня жизни.

3. Правосоциальный подход. Правосоциальная концепция исходит из органической взаимосвязи правового и социального начал государства. Социальное государство не противопоставляется правовому, а рассматривается как его логическое развитие и углубление. Так, С.А. Авакьян подчёркивает, что социальное государство направлено

¹ Храмцов А.Ф. Социальное государство. Практика формирования и функционирования в Европе и России // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 23

² Габрелян, Э.В. О правовом социальном государстве // Российская юстиция. – 2011. – № 5. – С. 32–34.

³ Солехзода Г.Д. Конституционно-правовые основы Республики Таджикистан как социального государства. дисс. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2020 – С. 52.

⁴ Байматов, П.Н. Россия и Запад: конституционное право граждан на социальное обеспечение – индикатор социального государства // Право и политика. – 2014. – № 2 (170). – С. 197–206.

⁵ Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М., 2013. – С. 118-119 с.

⁶ Арановский, К.В. Государственное право зарубежных стран. – М., 1998. – С.104.

⁷ Имомов, А.И. Таджикистан на пути к укреплению независимости // Конституционно-правовые проблемы развития Республики Таджикистан (1992–1998): Сб. статей. – Душанбе, 1998. – С.40.

⁸ Сотиволдиев, Р.Ш. Назарияи давлат ва ҳуқуқ; китоби дарси барои мактабҳои олии. – Душанбе: Имперал-групп, 2014. – С.303.

на создание условий для достойной жизни и свободного развития личности, что предполагает интеграцию социальных прав в единую систему конституционных прав и свобод¹. В свою очередь О.Е. Кутафин связывает сущность социального государства с достижением общественного прогресса на основе принципов социального равенства, солидарности и взаимной ответственности. Иными словами, автором социальность рассматривается не только как совокупность мер социальной политики, но прежде всего как система нормативно закреплённых принципов, определяющих конституционную модель государства. В этом контексте социальное государство выступает продолжением и развитием правового государства, а его социальная направленность закрепляется на уровне фундаментальных правовых ценностей².

Среди отечественных авторов в русле правосocialного подхода формулирует свою позицию А.Х. Маликова, рассматривая социальное государство как правовое, демократическое и светское государство, реализующее социально ориентированную политику в сфере занятости, образования, здравоохранения и иных общественно значимых областей. В данной концепции социальность не автономна, а включена в целостную конституционную характеристику государства, где правовое, демократическое и социальное начала находятся в органическом един-

стве³. Аналогичной логики придерживаются С.Ю. Алимов и А.М. Диноршоев, определяющие социальное государство через принципы социального равенства, солидарности и взаимной ответственности. Их позиция также интегрирует социальную функцию в систему конституционных принципов, что позволяет отнести её к данной модели⁴. Социальность в этой модели понимается шире, чем перераспределение материальных благ: она выражается в обеспечении полноценного правового статуса личности, включающего личные, политические и социально-экономические права в их системном единстве.

4. Политико-стабилизационный подход. Согласно политико-стабилизационному подходу, социальная функция государства обусловлена необходимостью поддержания социальной устойчивости и предотвращения конфликтов. Представитель данного направления О.В. Родионова рассматривает социальность как проявление инстинкта политического самосохранения государства⁵.

Социальная политика в этой интерпретации выступает средством минимизации чрезмерных различий в доступе к общественным благам и инструментом предупреждения социальной дестабилизации. В условиях индустриального и постиндустриального общества социальная функция приобретает характер объективной исторической необходимости. Таким образом, социальное государство понимается как

результат эволюции государственности, обусловленный требованиями общественной стабильности.

5. Партнёрский подход. Партнёрский подход отражает современную тенденцию к диверсификации субъектов социальной политики. Социальное государство в данной интерпретации функционирует не как монополюсильный носитель социальной ответственности, а как координатор взаимодействия различных акторов. Помимо государства, в реализации социальной функции участвуют институты гражданского общества, бизнес-структуры, некоммерческие организации и иные субъекты социального партнёрства. Акцент делается на развитии трипартизма, корпоративной социальной ответственности и взаимной ответственности государства, общества и частного сектора. Социальность приобретает характер совместной, распределённой компетенции⁶.

Анализируя представление позиции, можно заключить, что в юридической науке существуют два подхода к определению понятия и содержания категории «социальное государство» – узкое и широкое. Такое деление позволяет учесть разнообразие подходов, представленных в юридической литературе, и лучше раскрыть сущность этого правового явления.

В рамках узкой трактовки перераспределительный и функционально-социальный подходы объединяет их ориентация на ин-

¹ Авакьян, С.А. Конституционный лексикон. Государственно-правовой терминологический словарь. – М.: Юстицинформ, 2015. – С.590.

² Кутафин, О.Е. Государственное право Российской Федерации [Текст] / О.Е. Кутафин. – М., 1996. – С.141.

³ Маликова, А.Х. Проблемы формирования социального государства в Таджикистане: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Маликова Азиза Хорисовна. – Москва, 2012. – С.116.

⁴ Алимов, С.Ю. Конституционное право Республики Таджикистан. под общ. ред. А.М. Диноршоева. – Душанбе, 2017. – С.150.

⁵ Родионова, О.В. Современное социальное государство: типология и проблемы модернизации // Правоведение. – 2010. – № 3. – С. 15-26.

⁶ Ау, Т.И. К вопросу о понятии социального партнёрства (с учетом специфики Казахстана) // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 11. – С. 17-23.

струментально-прикладное изменение социальной функции, при котором социальность редуцируется к механизмам государственной социальной политики, перераспределению экономических ресурсов и институциональному обеспечению системы социальных гарантий. В данной интерпретации социальное государство выступает преимущественно как средство сглаживания социально-экономической дифференциации и практический инструмент достижения материального равенства и социальной защищённости населения.

Согласно узкому подходу, авторы акцентируют внимание на обязанности государства создавать условия, необходимые для достойной жизни, и обеспечивать социальную справедливость. Иными словами, сторонники узкого подхода сосредотачиваются на базовой обязанности государства – обеспечении необходимых условий для жизни и достижении социальной справедливости. Они считают, что социальное государство должно выполнять минимально необходимые функции для поддержания достойного уровня жизни граждан и устранять социальное неравенство через перераспределение ресурсов и защиту уязвимых слоев населения. Такой подход фокусируется на базовых функциях государства, направленных на защиту наиболее уязвимых слоев населения, минимизацию неравенства и гарантирование равных возможностей для всех.

В противоположность этому правосоциальный, политико-стабилизационный и партнёрский подходы формируют широкую концептуальную модель, в пределах которой социальность рассматривается как интегральное свойство государственности, закреплённое на уровне конституционных принципов и ценностей. Здесь социальное государство осмысливается не только через призму социальной политики, но и как выражение нормативно-ценностных оснований общественного устройства, как исторически обусловленный механизм поддержания социальной устойчивости и как система распределённой ответственности, предполагающая институционализированное взаимодействие публичной власти, институтов гражданского общества и иных субъектов социального партнёрства.

В рамках широкой трактовки делается акцент на конкретные сферы, в которых государство обязано активно участвовать, чтобы реализовывать принцип социального государства.¹ Приверженцы широкой трактовки расширяют границы понимания социального государства, включая в его функции участие в решении конкретных задач в различных сферах общественной жизни. Они утверждают, что социальное государство должно активно влиять на развитие таких областей, как здравоохранение, образование, занятость, защита семьи, социальное страхование и другие аспекты, обеспечивающие всеобъемлющее благосостояние граждан. Иными словами, в

рамках данного подхода социальное государство рассматривается как более комплексная система, в которой государство не только обеспечивает социальную справедливость, но и активно участвует в различных сферах жизни общества. В данном подходе государство берет на себя роль не просто гаранта минимальных стандартов, но и активного участника, способствующего гармоничному развитию общества в целом.

Раскрывая отличия между узким и широким подходами, к определению категории «социальное государство» Т.И. Ау отмечает, что в первом случае речь как правило ведется вокруг выстраивания отношений «государство-личность». В широком контексте социальное государство должно восприниматься как выстраивание отношений «государство - общество»². Исходя из этого, она делает вывод, что «в определении социального государства необходимо учитывать взаимосвязь «государство-общество», а не ограничиваться только отношением «государство-личность». Хотя социальное государство ориентировано на защиту прав и интересов личности, его сущность заключается в более широком понимании взаимодействия с обществом. В противном случае такое государство можно было бы назвать антропоцентрическим. Отношения между государством и обществом играют ключевую роль в формировании взаимодействия между государством и личностью.

Библиографический список

1. Авакьян, С.А. Конституционный лексикон. Государственно-правовой терминологический словарь. – М.: Юстицинформ, 2015. – 656 с.

¹ Солехзода Г.Д. Конституционно-правовые основы Республики Таджикистан как социального государства. дисс. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2020 – С.45.

² Ау Т.И. Проблемы социальной государственности в Республике Казахстан (в контексте сравнения с опытом Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – С.135.

2. Алимов, С.Ю. Конституционное право Республики Таджикистан. Под общ. ред. А.М. Диноршоева. – Душанбе, 2017. – 528 с.
3. Арановский, К.В. Государственное право зарубежных стран. – М., 1998. – 488 с.
4. Ау Т.И. Проблемы социальной государственности в Республике Казахстан (в контексте сравнения с опытом Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – С.135.
5. Ау, Т.И. К вопросу о понятии социального партнерства (с учетом специфики Казахстана) // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 11. – С. 17-23.
6. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М., 2013. – 784 с.
7. Байматов, П.Н. Россия и Запад: конституционное право граждан на социальное обеспечение – индикатор социального государства // Право и политика. – 2014. – № 2 (170). – С. 197–206.
8. Василевич С.Г. Понятие и сущность социального государства // Вестник экономической безопасности. №3, 2017, – С. 95-96.
9. Габрелян, Э.В. О правовом социальном государстве // Российская юстиция. – 2011. – № 5. – С. 32–34.
10. Диноршоев, А.М., Солахзода Г.Д. Эволюция представлений о социальном государстве в мировой философско-правовой мысли // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2020. – № 2. – С. 174-178.
11. Диноршох, А.М., Солахзода Г.Д. К вопросу о понятии социального государства // Законодательство. – 2020. – № 2(38). – С. 13-18.
12. Забралова О.С. Социальное государство: понятие, сущность и виды // Актуальные проблемы российского права. Т. 17, № 6. (139), 2022. – С.21-31.
13. Имомов, А.И. Таджикистан на пути к укреплению независимости // Конституционно-правовые проблемы развития Республики Таджикистан (1992–1998): Сб. статей. – Душанбе, 1998. – 208 с.
14. Кутафин, О.Е. Государственное право Российской Федерации. – М., 1996. – 580 с.
15. Маликова, А.Х. Проблемы формирования социального государства в Таджикистане: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2012. – 365 с.
16. Родионова, О.В. Современное социальное государство: типология и проблемы модернизации // Правоведение. – 2010. – № 3. – С. 15-26.
17. Солахзода Г.Д. Конституционно-правовые основы Республики Таджикистан как социального государства. дисс. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2020 – 200 с.
18. Сотиволдиев, Р.Ш. Назарияи давлат ва ҳуқуқ. Китоби дарси барои мактабҳои олии. – Душанбе: Империял-групп, 2014. – 720 с.
19. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. – М.: Мысль / Под редакцией В.С. Степин. 2001.
20. Храмов А.Ф. Социальное государство. Практика формирования и функционирования в Европе и России // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 23
21. Чиркин В.Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы. Журнал российского права. – № 12. – 2008. – С. 24-37.

THEORETICAL AND LEGAL APPROACHES TO UNDERSTANDING THE ESSENCE OF THE SOCIAL STATE

Salokhidinova Simo Makhmadiyeva

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law
at the Faculty of Law of Tajik National University.
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 17.

Tel.: (+992 93) 101 19 79. E-mail: simo_s@mail.ru.

Risolati Rajabali

Senior Lecturer at the Department of Law,
Tajik State Pedagogical University named after S. Ayni.
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 121.
Tel.: (+992 98) 509 02 92.

The article examines the main theoretical and legal approaches to defining the essence and content of the category of the “social state” in modern legal scholarship. It is argued that the social state is one of the fundamental categories of constitutional law and the general theory of state and law, since it reveals the social orientation of state

power, its value foundations, and the forms of interaction between the state, society, and the individual. The historical prerequisites for the formation of the idea of the social state in Western and Eastern political, legal, and philosophical thought are analyzed. Based on the study of domestic and foreign legal doctrine, five principal approaches to understanding the social state are identified: redistributive, functional-social, legal-social, political-stabilization, and partnership-based. It is shown that these approaches differ in their methodological foundations, yet collectively make it possible to reveal the normative-legal, socio-political, and institutional nature of the social state. Particular attention is paid to distinguishing between the narrow and broad approaches to the definition of the social state. The article concludes that in the narrow sense, the social state is understood as a mechanism for redistribution of resources and implementation of social policy, whereas in the broad sense it acts as an integral constitutional characteristic of the state, reflecting its social responsibility, commitment to public solidarity, social stability, and interaction with civil society institutions.

Keywords: *social state, social justice, social policy, rule-of-law state, constitutional principles, social solidarity, state and society.*

РАВИШҶОИ НАЗАРИЯВИЮ ҲУҚУҚӢ ДОИР БА ФАҲМИШИ МОҲИЯТИ ДАВЛАТИ ИҶТИМОӢ

Салоҳидинова Симо Маҳмадиевна

номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсенти кафедраи ҳуқуқи конститусионӣ ва маъмурии факултети ҳуқуқи До-
нишгоҳи миллии Тоҷикистон.

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёб. Рӯдакӣ, 17.

тел: (+992 93) 101 19 79. E-mail: simo_s@mail.ru.

Рисолати Раҷабалӣ

муаллими калони кафедраи ҳуқуқи

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни.

734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, х. Рӯдакӣ, 121.

тел.: (+992 98) 509 02 92.

Дар мақола равишҳои асосии назариявию ҳуқуқӣ оид ба муайян намудани моҳият ва муҳтавои категорияи «давлати иҷтимоӣ» дар илми муносири ҳуқуқшиносӣ мавриди таҳқиқ қарор гирифтаанд. Асоснок карда мешавад, ки давлати иҷтимоӣ ба шумори категорияҳои бунёдии ҳуқуқи конститусионӣ ва назарияи умумии давлат ва ҳуқуқ мансуб буда, маҳз тавассути он самти иҷтимоии ҳокимияти давлатӣ, арзишҳои асосии он ва шаклҳои ҳамкории давлат, ҷомеа ва шахсият ифшо мегарданд. Заминаҳои таърихӣ ташаккули ғояи давлати иҷтимоӣ дар афкори сиёсӣ ҳуқуқи ғарбӣ ва шарқӣ баррасӣ мешаванд. Дар заминаи таҳлили доктринаи ватанӣ ва хориҷии ҳуқуқӣ панҷ равиши асосӣ ба фаҳмиши давлати иҷтимоӣ ҷудо карда мешаванд: бозтақсимкунӣ, функционалию иҷтимоӣ, ҳуқуқию иҷтимоӣ, сиёсӣ-устуворкунанда ва шарикӣ. Нишон дода мешавад, ки ин равишҳо аз рӯи асосҳои методологӣ фарқ доранд, вале дар маҷмӯъ имконият медиҳанд, ки табиати меъёрӣ-ҳуқуқӣ, иҷтимоӣ-сиёсӣ ва институтсионалии давлати иҷтимоӣ ошкор карда шавад. Таваҷҷуҳи махсус ба фарқгузорӣ миёни равишҳои маҳдуд ва васеъ нисбат ба муайян намудани давлати иҷтимоӣ дода мешавад. Хулоса бароварда мешавад, ки дар маънои маҳдуд давлати иҷтимоӣ ҳамчун механизми бозтақсимкунии захираҳо ва татбиқи сиёсати иҷтимоӣ фаҳмида мешавад, вале дар маънои васеъ он ҳамчун хусусияти томи конститусионии давлат, ки масъулияти иҷтимоӣ, тамоюл ба ҳамбастагии ҷамъиятӣ, суботи иҷтимоӣ ва ҳамкорӣ бо ниҳодҳои ҷомеаи шахрвандиро инъикос менамояд, арзёбӣ мегардад.

Калидвожаҳо: *давлати иҷтимоӣ, адолати иҷтимоӣ, сиёсати иҷтимоӣ, давлати ҳуқуқбунёд, принципҳои конститусионӣ, ҳамбастагии иҷтимоӣ, давлат ва ҷомеа.*

УДК 342.7 (575.3)

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА КАК ГАРАНТИЯ ИСПОЛНЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ
РЯДА СТАТЕЙ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН)**

Улугов Умиджон Амонович

Директор Государственного учреждения «Национальный центр по выполнению Стокгольмской Конвенции о стойких органических загрязнителях» Комитета по охране окружающей среды при Правительстве Республики Таджикистан

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, С. Абдуллоев, 77

Тел.:(+992) 778888753, E-mail: umed.ulugov@gmail.com

Статья предлагает анализ ряда действующих статей Конституции Республики Таджикистан, предусматривающих социально-экономические права граждан в увязке с выполнением страной экологической функции. Подчеркивается прочная связь влияния экологических вывозов на аспекты права собственности граждан, а также трудовые права. Статья анализирует возможные правовые механизмы, направленные на предотвращения влияния экологических проблем на жизнь, здоровье и имущество граждан страны.

Ключевые слова: *право собственности, экологические ограничения, труд, гигиена труда, химические вещества, опасное производство, либерализация рынка*

Конституционные нормы играют важную роль для определения экологической функции государства. Являясь фундаментом или основой для системы процессов принятия решений в области охраны окружающей

среды и рационального природопользования, они призваны обеспечить достойное проживание человека и гражданина в стране. Экологические конституционные нормы имеют, несомненно, важное значение, среди которых отдельно выделяем так называемые прямые экологические нормы, к примеру, статьи 13 или 44 Конституции страны, которые непосредственно устанавливают правовые отношения в сфере природопользования, обеспечивают аспекты рациональности, защиты, равно как меры ответственности. Но для нас также важны и иные положения, которые мы рассматриваем в качестве гарантий для соблюдения права человека на благоприятную окружающую среду. Среди прочего мы выделяем две

наиболее важные группы: социальные и экономические. Как справедливо отмечает Икрамов Р.А.¹, «социальные права связаны с процветанием», и мы лишь можем добавить, что экономические права неразрывно связаны с благополучием человека и гражданина. Мы также не можем не отметить мнение Бринчук М.М., который утверждает, что «показателем социального государства является достойная жизнь каждого человека и общества»².

В научной доктрине право собственности рассматривается как неприкосновенная и незыблемая основа реализации прав человека, равно как рассматривается одним из элементов «частной автономии»³ и свободы распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению.

¹ Икрамов Р. А. Конституционные и правовые основы экологических прав человека // The Scientific Heritage. 2020. №54-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-i-pravovye-osnovy-ekologicheskikh-prav-cheloveka> (дата обращения: 27.02.2026).

² Бринчук Михаил Михайлович Развитие экологического права в конституционно-цивилизационном аспекте // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №1 (53). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-ekologicheskogo-prava-v-konstitutsionno-tsivilizatsionnom-aspekte> (дата обращения: 27.02.2026).

³ Урумова Ф. М. О правах собственности, частной автономии и контрактах // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 3. С. 9–10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravah-sobstvennosti-chastnoy-avtonomii-i-kontraktah> (дата обращения: 09.01.2026 г.).

Статья 32 Конституции Республики Таджикистан гарантирует право собственности и запрещает лишение или ограничение этим правом. Однако, права на природные ресурсы рассматриваются как отдельный институт и могут быть получены только при достижении и выполнении определенных условий. Роль экологической функции государства заключается в установлении экологических ограничений¹ использования природных ресурсов с обоснованным подходом, поскольку речь идет о жизни и здоровье населения, защите компонентов окружающей среды, равно как необходимости защиты имущественных прав. Мы полагаем, что конституционные гарантии безопасности имущества в экологическом контексте должны носить естественные ограничительные меры, т.к. затрагиваются интересы широкого круга лиц, в том числе государства. В этом контексте уместно напомнить о положениях статьи 13, рассмотренных выше.

Современные функции государства по обеспечению экологического благополучия уместаются в рамки общего социального благополучия и рассматриваются с рядом других конституционно закрепленных социальных аспектов защиты прав граждан. Мы сюда, в том числе, относим и вопросы права на труд, соблюдения правил организаций условий труда, включающих аспекты безопасности, благополучия и материального удовлетворения. Статья 35 Конституции страны также обеспечивает свободу человека выбирать профессии, а государство берет на себя заботу для создания всех необхо-

димых условий, включая гарантии при безработице. С экологической позиции крайне важно учитывать факторы риска, с которыми могут сталкиваться граждане при осуществлении права на труд. Совершенствование науки и техники в современных условиях все чаще ставит вопрос о необходимости изучения возможных последствий влияния на организм человека тех или иных факторов и, самое главное, адекватное закрепление в законодательстве страны необходимых мер по предотвращению негативного влияния на жизнь и здоровье трудящихся, социального и материального обеспечения при неблагоприятных условиях.

В этом вопросе Таджикистане придерживается норм международного права и закрепленные Международной Организацией Труда (МОТ) Организации Объединенных Наций директивы (нормы права), которые стали частью законодательного регулирования аспектов по безопасности труда, обеспечение достойных условий труда. Совместно с партнерами по развитию страна реализовала страновую программу достойного труда на 2020–2024 годы, и направила усилия на укрепление трудовых прав, совершенствование законодательства, повышение безопасности и охраны труда, а также развитие механизмов социального диалога. Мы отмечаем важность нормативного закрепления экологических аспектов безопасности.

Трудовые правоотношения напрямую относятся к вопросам обеспечения экологической безопасности в ряде экологически опасных секторов, включая секторы управления химическими

веществами (равно как отходами), промышленной безопасностью и устойчивым развитием. Приведем ряд примеров: конвенция № 155 «О безопасности и гигиене труда», охватывающая вопросы управления профессиональными рисками, предотвращения аварий, контроля опасных веществ (актуальны вопросы экологической безопасности в химической промышленности, энергетике и горнодобывающем секторе); Конвенция № 170 «О химических веществах» регулирует классификацию химических веществ, маркировку, безопасное обращение, повышение информирования работников (имеет актуальность в сферах обращения с химическими веществами и отходами); конвенция № 174 «О предотвращении крупных промышленных аварий», актуальность подтверждена в связи с наличием в стране крупных ГЭС, предприятий горно-добывающей промышленности.

Подводя итог размышлений по проблемам регулирования трудовых правоотношений, связанных с экологической функцией государства по обеспечению достойных условий труда, включая экологическую безопасность, отметим, в современных условиях развитие рынка требует от государства не только меры по обеспечению безопасности, но также предотвращения возможных рисков, что связано с необходимостью проведения глубокой реформы системы принятия решений, включая сферу экологических экспертиз, стандартизации, мониторинга и контроля. Это также требует перехода на политику создания «зелёных ра-

¹ Рассмотреть, к примеру закон Республики Таджикистан «О животном мире» (Ахбори Маджлиси Оли РТ, 2008г, №1 (ч.2), ст.19), в главе 10 которого речь идет о зоологических коллекциях, формирование которых напрямую зависит от прав и возможностей физических или юридических лиц изымать из

окружающей среды животных. Правовым ограничением является возраст, право на ношение оружия, разрешительная система, дееспособность, время года, контроль видового разнообразия, численность животных и другие факторы

бочих мест», сочетающих экономическую и экологическую безопасность¹.

Одна из важных статей Конституции страны, статья 38, посвящена вопросам охраны здоровья, праву на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности и в иных предусмотренных законом случаях, бесплатности и доступности медицинского обслуживания. При этом конституционная норма связывает данные вопросы напрямую с термином «оздоровление окружающей среды», что по мнению ряда ученых² является одной из наиболее актуальных проблем современного здравоохранения и экологической политики государства. Мы полагаем, что с позиции экологической функции государства это могут быть адекватные меры по защите лиц, пострадавших (заболевших, получивших инвалидность, права родственников погибших) от неблагоприятных экологических факторов, следовательно, социальная политика должна учитывать факторы риска, возникающие в таких условиях и разрабатывать компенсаторные меры, в идеале – профилактика возникновения рисков.

Мы видим во взаимосвязи охраны здоровья населения и охраны окружающей среды не два параллельных направления, но единую систему, связанную между собой, что крайне часто отражается на процессах принятия решений на уровне органов государственной власти. Право

на охрану здоровья реализуется через политику контроля за химическими, биологическими, радиационными воздействиями, реагирования на различной степени чрезвычайные ситуации. Следовательно, здоровье человека и его охрана напрямую зависят от степени охраны окружающей среды.

Прогнозирование экологических и социальных рисков как аспект экологической функции государства на данном этапе, на наш взгляд, является анахроничной процедурой, разделенной между различными ведомствами, не представляющих единого механизма контроля, мониторинга. В советский этап развития страны процессы социального регулирования (экологические функции отдельно не рассматривались) были объединены в единых центрах принятия решений и контроля, чему способствовали практически «монолитное» правовая доктрина в отношении государственного управления и ограниченность права собственности. В нынешних условиях глобализации, экономического многообразия прав собственности, либерализации рынка использования природных ресурсов, разнообразие развития опасных производств и связанных с ним рисков в отношении здоровья населения, требуется принципиально новый подход, который бы содержал в себе правовые нормы определения рисков на этапе планирования, реализации проектов и со-

стоящих из возможных экологических, социальных и культурных факторов воздействия. Более того, внедряемая на глобальном уровне, равно как и в нашей стране современная концепция «экологической справедливости»³, подразумевает доступ к факторам определения рисков самих природопользователей через цифровые средства, применение искусственного интеллекта, как инструментов по достижению понимания ответственности перед уязвимыми социальными группами, которые в свою очередь несут диспропорциональное бремя этих рисков. В этом смысле роль органов здравоохранения, социального обеспечения и охраны окружающей среды согласно статье 38 Конституции страны не могут рассматриваться изолированно, а наоборот, взаимно дополняться в выполнении общей экологической функции государства.

Таким образом, подводя итоги анализа вышеперечисленных статей Конституции Республики Таджикистан, делаем вывод, что несмотря на отсутствия прямой статьи, формулирующую право граждан на благоприятную окружающую среду, экологическая функция государства пронизана практически во всех нормах, связанных с правами человека, гарантирующая всевозможные права и свободы человека, а также гарантирующие достойное качество жизни. Сегодня Таджикистан находится

¹ Пахомов Ю. Н., Липатова Л. Н. Экологические аспекты экономической безопасности региона // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14–2. С. 908–909. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-aspekty-ekonomicheskoy-bezopasnosti-regiona-1> (дата обращения: 09.01.2026 г.).

² Игнатъева Л. П., Кирдей Е.Г., Погорелова И. Г. В работе научно обоснована разработка комплексных программ оздоровления окружающей среды и населения, подверженного экологическому риску // БМЖ.

2002. № 2. С. 59–60. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-rabotenauchno-obosnovana-razrabotka-kompleksnyh-programm-ozdorovleniya-okruzhayushey-sredy-i-naseleniya-podverzhennogo> (дата обращения: 09.01.2026 г.).

³ Конституция Республики Таджикистан: ст. 13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 20.02.2026 г.).

на пороге глубоких трансформационных процессов, где устаревшие модели управления уступают место современным, инновационным методам, а экологическое управление в них играет ведущую роль. В этой связи считаем важным упомянуть неоднократные мысли Основателя мира и национального единства – Лидера нации, многоуважаемого

Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, закрепленные в посланиях членам Маджлиси милли и депутатам Маджлиси намояндагон об основных направлениях внутренней и внешней политики республики, где подчеркивается вступление страны в новый этап развития¹, необходимость принятия своевременных мер для

предотвращения отрицательного влияния внешних факторов, к которым, мы, несомненно относим отсутствие мер по трансформации системы управления с учетом аспектов устойчивого развития.

Библиографический список

1. Бринчук Михаил Михайлович Развитие экологического права в конституционно-цивилизационном аспекте // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №1 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ekologicheskogo-prava-v-konstitutsionno-tsivilizatsionnom-aspekte> (дата обращения: 27.02.2026).
2. Конституция Республики Таджикистан: ст. 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 20.02.2026 г.).
3. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.tj/event/missives/49237> (дата обращения: 20.02.2026 г.).
4. Игнатъева Л. П., Кирдей Е.Г., Погорелова И. Г. В работе научно обоснована разработка комплексных программ оздоровления окружающей среды и населения, подверженного экологическому риску // БМЖ. – 2002. – № 2. – С. 59–60. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-rabote-nauchno-obosnovana-razrabotka-kompleksnyh-programm-ozdorovleniya-okruzhayuschey-sredy-i-naseleniya-podverzhenного> (дата обращения: 09.01.2026 г.).
5. Икрамов Р. А. КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА // The Scientific Heritage. 2020. №54-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-i-pravovye-osnovy-ekologicheskikh-prav-cheloveka> (дата обращения: 27.02.2026).
6. Пахомов Ю. Н., Липатова Л. Н. Экологические аспекты экономической безопасности региона // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2019. – № 14–2. – С. 908–909. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-aspekty-ekonomicheskoy-bezopasnosti-regiona-1> (дата обращения: 09.01.2026 г.).
7. Урумова Ф. М. О правах собственности, частной автономии и контрактах // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 3. – С. 9–10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravah-sobstvennosti-chastnoy-avtonomii-i-kontraktah> (дата обращения: 09.01.2026 г.).

¹ Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики.

[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://president.tj/event/missives/49237> (дата обращения: 20.02.2026 г.).

**SOCIO-ECONOMIC RIGHTS AS A GUARANTEE FOR THE IMPLEMENTATION OF THE
STATE'S CONSTITUTIONAL ENVIRONMENTAL FUNCTIONS
(ON THE EXAMPLE OF A NUMBER OF ARTICLES OF THE CONSTITUTION OF THE
REPUBLIC OF TAJIKISTAN)**

Ulugov Umidjon Amonovich

Director, State Institution "National Center for the Implementation of the Stockholm
Convention on Persistent Organic Pollutants"
Committee for Environmental Protection under the Government of the Republic of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, 77 S. Abdulloev St.
Tel.: (+992) 778888753, E-mail: umed.ulugov@gmail.com

The article provides an analysis of a number of effective provisions of the Constitution of the Republic of Tajikistan that establish citizens' socio-economic rights in connection with the country's performance of its environmental function. It highlights a strong link between the impacts of environmental externalities and aspects of citizens' property rights, as well as labor rights. The article examines possible legal mechanisms aimed at preventing environmental problems from affecting the life, health, and property of the country's citizens.

Keywords: *property rights, environmental restrictions, labor, occupational hygiene, chemicals, hazardous production, market liberalization.*

**ҲУҚУҚҲОИ ИҚТИМОЙ-ИҚТИСОДИ ҲАМЧУН КАФОЛАТИ ИҚРОИ ФУНКСИЯҲОИ ЭКОЛОГИИ
КОНСТИТУТСИОНИИ ДАВЛАТ
(ДАР МИСОЛИ ЯК ҚАТОР МОДДАҲОИ КОНСТИТУТСИЯИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН)**

Улугов Умидҷон Амонович

Директори муассисаи давлатии «Маркази миллии иқрои Конвенсияи
Стокҳолм оид ба ифлоскунандаҳои органикии устувор» назди Кумитаи ҳифзи муҳити зисти назди Ҳуку-
мати Ҷумҳурии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, кӯч. С. Абдуллоев, 77
Тел.: (+992) 778888753, E-mail: umed.ulugov@gmail.com

Мақола таҳлили як қатор моддаҳои амалкунандаи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистонро пешниҳод ме-
кунад, ки ҳуқуқҳои иқтимой-иқтисодии шаҳрвандонро дар робита бо иқрои функцияи экологии кишвар
пешбинӣ менамоянд. Робитаи устувори таъсири паёмадҳои экологӣ бо ҷанбаҳои ҳуқуқи моликияти
шаҳрвандон, инчунин бо ҳуқуқҳои меҳнатӣ таъкид мегардад. Дар мақола механизмҳои эҳтимолии
ҳуқуқие баррасӣ мешаванд, ки ба пешгирӣ намудани таъсири мушкilotи экологӣ ба ҳаёт, саломатӣ ва
молу мулки шаҳрвандони кишвар равона шудаанд.

Калидвожаҳо: *ҳуқуқи моликият, маҳдудиятҳои экологӣ, меҳнат, гигиенаи меҳнат, моддаҳои химиявӣ, ис-
техсолоти хатарнок, либерализатсияи бозор.*

УДК 347.626

ОБЩИЕ ДОЛГИ КАК ЧАСТЬ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Медведев Виталий Дмитриевич
аспирант кафедры гражданского права
Университет управления «ТИСБИ»,
Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштары, д. 11
E-mail: medvedev.vitaliy.97@gmail.ru

Настоящая статья посвящена актуальным вопросам включения в понятие общего имущества супругов пассива в виде обязательств по исполнению долга. Повышенное внимание к данной теме, во многом, обусловлено тем фактом, что рыночная экономика дала мощный толчок развитию не только предпринимательской деятельности, но и не обошла стороной имущественные отношения с участием супругов. При этом следует заметить, что во многом традиционные правила и обычаи в регулировании супружеских имущественных отношений претерпели существенные изменения, поскольку стали напрямую зависеть от уровня экономического развития государства.

Вопрос собственности и ее реализации всегда волновал умы человечества, и на сегодняшний день интерес к ней не утрачен. Это вызвано различными обстоятельствами, являющимися свидетельством усложнения имущественных связей и расширения состава участников имущественных правоотношений. Учитывая тот факт, что институт семьи и брака является разновидностью социальных институтов в российском обществе, имущественные правоотношения являются его важной составляющей. Однако в процессе происходящих преобразований и трансформаций возникли иные объекты гражданско-правового регулирования, которые стали основанием для возникновения новых общественных отношений, требующих правовой регламентации.

Ключевые слова: *супруги, имущественные отношения, общее имущество, долговые обязательства, семья, имущественная масса, раздел имущества, распределение долгов.*

В юридической науке есть ряд ученых, которые толкуют понятие общего имущества достаточно широко, включая в него не только активы, но и пассивы. Для обоснования своей точки зрения Т.Ю. Синельникова исходит из содержания п. 3 ст. 39 СК РФ, где отмечается, что суд при разделе общего имущества супругов распределяет между ними и общие долги пропорционально присужденным долям. Соответственно, данная норма косвенно указывает на то, что долги входят в состав общего имущества супругов¹.

Е.А. Чефранова отмечает, что целесообразно включать в понятие общего имущества супругов и объекты права собственности (активы), и обязательства по исполнению долгов (пассивы)². Во многом, данная позиция ориентирована на справедливое и честное решение жизненных проблем.

Кроме того, точка зрения, сформулированная Е.А. Чефрановой, во многом, сходна с германским режимом отложенной общности (при определении сальдо супругов долги вычитаются из активов). В то же время, буквальное прочтение п. 3 ст. 39

© Медведев В.Д., 2026

¹ Синельникова Т.Ю. Имущественные отношения супругов как объект правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2007. № 3. С. 8

² Чефранова Е.А. Ограниченные вещные права в составе общего имущества супругов // Семейное и жилищное право. 2007. № 2. С. 15

СК РФ содержит определенное противопоставление общих долгов и общего имущества супругов. Иными словами, при разделе имущества образуются доли, в рамках которых супруги в дополнение получают еще и долговые обязательства.

Фактически в России можно наблюдать ситуацию, которая в определенной степени схожа с упомянутым выше режимом отложенной общности. На практике обычно не все активы обременены какими-либо долгами. Иными словами, активы и долги нельзя противопоставлять друг другу по их количеству и явственному наличию. Приведем пример: у супруга имеется дача, у супруги – кредитная задолженность.

Де-факто у супругов в браке есть и актив, и пассив одновременно, которые совокупно могут рассматриваться как общее имущество. Однако в буквальном смысле нельзя утверждать, что дача обременена задолженностью по кредиту. Говорить о каком-либо обременении можно было бы только в том случае, если бы семья в рамках действующего законодательства рассматривалась как субъект права совместной собственности. При подобном подходе дача выступала бы общим активом, а кредит был бы долгом всей семьи.

Следуя представленным рассуждениям, отметим, что активы и пассивы супругов сопоставляются только в случае раздела имущества. Кроме того, из действующего в настоящее время законодательства РФ не следует, что общие долги супругов должны погашаться за счет их совместного имущества. Также

закон предусматривает возможность разделения супружеских долгов в зависимости от их принадлежности и не предполагает их учета при установлении размера супружеского имущества (как бы это было в рамках немецкой модели общности)¹.

Из содержания п. 3 ст. 39 СК РФ следует, что общие супружеские долги при разделе имущества должны быть распределены пропорционально между супругами согласно их долям. Данная норма не позволяет однозначно определить, что такое общий супружеский долг и как его необходимо распределять.

Для того, чтобы правильно истолковать норму п. 3 ст. 39 СК РФ, необходимо первоначально установить, супруги с точки зрения законодателя являются ли солидарными или долевыми должниками. В.А. Рясенцев более полувека назад отмечал, что общими долгами могут считаться те долги, которые возникли одновременно у обоих супругов, следовательно, имеют единое правовое основание². Представим ситуацию: супруги обратились в банк для заключения кредитного договора. При этом супруги выступили в качестве созаемщиков (один из супругов стал поручителем для другого). С обязательственно-правовой точки зрения, такой долг действительно для супругов является общим. С точки зрения семейного права, общими долгами также являются долги, связанные с возмещением причиненного совместными детьми вреда, неосновательное обогащение.

По нашему субъективному мнению, понятие «общий долг» в рамках семейных отношений

должно быть более обширным. Так, целесообразно общим долгом считать такую задолженность, которая по своей сущности является единоличной, но по свободному волеизъявлению одного из супругов приобрела статус совместной.

Например, в целях приобретения жилого помещения для всей семьи один из супругов принял на себя долг второго супруга, либо же для обеспечения семьи квартирой муж оформил на себя ипотеку, при этом предполагается, что в этой квартире будет проживать и его супруга, и их совместные дети. Данные примеры отражают специфику семейного права, однако, совершенно не вписываются в концепцию обязательственных канонов.

Отдельного внимания заслуживает также проблема определения принадлежности долга. Снова-таки, в рамках действующего законодательства отсутствуют четкие нормы, в соответствии с которыми можно было бы установить, какие из долгов супругов будут считаться общими, а какие имеют исключительно индивидуальную принадлежность. В отечественной науке высказана точка зрения, согласно которой возможность взыскания общего имущества по долгам одного из супругов, который занят индивидуальной предпринимательской деятельностью, возможно только при недостаточности обособленного имущества, используемого для такой деятельности³.

В научном сообществе отмечается, что существующая проблема является порождением исключительно моделью совмест-

¹ Степаненко Р.Ф. Семейное право России и государств Европы: учебник / Р.Ф. Степаненко, Ф.И. Хамидуллина, П.А. Якушев; Казанский (Приволжский) федеральный университет. М.: Проспект, 2023. С.84

² Рясенцев В.А. Семейное право. М.: Юрид. лит., 1971. С.109

³ Тагаева С.Н. Раздел имущества индивидуального предпринимателя как субъекта брачного правоотношения // Семейный бизнес в правовом пространстве России : Монография / Ответственные редакторы И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2020. С.256. С. 248-256.

ной собственности, которая сложилась в России¹. Позволим себе предположить, что если бы в России получил закрепление режим совместной отложенной собственности (по примеру упомянутой выше немецкой практики), то дефиниции «общие долги супругов», в принципе, бы не существовало, поскольку было бы достаточно к семейным отношениям применить общие обязательственные категории.

Наиболее простым и понятным способом решения данной проблемы является закрепление на законодательном уровне презумпции общего характера всех без исключения супружеских долгов. Однако подобная презумпция позволит считать общими все долги, даже те из них, индивидуальная природа которых очевидна. Например, невозможно возложить на обоих супругов ответственность одного из них за вред, причиненный дорожно-транспортным происшествием.

В противном случае, в семейном праве закрепится круговая порука, в рамках которой долговое бремя будет распределяться неравномерно, а сам институт юридической ответственности по тем или иным аспектам проблематики утратит свое прикладное значение, поскольку не будет соответствовать базовым целям. В этой связи весьма уместной представляется точка зрения С. Логвиной, которая утверждает, что «презумпция общего характера возникших долгов представляет опасность» и для семейных отношений в целом, и для интересов супругов в частности².

Действительно, одно дело – возлагать на супругов совместное имущество, и совсем другое – пытаться переложить долговые обязательства, охватывающие в то

же время и риски неограниченной ответственности. Безусловно, подобный подход является несправедливым по отношению ко второму супругу.

В свете сказанного, полагаем, что практике необходимо выработать критерии, которые бы позволили отнести долги к общим, поскольку законодатель в настоящее время в отношении данного вопроса продолжает «молчать». На наш взгляд, общий супружеский долг – это обязательство, представление по которому было фактически, либо с явной долей вероятности направлено на нужды семьи. Например, общими долгами целесообразно считать разнообразные потребительские кредиты, долги, связанные с оплатой работ или услуг по ремонту совместного имущества, которым пользуются супруги.

Справедливо, на наш взгляд, отметить, что нормы российского законодательства позволяют отечественным судам весьма радикально и даже противоречиво подходить к вопросу распределения долговых обязательств между супругами. Традиционное прочтение п. 3 ст. 39 СК РФ, согласно которому суд при разделе общего имущества супругов распределяет между ними и общие долги пропорционально присужденным долям, содержит определенное противопоставление общих долгов и общего имущества. На практике это приводит к тому, что активы, нажитые в браке, признаются общей совместной собственностью, а долговые обязательства нередко остаются индивидуальными. Такая ситуация представляется несправедливой и наиболее остро проявляется в контексте предпринимательской деятельности одного из супругов.

Когда один из супругов занимается экономически активной деятельностью, все долги, связанные с предпринимательскими рисками, традиционно рассматриваются как его личные обязательства перед контрагентами и кредиторами. Однако имущество, приобретенное благодаря такой деятельности, признается судами общим. Подобный подход не соответствует реальным ситуациям и не учитывает принцип имущественной связанности. Фактически он создает дисбаланс, при котором супруг или супруга, являющийся предпринимателем, получает долю в общем имуществе (активе), но избегает распределения долгового бремени (пассива), которое способствовало приобретению этого актива.

Следовательно, существующая практика несет риски и для кредиторов, поскольку финансирование, направленное на приобретение общего имущества, впоследствии не дает кредиторам возможности обратиться на него взыскание в полном и должном объеме. В науке высказана точка зрения, согласно которой возможность взыскания общего имущества по долгам одного из супругов, который занят индивидуальной предпринимательской деятельностью, возможно только при недостаточности обособленного имущества, используемого для такой деятельности.

В этой связи критически важным становится применение и законодательное закрепление разработанного нами критерия, согласно которому общий супружеский долг – это обязательство, представление по которому было фактически, либо с явной долей вероятности направлено на нужды семьи. Если предприни-

¹ Степаненко Р.Ф. Семейное право России и государств Европы: учебник / Р.Ф. Степаненко, Ф.И. Хамидулина, П.А. Якушев; Казанский (Приволжский) федеральный университет. М.: Проспект, 2023. С.33

² Логвина С. Развод и раздел квартир. Добрачное имущество // Жилищное право. 2020. № 2. С. 10

материнский долг привел к формированию общего имущества супругов (например, был приобретен объект недвижимости, используемый в бизнесе или сдаваемый в аренду), то такой долг должен включаться в пассив при определении общей имущественной массы.

Решение проблемы видится в пути перехода к режиму отложенной общности. Как отмечала Е.А. Чефранова, целесообразно включать в понятие общего имущества супругов и объекты права собственности (активы), и обязательства по исполнению долгов (пассивы)¹. Этот подход, сходный с германским режимом, при определении сальдо супругов, когда долги вычитаются из активов, позволяет определить четкие границы общего имущества супругов, равно как и их долгов.

Если бы долги, включая предпринимательские, приносили выгоду семье, признавались пассивом общей имущественной массы, то при разделе имущества производилось бы сопоставление активов и пассивов. При таком подходе дефиниции «общие долги супругов», в принципе, бы не существовало, поскольку было бы достаточно к семейным отношениям применить общие обязательственные категории. Это позволило бы преодолеть несправедливую практику, когда активы и долги нельзя противопоставлять друг другу по их количеству и явному наличию, и обеспечить справедливое и честное решение жизненных проблем.

Также в данном контексте целесообразно отметить, что в течение последних лет государство уделяет повышенное внимание вопросам государственной поддержки населения, особенно

если речь идет о семье. На федеральном уровне отечественным законодателем закреплены определенные гарантии для семей, которые имеют детей. Например, в соответствии с действующим Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»², семьи с детьми вправе рассчитывать на компенсацию расходов, связанных с приобретением жилого помещения. При этом следует пояснить, что если жилое помещение было приобретено только благодаря государственной помощи (в том числе материнскому капиталу), то такая недвижимость оформляется на всех членов семьи.

Иными словами, к моменту государственной регистрации перехода права собственности у всех членов семьи (включая и родителей, и их детей) возникает право долевой собственности на недвижимый объект. В случае возникновения спорной ситуации между супругами по поводу раздела общего имущества непосредственно о разделе именно такого жилого помещения не может быть и речи, поскольку каждый член семьи имеет соответствующее право собственности на конкретную часть в общем имуществе.

Следует отметить, что на региональном уровне все не так однозначно по поводу определения правового статуса владельца имущества, приобретенного за счет средств материнского капитала. Например, в Законе Самарской области «О государственной поддержке граждан, имеющих детей»³ закреплено право на получение материнского (семейного) капитала, в том числе для будущих целей приобретения транс-

портных средств или жилых помещений. Тем не менее, в данном Законе нет соответствующих упоминаний по поводу того, кого следует считать владельцем имущества.

По нашему мнению, правила для определения размера долей при разделе имущества супругов, которое было приобретено за счет материнского капитала или иных бюджетных средств, должны быть общими как на федеральном, так и на региональном уровне.

Полагаем, целесообразно исходить из существующего принципа принадлежности доли в общем имуществе тому субъекту, для которого выделенные бюджетные средства в виде материнского капитала были предназначены.

Следовательно, в законах субъектов РФ в обязательном порядке должны найти отражение подобные правила, что позволит в перспективе избежать многочисленных споров супругам при разделе имущества.

Содержание ст. 1 СК РФ свидетельствует о том, что государство выступает в защиту института семьи, соответственно, предпринимает для обеспечения его надлежащего существования и функционирования все необходимые меры. Действующее семейное законодательство стремится к тому, чтобы укрепить институт семьи, сделать семейные отношения более прочными и надежными, ведь подобный подход позволит защитить права и интересы супругов. В ст. 2 СК РФ определены отношения, что регулируются семейным законодательством, в их числе упоминаются имущественные отношения между супругами.

¹ Чефранова Е.А. Ограниченные вещные права в составе общего имущества супругов // Семейное и жилищное право. 2007. № 2. С. 10

² Логвина С. Развод и раздел квартир. Добрачное имущество // Жилищное право. 2020. № 2. С. 8-11.

³ Закон Самарской области от 16.07.2004 № 122-ГД «О государственной поддержке граждан, имеющих детей» // Волжская коммуна. 2004. № 133.

При этом согласно ст. 4 СК РФ, к семейным отношениям законодатель допускает применение норм гражданского законодательства. Подобное нормативное применение имеет под собой законные основания. Целесообразным представляется применение гражданско-правовых норм в том случае, если семейное законодательство «молчит».

В настоящий момент на территории Российской Федерации действуют основные правовые режимы супружеского имущества - законный режим общей совместной собственности супругов и договорный режим. Данные правовые режимы собственности супругов регламентированы в главе 7 и главе 8 СК РФ и являются инструментом регулирования имущественных отношений супругов, в том числе в вопросах раздела супружеского имущества.

Законный режим имущества супругов определяется масштабами их совместного имущества. Например, при желании супруги всегда вправе заключить брачный договор. Тем не менее, если подобного рода договор не был заключен, то приобретает силу законный режим. При отсутствии каких-либо договорных конструкций, заключенных супругами, всё имущество, что было приобретено в браке, делится между в равной пропорции.

В контексте осуществления ключевых полномочий собственников супруги по взаимному согласию распоряжаются объектами собственности. Исходя их содержания п. 2 ст. 34 СК РФ, отметим, что средства материнского капитала являются денежными выплатами, имеющими

целевое назначение. В Определении Верховного Суда РФ от 26 января 2016 г. № 18-КГ15-224¹, а также в отдельном письме ФНП от 1 июля 2016 г. № 2305/03-16-3² подчеркивается, что денежные средства, имеющие целевое назначение, и отнесенные законодателем к категории мер государственной поддержки, не могут причисляться к общему имуществу супругов. Иными словами, средства социальной поддержки в виде материнского капитала со стороны государства не относятся к «супружеской доле».

Пунктом 3 ст. 244 ГК РФ подчеркивается, что общая собственность будет признана долевой в случае, когда законодательство не требует образования совместной собственности на имущество. Долевая собственность может быть установлена и в случае, когда участники достигли согласия по этому вопросу. Изначально, по общему правилу, доли всех собственников равны (п. 1 ст. 245 ГК РФ).

По соглашению сторон размер долей может быть изменен, в зависимости от договоренности собственников, размеров их вклада или приращения общего имущества. В дальнейшем имущество в долевой собственности может быть разделено по соглашению участников. Каждый из собственников вправе требовать выдела своей доли из общей собственности (п.п. 1-2 ст. 252 ГК РФ).

На практике, особенно в механизме использования материнского капитала, выделить долю в праве общей собственности не всегда возможно, да и стороны не всегда могут достигнуть согласия по спорным вопросам. В таком случае, чтобы не нанести ущерб

имуществу, доля одного из участников общей собственности может быть компенсирована путем выплаты соответствующей денежной суммы (п. 4 ст. 252 ГК РФ). В случае имущественного спора необходимо доказать, тот факт, что средства, на которые приобретена та или иная вещь, были общими, и только после этого представляется возможным требовать своей доли на нее.

Соответственно, если недвижимое имущество было приобретено с использованием одновременно и бюджетных, и личных средств, то оно обладает особым правовым режимом. Так, имущество, которое было нажито супругами за счет собственных доходов, является их общей совместной собственностью.

Следовательно, то имущество, которое было приобретено за счет бюджетных средств, не может включаться в общее супружеское имущество. Тем не менее, до момента определения конкретных долей подобное имущество, приобретенное на средства материнского капитала, формально включено в совместную собственность супругов. По крайней мере, именно такие указания имеются в ЕГРН³.

По нашему убеждению, текущее положение дел в правовой сфере оказывает дестабилизирующее влияние не только на сам механизм легитимного распределения совместных активов супругов, но и создает серьезные барьеры для полноценной защиты законных притязаний тех членов семьи, чьи права собственности базируются на вложении средств материнского капитала. Ввиду этого, возникает острая необхо-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.01.2016 № 18-КГ15-224 // СПС «Консультант Плюс».

² Письмо ФНП от 01.07.2016 № 2305/03-16-3 «О применении положений Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей,

имеющих детей» // Нотариальный вестник. 2016. № 9.

³ Рассказова Н.Ю. Приобретение жилых помещений с использованием материнского (семейного) капитала // Закон. 2021. № 11. С. 106

димность законодательного закрепления обязательного алгоритма расчета долей в праве общей собственности супругов на имущество, которое было приобретено с привлечением указанных государственных субсидий.

Принимая во внимание специфику режима общей долевой собственности, мы считаем необходимым, чтобы пропорции владения устанавливались с учетом реального экономического участия каждого из супругов в процессе покупки. Подобная нормативная детализация не вступает в противоречие с основополагающими положениями о праве совместной супружеской собственности, действующими в настоящий момент. Напротив, предложенное уточнение способно обеспечить формирование унифицированной и предсказуемой судебной практики при рассмотрении дел о разделе нажитого имущества, поскольку оно исключит возможность систематического уклонения судов от вопроса выделения долей в пользу детей при использовании маткапитала¹.

Таким образом, несмотря на общее правило, согласно которому собственность, приобретенная во время брака, признается совместной (если иное не

установлено), важно подчеркнуть, что институт совместной собственности супругов фундаментально отличается от долевой как по природе своего происхождения, так и по источникам формирования. Использование семейного капитала для покупки активов категорически исключает возможность дальнейшего игнорирования прав и законных интересов других членов семьи, прежде всего несовершеннолетних детей, в процессе раздела этого имущества.

Введение единых критериев может предотвратить практику, когда суды игнорируют законные интересы детей при разделе имущества, приобретенного с использованием бюджетных средств, как это иногда происходит в существующей практике. Фактически, необходимо установить прямую норму, обязывающую включать всех членов семьи, в интересах которых был получен капитал, в число собственников при регистрации права. Это исключит возможность формального включения имущества в совместную собственность супругов, до момента, пока доли детей не будут определены, что происходит сейчас. Законодатель должен прямо указать, что,

хотя средства материнского капитала не являются общим имуществом супругов, приобретенный на них какой-либо актив автоматически становится общей долевой собственностью семьи, включая детей. Для реализации этого принципа, следует проработать механизм принудительного выделения долей детям, даже если родители не достигли согласия в добровольном порядке. Более того, законодательное закрепление принципа принадлежности доли тому, кому предназначались средства, позволит снять противоречия, возникающие, например, при покупке транспортного средства, где регистрация права на одного из супругов не должна лишать других членов семьи, в частности детей, их законных прав. Такая унификация и детализация обеспечит не только правовую определенность, но и реальную защиту имущественных прав несовершеннолетних, что полностью соответствует приоритетам интересов Российской Федерации в рамках семейного законодательства. Таким образом, устранение правовых пробелов в регулировании долей является важнейшим шагом к укреплению института семьи и брака.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Росс. газета. 2006. № 297.
2. Закон Самарской области от 16.07.2004 № 122-ГД «О государственной поддержке граждан, имеющих детей» // Волжская коммуна. 2004. № 133.
3. Апелляционное определение Самарского областного суда от 9.01.2013 по делам №33-118/2013, № 33-12053/2012 // СПС «Консультант Плюс».
4. Логвина С. Развод и раздел квартир. Добрачное имущество // Жилищное право. 2020. № 2. С. 8-11. Синельникова Т.Ю. Имущественные отношения супругов как объект правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2007. № 3. С. 8-16.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.01.2016 № 18-КГ15-224 // СПС «Консультант Плюс».
6. Письмо ФНП от 01.07.2016 № 2305/03-16-3 «О применении положений Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Нотариальный вестник. 2016. № 9.

¹ Апелляционное определение Самарского областного суда от 9.01.2013 по делам №33-118/2013, № 33-12053/2012 // СПС «Консультант Плюс».

7. Рассказова Н.Ю. Приобретение жилых помещений с использованием материнского (семейного) капитала // Закон. 2021. № 11. С. 105-114.
8. Рясенцев В.А. Семейное право. М.: Юрид. лит., 1971. 410 с.
9. Степаненко Р.Ф. Семейное право России и государств Европы: учебник / Р.Ф. Степаненко, Ф.И. Хамидуллина, П.А. Якушев; Казанский (Приволжский) федеральный университет. М.: Проспект, 2023. 288 с.
10. Тагаева С.Н. Раздел имущества индивидуального предпринимателя как субъекта брачного правоотношения // Семейный бизнес в правовом пространстве России: Монография / Ответственные редакторы И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2020. С. 248-256.
11. Чефранова Е.А. Ограниченные вещные права в составе общего имущества супругов // Семейное и жилищное право. 2007. № 2. С. 13-24.

COMMON DEBTS AS PART OF THE PROPERTY OF THE SPOUSES

Medvedev Vitaly Dmitrievich

Postgraduate student of the Department of Civil Law
TISBI University of Management,
Republic of Tatarstan, Kazan, Mushtari str., 11
E-mail: medvedev.vitaliy.97@gmail.ru

This article is devoted to the topical issues of including in the general concept of the common property of spouses a liability in the form of obligations to fulfill a debt. The increased attention to this topic is largely due to the fact that the market economy has given a powerful impetus to the development of not only entrepreneurial activity, but also has not bypassed property relations with the participation of spouses.

At the same time, it should be noted that in many ways the traditional rules and customs in regulating marital property relations have undergone significant changes, since they have become directly dependent on the level of economic development of the state. The issue of ownership and its realization has always worried the minds of mankind, and today interest in it has not been lost. This is caused by various circumstances, which are evidence of the complication of property relations and the expansion of the composition of participants in property relations. Given the fact that the institution of family and marriage is a kind of social institutions in Russian society, property relations are also not alien to it. However, in the process of ongoing transformations and transformations, other forms of ownership have emerged, which have become the basis for the emergence of new institutions for regulating property relations between spouses.

The research results obtained in the article may be useful for further development of issues of marital property relations, and may also serve as a basis for improving legislation.

Keywords: *spouses, property relations, common property, debt obligations, family, estate, division of property, distribution of debts.*

ҚАРЗҲОИ УМУМИ ҲАМЧУН ҚИСМИ МОЛУ МУЛКИ ҲАМСАРОН

Медведев Виталий Дмитриевич

аспиранти кафедраи ҳуқуқи шаҳрвандӣ
Донишгоҳи идоракунии «ТИСБИ»,
Чумҳурии Тотористон, ш. Қазон, кӯч. Муштари, х. 11
E-mail: medvedev.vitaliy.97@gmail.ru

Мақолаи мазкур ба масъалаҳои мубрами дохил намудани ўҳдадриҳо дар шакли иҷрои қарз ба мафҳуми молу мулки умумии ҳамсарон бахшида шудааст. Таваҷҷуҳи зиёд ба ин мавзӯ, то андозае, бо он вобаста аст, ки иқтисоди бозорӣ на танҳо ба рушди фаъолияти соҳибкорӣ такони қавӣ бахшид, балки муносибатҳои молу мулкӣ бо иштироқи ҳамсаронро низ фаро гирифт. Дар баробари ин бояд зикр намуд, ки қоидаҳо ва анъанаҳои суннатӣ дар танзими муносибатҳои молу мулкӣ ҳамсарон ба таври назаррас тағйир ёфтаанд, зеро онҳо мустақиман аз сатҳи рушди иқтисодии давлат вобаста гардиданд.

Масъалаи моликият ва татбиқи он ҳамеша зеҳни инсониятро ба худ ҷалб намудааст ва то имрӯз низ аҳамияти худро гум накардааст. Ин ба ҳолатҳои гуногун вобаста аст, ки аз мураккаб гардидани робитаҳои молу мулкӣ ва васеъ гардидани доираи иштирокчиёни муносибатҳои ҳуқуқии молу мулкӣ шаҳодат медиҳанд. Бо дарназардошти он, ки институти оила ва никоҳ яке аз намудҳои институтҳои иҷтимоӣ дар ҷомеаи Русия ба ҳисоб меравад, муносибатҳои молу мулкӣ қисми муҳими он мебошанд. Бо вучуди ин, дар раванди тағйирот ва табдилот объектҳои нави танзими ҳуқуқи шаҳрвандӣ ба миён омаданд, ки барои пайдоиши муносибатҳои нави ҷамъиятӣ замина гузошта, танзими ҳуқуқиро талаб менамоянд.

Калидвожаҳо: *ҳамсарон, муносибатҳои молу мулкӣ, молу мулки умумӣ, ӯҳдадориҳои қарзӣ, оила, маҷмӯи молу мулк, тақсими молу мулк, тақсимои қарзҳо.*

УДК 347

К ДИСКУССИИ О ДВИЖИМОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

Тагаева Санавбар Назиркуловна

профессор кафедры гражданского права
Университета управления «ТИСБИ», доктор юридических наук
E-mail: s.tagaeva@mail.ru

Статья посвящена исследованию правового режима морских и воздушных судов и судов внутреннего плавания. В статье отмечается, что именно наличие государственной регистрации в определенном реестре позволяет признавать судно, соответствующее техническим параметрам, указанным в законе в качестве недвижимости. Автор делает вывод, что критерии отнесения морских и воздушных судов, а также судов внутреннего плавания к недвижимости неактуальны и требуют пересмотра. По мнению автора, необходимо сократить объекты условной недвижимости и более избирательно распространять режим недвижимости на отдельные виды морских и воздушных судов, а также судов внутреннего плавания.

Ключевые слова: *условная недвижимость, недвижимость по закону, морские суда, воздушные суда, суда внутреннего плавания*

Одним из ценных объектов гражданского права признается недвижимость, в отношении которой государство имеет публичный интерес, поскольку она выступает «основой экономики страны, ее пространственным и материальным базисом и основным средством производства»¹, этим обосновывается законодательное урегулирование установления особой формы возникновения, изменения, перехода и обременения прав на неё в виде государственной регистрации.

В специальной литературе выделяются следующие признаки недвижимых вещей как: а) наличие прочной связи с землей, то есть невозможность перемещения в пространстве без причинения несоразмерного ущерба хозяйственному назначению; б) вещественная форма, то есть материальность; в) индивидуальная определенность; г) непотребляемость; д) длительный срок использования; е) высокая стоимость; ж) государственная регистрация².

Тем не менее, основным признаком недвижимой вещи, которая названа в гражданском законодательстве, является неразрывная связь с землей и невозможность ее перемещения в пространстве без причинения несоразмерного ущерба назначению. Но в отечественном законодательстве имеются другие объекты недвижимости, которые не отвечают признаку прочной связи с землей. Так, законодатель распространил режим недвижимости к вещам, которые по своей природе таковыми не являются - воздушные и морские суда, суда

внутреннего плавания. По своей природе последние являются транспортными средствами и при экономической необходимости перемещаются в пространстве. Соответственно, различают недвижимость в силу природы и недвижимость в силу закона. Первые в силу естественных свойств не могут быть перемещены в пространстве, соответственно, их учет и переход прав осуществляется по месту нахождения. Вторые стали таковыми в силу применения к их регулированию юридико-технического приема – фикции, которая определялась Д.И. Мейером как вымысел права — *fictiones juris*, то есть «вымышленное существование факта, о котором известно, что онъ вовсе не существуетъ или существуетъ въ другомъ

© Тагаева С.Н., 2026

¹ Токмакова Г.В. Недвижимое имущество как объект правового регулирования // Государственная служба. 2022. Т.24. №5. С.15.

² Османов О.А. О понятии и видах недвижимого имущества в свете реформирования гражданского законодательства Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 41. № 1. С.81

видѢ»¹ Учет движимых вещей, признанных в силу фикции недвижимыми регламентируются отдельными нормативными правовыми актами, которые не привязывают правовое регулирование объекта к месту его нахождения.

Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики естественной недвижимости, так называемой «недвижимости в силу природы» или «естественной, природной недвижимости» всегда были в исследовательском фокусе ученых, а проблемы условных движимых вещей, так называемой «недвижимости в силу закона» не получили должного внимания. В то же время рассмотрение специфики правового режима недвижимости в силу закона интересно не только с теоретической, но и с практической точек зрения.

Следует отметить, что не во всех странах морские и воздушные суда и суда внутреннего водного транспорта относятся к недвижимости².

Признание этих объектов в качестве разновидности недвижимости обусловлено наличием определенных признаков: а) индивидуальной определенности, которая связана с государственной регистрацией. При этом по смыслу ст.130 ГК РФ морские и воздушные суда и суда внутреннего плавания признаются недвижимыми, но права на них возникают с момента регистрации; б)

они как бы являются «постоянными объектами», так как они обычно привязаны к определенной территории, фактически находятся в определенном порту или на стоянке. Поэтому С.П. Гришаев отмечает, что эти транспортные средства: морские суда и воздушные суда «имеют порт приписки или приписаны к определенному аэропорту»³; в) высокой стоимостью этих объектов; г) необходимостью контроля со стороны регистрирующих органов, поскольку владельцы этих транспортных средств осуществляют деятельность, создающую опасность для окружающих; д) возможностью установления государством особого налогообложения этих объектов; е) возможность распространения на эти объекты положений о вещных правах на недвижимость.

Специалисты, исследующие сущностные особенности морских и воздушных судов и судов внутреннего плавания как недвижимого имущества, считают, что распространение на него такого режима связано с «высокой стоимостью, экономической значимостью, стремлением обеспечить публичный интерес»⁴, «высокой стоимостью, наличием государственной регистрации, обеспечивающей индивидуализацию этих объектов»⁵, «большой стоимостью, экономической значимостью, мобильностью, имеющей большое значение для страны с большой территорией,

требующей повышенного государственного контроля за использованием»⁶, «необходимостью формирования системы публичного порядка установления прав»⁷. Все высказанные аргументы обоснованы, но не безупречны, поскольку не всегда объекты условной недвижимости обладают высокой стоимостью и экономической значимостью, хотя требуют государственной регистрации. Например, Центральный районный суд г. Кемерово рассмотрел гражданское дело о признании права собственности на маломерное судно стоимостью 52 400 рублей⁸, используемое для личных целей, что в разы ниже стоимостью автомобилей, которые законодательство признает движимыми вещами. В данном примере маломерное судно не имеет высокой стоимости, и экономическая значимость для оборота такого транспортного средства снижена. Это обстоятельство актуализирует проблему о необходимости сокращения объектов условной недвижимости и более избирательного распространения режима недвижимости на отдельные виды морских и воздушных судов, а также судов внутреннего плавания.

С другой стороны, управление морскими и воздушными судами и судами внутреннего плавания представляет собой деятельность, создающую повы-

¹ Мейер Д. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и приворных действиях. Казань, 1854. С.2.

² Например, Французский гражданский кодекс, Гражданский кодекс Исламской Республики Иран относят морские суда к движимому имуществу, но допускают обращение взыскания на них в силу их значительности по специальным процедурам.

³ Гришаев С.П. Морские, воздушные суда, суда внутреннего плавания и космические объекты как разновидность недвижимости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/98-> (Дата обращения:11.12.2025).

⁴ Гонгало Б.М. Избранное: В 5 т. М.: Статут, 2021. С.415.

⁵ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 2: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2011. С.201.

⁶ Дерюшева О.И. Правовой режим недвижимого имущества супругов : дисс. ... канд. юрид.наук. Владикавказ, 2011. С.23.

⁷ Тай М.А. Морское судно в системе объектов гражданских прав... автореф...канд. юрид. наук. М., 2006. С.11.

⁸ Решение № 2-1236/2024 2-1236/2024(2-6129/2023); М-5119/2023 2-6129/2023 М-5119/2023 от 27 февраля 2024 г. по делу № 2-1236/2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/>-(Дата обращения: 21.12.2025).

шенную опасность для окружающих, соответственно, государство заинтересовано в повышенном контроле за их владением, использованием и распоряжением. Например, Новосибирский районный суд Новосибирской области запретил осуществлять полеты на самостоятельно изготовленных воздушных судах в интересах неопределенного круга лиц¹.

Несмотря на то, что морские и воздушные суда и суда внутреннего плавания по смыслу ст.130 ГК РФ признаются недвижимостью даже без государственной регистрации, в практической плоскости именно государственная регистрация выступает критерием разграничения движимых и условно недвижимых судов.

В отличие от государственной регистрации природных объектов недвижимости, регистрация морских и воздушных судов и судов внутреннего водного транспорта направлена на информирование третьих лиц о наличии права, о возникновении права, об его изменении, обременении или прекращении. Справедливо указывается в специальной литературе на наличие частных и публичных начал в факте государственной регистрации недвижимого имущества. Так, Н.Ю. Шеметова отмечает, что частно-правовые отношения по поводу имущества возникают на основании юридических фактов: сделок, актов государственных и муниципальных органов и т. п. еще до государственной регистрации, а публично-правовые начала выражаются в обязательности государственной регистрации, которая приобретает значимость для третьих лиц после вне-

сения сведений о ней в государственный реестр прав и последующей выдачи свидетельства о регистрации права².

Распространение на морские и воздушные суда, а также на суда внутреннего плавания, подлежащие государственной регистрации правового режима объектов недвижимости, порождает вопросы о критериях, которые позволяют классифицировать различные виды судов как движимые вещи.

Так, определение морского судна отсутствует в отечественном законодательстве, хотя общее понятие «судно» раскрыто в ст.7 Кодекса торгового мореплавания (далее- КТМ РФ), под которым понимается «самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях торгового мореплавания». Аналогичное понятие «судна» содержится и в ст.3 Кодекса внутреннего водного транспорта (далее-КВВТ РФ). Однако, категорией «судно внутреннего плавания» охватываются также суда смешанного плавания (река - море), паромы, снаряды, используемые для углубления и очищения дна, плавучие краны и другие технические сооружения.

В то же время ст.7 КТМ РФ раскрывает понятия «судна рыболовецкого флота», «маломерного судна», «прогулочного судна», «спортивного парусного судна», «морской плавучей платформы», «автономного судна». Естественно, виды морских судов вышперечисленными видами морских торговых судов не исчерпываются, объединяя в этом понятии и военно-морские суда: военные корабли и военно-вспомогательные суда. В связи с этим

возникает вопрос, какие же морские суда законодательством отнесены к недвижимости? В соответствии со ст.130 ГК РФ, к недвижимому имуществу относятся морские суда, которые подлежат государственной регистрации.

Если обратиться к тому же КТМ РФ, то в ст.33 этого законодательного акта закреплены виды реестров морских судов, в которых осуществляется государственная регистрация. Законодательством, в частности, КТМ РФ предусмотрено шесть реестров морских судов в сфере торгового мореплавания, в которых производится их государственная регистрация: а) государственный судовый реестр; б) реестр маломерных судов; в) бербоут-чартерный реестр; г) российский международный реестр судов; д) российский открытый реестр судов; е) реестр строящихся судов. В свою очередь, Кодексом внутреннего водного транспорта РФ (КВВТ РФ) предусмотрено 5 реестров, в которых подлежат государственной регистрации суда внутреннего плавания. Суда внутреннего плавания не регистрируются в российском открытом реестре судов и в бербоут-чартерном реестре. Однако, в КВВТ РФ предусматривается возможность регистрации арендованных иностранных судов внутреннего плавания.

Название реестров позволяет заметить, что регистрация морских судов и судов внутреннего плавания в том или ином реестре зависит от вида судна, спецификой принадлежащего субъекту вида вещного права и категории самих субъектов.

Так, в государственном судовом реестре и реестре маломер-

¹ Решение № 2-5382/2016 2-609/2017 2-609/2017(2-5382/2016;)~М-5129/2016 М-5129/2016 от 2 февраля 2017 г. по делу № 2-5382/2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/>-(Дата обращения: 21.12.2025).

² Шеметова Н.Ю. Государственная регистрация прав на недвижимость: момент возникновения права и особенности регистрации отдельных видов договоров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №4. -С.113-114.

ных судов осуществляется регистрация возникновения, перехода и прекращения права собственности и иных вещных прав на судна, обременений прав в виде ипотеки, доверительного управления и других. Однако, маломерное судно, не используемое для осуществления коммерческой деятельности, не может быть внесено в вышеперечисленные реестры и подлежит государственной регистрации в Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий¹.

При этом в государственном судовом реестре и реестре маломерных судов регистрируются также морские суда, используемые для нужд правительственной некоммерческой службы.

Согласно п. 6 ст.33 КТМ РФ, в бербоут-чартерном реестре регистрируются морские суда, переданные по договору фрахтования без экипажа, которым предоставлено право плавания под флагом РФ.

Согласно п. 7 ст.33 КТМ РФ, в российском международном реестре судов возможна регистрация морских судов для осуществления международных перевозок и буксировки, морских судов для перевозок и буксировки в каботаже по территории РФ, причем возраст судов не должен превышать 15 лет. Кроме того, в этом реестре регистрируются морские суда, используемые для осуществления специальных работ (разведки и разработке минеральных ресурсов и др.), суда, построенные в российских судовых верфях после 1 января 2010 г., морские

суда, осуществляющие заходы в российские порты с периодичностью не более суток, суда для переработки и хранения нефти. Государственная регистрация этих судов возможна только в тех портах, которые указаны в Перечне, утвержденном Распоряжением Правительства №583-р от 25.04.2006 года.

В свою очередь, в российском открытом реестре судов осуществляется государственная регистрация морских судов, в том числе маломерных, которые коммерчески эксплуатируются лицами, зарегистрированными в качестве участника специального административного района², а также маломерные суда, используемые в некоммерческих целях, спортивные парусные и прогулочные суда.

Соответственно, вышеперечисленные морские суда, вносимые в вышеуказанные реестры, признаются условной недвижимостью.

В связи с этим возникает вопрос, какие же суда не подлежат государственной регистрации и признаются движимыми вещами?

В соответствии с п.1.1 ст.16 Кодекса внутреннего водного транспорта к движимым вещам законодательством отнесены суда массой до 200 килограммов и мощностью двигателей до 8 киловатт, спортивные парусные суда, длина которых не должна превышать 9 метров, которые не имеют двигателей и на которых не оборудованы места для отдыха, беспалубные самоходные суда, длина которых не должна превышать 12 метров, а также шлюпки и плавучие средства, которые являются принадлежностями судна.

В свою очередь, военные корабли и военно-вспомогательные

суда с принадлежащими им элементами, находящиеся в ведении Военно-морского флота, пограничные корабли, а также суда, используемые для транспортного обслуживания и обеспечения безопасности объектов государственной охраны, являются исключительной собственностью Российской Федерации. Если исходить из смысла ст.130 ГК РФ, то суда, принадлежащие Российской Федерации и не осуществляющие коммерческую деятельность, не подлежат государственной регистрации в целях гражданского оборота, соответственно, не являются недвижимостью. С другой стороны в соответствии с Конвенцией ООН об открытом море 1958 г. и Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., на военные корабли распространяется юрисдикция того государства, под флагом которого они плавают. Соответственно, они признаются территорией государства флага, но в то же время к недвижимому имуществу они не относятся и являются вещами, изъятыми из оборота.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что морские суда и суда внутреннего плавания, указанные в ст. 33 КТМ РФ и ст.16 КВВТ РФ, являются недвижимостью и соответственно должны быть зарегистрированы в соответствующих видах судов реестрах. При этом следует отметить, что недвижимостью признаются также строящиеся суда соответствующего вида, у которых заложен киль или проведены равнозначные работы. Для подтверждения наличия соответствующих результатов строительства

¹ Правила государственной регистрации маломерных судов, используемых в некоммерческих целях, и формы судового билета, утвержденных Приказом МЧС России от 27 июля 2023г. за №777 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/> (Дата обращения: 12.12.2025).

² См. Федеральный закон «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» от 03.08.2018 N 291-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/> (Дата обращения: 12.12.2025).

судна привлекаются уполномоченные Министерством транспорта РФ организации.

Рассмотрение специфики правового режима морских судов и судов внутреннего плавания порождает вопрос, а когда эти объекты перестают быть недвижимостью? Когда перестают передвигаться, то есть становятся недвижимыми?

Так, списанный теплоход «Ровесник», который использовался ранее как судно, требующее государственной регистрации, после прекращения эксплуатации был продан как движимое имущество, а новым покупателем был поставлен на кадастровый учет как здание. В данном случае, конструктивно погибшее судно, имевшее 100% износа, перестало перемещаться и было привязано к земле несколькими буронабивными сваями. Однако, при возникновении спора о его правовой природе было признано Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного суда РФ движимым имуществом¹. Соответственно, именно наличие государственной регистрации в определенном реестре позволяет признавать морское судно или судно внутреннего плавания, соответствующее техническим параметрам, указанным в законе в качестве недвижимости.

Кроме морских судов, в ст.130 ГК РФ к недвижимым вещам отнесены также воздушные суда.

В Воздушном кодексе РФ содержится легальное определение воздушного судна (ст.32), под которым понимается аппарат, который обладает возможностью осуществлять полет в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом.

В Воздушном кодексе указаны различные виды воздушных судов.

В зависимости от способа управления воздушным судном они классифицируются на: управляемые и контролируемые внешним пилотом (так называемые беспилотные воздушные суда), управляемые находящимся внутри воздушного судна пилотами (пилотируемые воздушные суда).

В зависимости от максимальной взлетной массы воздушные суда могут быть классифицированы на: сверхлегкие воздушные суда (не более 495 кг), легкие воздушные суда (менее 5700 кг, вертолет - 3100 кг), обычные воздушные суда, соответственно с массой более 5700 кг, вертолеты - более 3100 кг.

При этом воздушные суда в зависимости от статуса собственника также различаются на: государственные, муниципальные, находящиеся в собственности физических лиц, находящиеся в собственности юридических лиц.

В соответствии со ст.33 Воздушного кодекса РФ (ВК РФ) подлежат государственной регистрации и соответственно признаются де юре недвижимостью беспилотные воздушные суда с массой более 30 кг, пилотируемые гражданские воздушные суда с массой конструкции более 115 кг., государственные воздушные суда. Вопросы возникновения, прекращения и обременения права собственности и других вещных прав, а также подтверждение наличия прав на этот объект недвижимости регулируется Федеральным законом РФ от 14.03.2009 №311-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними».

В свою очередь, беспилотные воздушные суда с массой до 30 кг и пилотируемые воздушные суда с массой до 115 кг, экспериментальные воздушные суда не признаются недвижимостью, соответственно, подлежат государственному учету, а не государственной регистрации.

Также не являются условной недвижимостью изъятые из оборота государственные воздушные суда, выполняющие государственные задачи (ст.7 ВК РФ). Это обстоятельство свидетельствует о том, что целями распространения режима недвижимости на морские и воздушные суда и суда внутреннего плавания являются: а) вовлечение этих объектов в гражданский оборот под особым режимом; б) создания экономически эффективного объекта налогообложения; в) контроль за деятельностью, создающей опасность для окружающих.

Рассмотрев особенности правового режима морских и воздушных судов, а также судов внутреннего плавания можно заметить, что вопрос о целесообразности распространения на эти объекты режима недвижимости является спорным. В науке ранее уже высказывалась точка зрения о необходимости изъятия из под режима недвижимости движимых по своей природе транспортных средств².

При разработке Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации³ авторами было высказано предложение об исключении из перечня объектов недвижимости воздушных и морских судов, судов внутреннего плавания, космических объектов. Однако, на данный момент из перечня

¹ Определение от 22 декабря 2015 г. по делу № А27-18141/2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/> - (Дата обращения: 21.12.2025).

² Виноградов П.Н. Недвижимое имущество: историческое и современное понимание // Вестник ВГУ. Серия право. 2008. №1. С.85.

³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru/ - (Дата обращения: 11.12.2025).

условной недвижимости исключены лишь космические объекты. Хотя перечень объектов условной недвижимости законодательством оставлен открытым.

Заключая вышеизложенное, можно отметить, что критерии отнесения морских и воздушных судов, а также судов внутреннего

плавания к недвижимости неактуальны и требуют пересмотра.

Библиографический список

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 2: Договоры о передаче имущества. – М.: Статут, 2011. – 780 с.
2. Виноградов П.Н. Недвижимое имущество: историческое и современное понимание // Вестник ВГУ. Серия право. – 2008. – №1. – С.71-85.
3. Гонгало Б.М. Избранное: В 5 т. – М.: Статут, 2021. – 720 с.
4. Гришаев С.П. Морские, воздушные суда, суда внутреннего плавания и космические объекты как разновидность недвижимости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/98-> (дата обращения: 11.12.2025).
5. Дерюшева О.И. Правовой режим недвижимого имущества супругов: дисс. ... канд. юрид.наук. – Владикавказ, 2011. – 211 с.
6. Мейер Д. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. – Казань, 1854. – 127 с.
7. Определение от 22 декабря 2015 г. по делу № А27-18141/2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 21.12.2025).
8. Османов О.А. О понятии и видах недвижимого имущества в свете реформирования гражданского законодательства Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. – 2022. – Т. 41. – № 1. – С. 79-84.
9. Решение № 2-1236/2024 2-1236/2024(2-6129/2023) М-5119/2023 2-6129/2023 М-5119/2023 от 27 февраля 2024 г. по делу № 2-1236/2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>-(дата обращения: 21.12.2025).
10. Решение № 2-5382/2016 2-609/2017 2-609/2017(2-5382/2016);~М-5129/2016 М-5129/2016 от 2 февраля 2017 г. по делу № 2-5382/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>(дата обращения: 21.12.2025).
11. Тай М.А. Морское судно в системе объектов гражданских прав... автореф...канд. юрид. наук. – М., 2006. – 34 с.
12. Токмакова Г.В. Недвижимое имущество как объект правового регулирования // Государственная служба. – 2022. – Т.24. – №5. – С.14-18.
13. Шеметова Н.Ю. Государственная регистрация прав на недвижимость: момент возникновения права и особенности регистрации отдельных видов договоров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – №4. – С.111-119.

TOWARD A DISCUSSION ON MOVABLE REAL ESTATE

Tagaeva Sanavbar N.,

Professor of the Department of Civil Law of the
University of Management TISBI LL.D.

E-mail: s.tagaeva@mail.ru

The article is devoted to the study of the legal regime of sea and air vessels and inland waterway vessels. The article notes that it is the presence of state registration in a certain register that allows recognizing a ship that meets the technical parameters specified in the law as real estate. The author concludes that the criteria for attributing sea and air vessels, as well as inland waterway vessels to real estate are not relevant and require revision. In the author's opinion, it is necessary to reduce the objects of conditional real estate and more selectively extend the real estate regime to certain types of sea and air vessels, as well as inland waterway vessels.

Keywords: *conditional real estate, real estate under the law, sea vessels, aircrafts, inland waterway vessels, aircrafts, inland waterway vessels*

TOWARD A DISCUSSION ON MOVABLE REAL ESTATE

БА МУҲОКИМАИ МОЛУ МУЛКИ ҒАЙРИМАНҚУЛИ ҲАРАКАТКУНАНДА

Тагаева Санавбар Назиркуловна

профессори кафедраи ҳуқуқи граждани

Донишгоҳи идоракунии «ТИСБИ», доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ

E-mail: s.tagaeva@mail.ru

Мақолаи мазкур ба таҳқиқи низоми ҳуқуқи киштиҳои баҳрӣ, ҳавопаймоҳо ва киштиҳои роҳҳои оби дохилӣ бахшида шудааст. Дар мақола зикр мегардад, ки маҳз мавҷудияти бақайдгирии давлатӣ дар феҳристи муайян имкон медиҳад, ки киштӣ, ки ба параметрҳои техникии дар қонун пешбинишуда мувофиқат мекунад, ҳамчун молу мулки ғайриманқул эътироф карда шавад.

Муаллиф ба хулоса меояд, ки меъёрҳои мансуб донишгари киштиҳои баҳрӣ ва ҳавой, инчунин киштиҳои роҳҳои оби дохилӣ ба молу мулки ғайриманқул имрӯз аҳамияти худро аз даст дода, ниёз ба бознигарӣ доранд. Ба андешаи муаллиф, зарур аст доираи объектҳои «молу мулки ғайриманқули шартӣ» маҳдуд карда шуда, низоми молу мулки ғайриманқул ба таври интихобӣ нисбат ба намудҳои алоҳидаи киштиҳои баҳрӣ, ҳавопаймоҳо ва киштиҳои роҳҳои оби дохилӣ татбиқ гардад.

Калидвожаҳо: *молу мулки ғайриманқули шартӣ, молу мулки ғайриманқул тибқи қонун, киштиҳои баҳрӣ, ҳавопаймоҳо, киштиҳои роҳҳои оби дохилӣ.*

**СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ:
ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ И ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

Маннонзода Нигора Маннон

Таджикский государственный университет
права, бизнеса и политики, доцент кафедры уголовного права,
криминалистики и противодействие коррупции, юридического
факультета, кандидат юридических наук.
735700, г.Худжанд, Республика Таджикистан, мкр.н 17, дом 1.
тел.: (+992)99-000-55-65. e-mail: Shukrona_78@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты понятия субъекта преступления с акцентом на преступления, связанные с торговлей людьми. Анализируются ключевые критерии субъекта — вменяемость, возраст и юридические характеристики — с учётом национального законодательства Республики Таджикистан и международного опыта. Сделан вывод, что субъектом преступления, связанного с торговлей людьми, является вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, при этом все участники сделки подлежат уголовной ответственности, а юридические лица несут административно-гражданскую ответственность.

Ключевые слова: *субъект преступления, вменяемость, возрастной критерий, уголовная ответственность, торговля людьми, физическое лицо, юридическое лицо, Республика Таджикистан, уголовное право, международная практика.*

Вопрос о субъекте преступления занимает центральное место в уголовно-правовой науке, так как от правильного определения субъекта зависит возможность применения норм уголовного законодательства и установления меры ответственности.

Особое значение этот вопрос приобретает в контексте преступлений против личности, в частности торговли людьми, которая является одним из наиболее тяжких и социально опасных деяний современного общества.

Настоящее исследование направлено на всесторонний анализ понятия субъекта преступления, его критериев и особенностей применения к преступлениям, связанным с торговлей людьми, с учётом международного опыта и национального законодательства Республики Таджикистан. Особое внимание уделено таким ключевым аспектам, как вменяемость, возрастной критерий, юридическая природа субъекта и возможность привлечения к ответственности физических и юридических лиц. Цель работы состоит в том, чтобы обосновать правовые подходы к

определению субъекта преступления и предложить рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства в сфере противодействия торговле людьми, обеспечивая баланс между защитой прав личности и эффективностью правоприменительной практики.

В рамках теории уголовного права вопрос о точном определении понятия субъекта преступления остается предметом дискуссий. Субъект преступления представляет собой вменяемое физическое лицо, совершившее деяние, квалифицируемое как преступление, достигшее возраста, установленного положениями уголовного законодательства, и обладающее соответствующими обязательными характеристиками¹. Субъект преступления — это основной элемент состава преступления². Следовательно, он имеет

© Маннонзода Н.М.,

¹ Учебник уголовного права / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. С. 119; Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. С. 181.

² Шарипов Т.Ш., Рауфов Ф.Х., Сафарзода А.И., Рахматджонов Б.Н. Борьба с торговлей людьми: науч.-практ. пособие (на тадж. яз.). Душанбе, 2017. С. 66.

четкие критерии и признаки, которые позволяют его признать в качестве субъекта преступления.

Ключевым и определяющим признаком субъекта преступления, как и в отношении большинства видов преступлений, выступает его вменяемость. В уголовно-правовой науке общепризнанным является понимание вменяемости субъекта как способности лица осознать характер и общественную опасность своих действий при совершении преступления, а также предвидеть и желать наступления соответствующих последствий¹. Признание субъекта вменяемым также подразумевает возможность признания его виновным и, как следствие, привлечения к уголовной ответственности. Как отмечают М. М. Дайшутов и В. И. Динека, вменяемость по своему правовому содержанию включает психическое состояние лица, при котором оно способно, с учетом психического здоровья, социально-психического развития и возраста, осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемого преступления. Осознание фактического характера преступного деяния предполагает специфический уровень психической оценки объективной реальности, позволяющий лицу понимать действительный и реальный характер своих действий².

При анализе вопроса о вменяемости субъекта преступления

в уголовном законодательстве Республики Таджикистан следует отметить, что прямого закрепления данного понятия в законе не предусмотрено. В связи с этим ряд исследователей предлагает формировать его определение на основе противоположного понятия — «невменяемость»³. С данным мнением соглашаются не все ученые и специалисты в области уголовного права⁴, другие считают, что категории «вменяемость» и «невменяемость» самостоятельными категориями. Несмотря на кажущуюся близость данных категорий и их общую направленность на решение единой задачи — привлечение лица к уголовной ответственности, они обладают различным правовым содержанием. В этой связи представляется обоснованной позиция авторов, выступающих за закрепление понятия «вменяемость» на уровне уголовного законодательства. Анализ ряда международных правовых актов свидетельствует о том, что аналогичная практика уже реализована, в частности, в Модельном Уголовном кодексе СНГ⁵. В данном акте «вменяемость» определяется как «способность человека по своему психическому состоянию осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими»⁶. Предлагаемое определение может быть включено в статью 22 Главы IV Уголовного кодекса Республики Таджикистан, посвященной

«Общим условиям уголовной ответственности», где на данный момент закреплено понятие «невменяемость». Определив вменяемость как самостоятельную категорию, необходимо также уточнить её критерии. Специалисты в области уголовного права выделяют три ключевых критерия: возрастной, юридический и медицинский⁷.

Одним из ключевых критериев вменяемости выступает возраст субъекта, совершившего преступление. В специализированной литературе отмечается, что человек приобретает определённые знания, навыки и жизненный опыт к достижению конкретного возраста. На основе этого лицо в процессе совершения действий способно оценивать их с учётом конкретных обстоятельств и условий, в которых они осуществляются. Уровень такой оценки прежде всего определяется возрастом, который отражает определённый уровень развития личности, позволяющий осознанно воспринимать объективную действительность, включая результаты собственного поведения. Именно поэтому уголовной ответственности подлежит только лицо, достигшее установленного законом возраста на момент совершения преступления⁸.

По мнению Ф. Р. Сундуровой и И. А. Тархановой, достижение физическим лицом возраста, предусмотренного законом для

¹Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. М., 2000. С. 5-16.

²Дайшутов М.М., Динека В.И. Признаки субъекта преступления и его правовые критерии // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 127-128.

³Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. В.П. Ревина. - М.: Юрид. лит., 2000. С. 150; Уголовное право Российской Федерации: учебник для вузов: в 2 т. / под ред. Л.В. Иногумовой-Хегай. М., 2002. С. 145.

⁴Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник для вузов / Под ред. В.П. Ревина. М., 2000. С. 33.

⁵ Модельный уголовный кодекс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/154/241> (дата обращения: 11.01.2019 г.)

⁶Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М., 1987. С. 65.

⁷Дайшутов М.М., Динека В.И. Признаки субъекта преступления и его правовые критерии // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 127-128.

⁸Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 356.

привлечения к уголовной ответственности, является важным признаком субъекта преступления. Возраст напрямую связан с процессом социализации человека. По мере взросления индивид приобретает необходимые знания об окружающей действительности, осознаёт взаимосвязи между явлениями, усваивает требования социальных норм и, опираясь на собственный опыт и полученные знания, становится способным осознанно выстраивать своё поведение. Достижение установленного законом возраста отражает определённый усреднённый уровень социализации, который рассматривается как необходимая предпосылка для привлечения к уголовной ответственности¹.

Указанные положения полностью применимы и к субъектам преступления, связанного с торговлей людьми, поскольку лица, совершающие данное деяние, полностью осознают характер и общественную опасность своих действий. Уголовный кодекс Республики Таджикистан устанавливает, что субъектом данного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста, установленного уголовным законом — 16 лет, и признаваемое виновным в совершении преступления. При этом под физическим лицом в соответствии со статьёй 21 Гражданского кодекса Республики Таджикистан понимаются как граждане РТ, так и иностранные граждане и лица без гражданства. В

науке уголовного права относительно возраста субъекта преступления, связанного с торговлей людьми, сложились три противоположные позиции. Одна из групп учёных, учитывая тяжесть и общественную опасность данного деяния, предлагает устанавливать возраст привлечения к уголовной ответственности с 14 лет.² Однако большинство авторов не поддерживают данное предложение, аргументируя свою позицию тем, что в возрасте 14 лет индивид не способен в полной мере осознавать последствия своих действий. Вторая группа исследователей выступает за повышение возраста субъекта данного вида преступления до 18 лет, обосновывая свою позицию тем, что только по достижении совершеннолетия лицо способно адекватно воспринимать фактический характер и общественную опасность причиняемого вреда объекту, охраняемому уголовным правом³. Также существует мнение о том, что в качестве субъекта данного преступления (к примеру, в качестве покупателя) может выступать лицо старше 18-ти лет⁴. Тем не менее, трудно согласиться с предыдущими позициями, поскольку лицо, достигшее 16 лет, способно осознавать характер своих действий и оценивать общественную опасность совершения преступления, связанного с торговлей людьми. В связи с этим третья группа учёных выступает за установление возраста уголовной ответствен-

ности по данному виду преступления на уровне 16 лет. Они обосновывают свою позицию тем, что этот возраст полностью соответствует критериям, на основании которых лицо может привлекаться к уголовной ответственности⁵.

Вопрос о возрасте привлечения к уголовной ответственности за преступление, связанное с торговлей детьми, вызывает определённые дискуссии. В отличие от законодательства ряда постсоветских государств, где торговля детьми структурно включена в состав о торговле людьми, в Уголовном кодексе Республики Таджикистан это преступление выделено в самостоятельный состав и закреплено в Главе 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних». В связи с этим ряд авторов предлагает повышать возраст привлечения к ответственности за данное преступление до 18 лет. Они аргументируют свою позицию тем, что несовершеннолетнее лицо, совершая преступление в отношении сверстника, может осознавать причинение вреда жизни, здоровью и свободе личности, но не способно полностью оценить, что своими действиями оно нарушает общественные отношения, направленные на защиту нравственного и физического развития несовершеннолетнего⁶. Иными словами, сторонники данного подхода полагают, что преступление против несовершеннолетнего может быть совершено исключительно совершеннолетним лицом, ссылаясь при

¹ Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундурова и И. А. Тарханова. М., 2016. С. 274.

² Винокуров С.И. К вопросу о путях реформирования международного законодательства в сфере борьбы с торговлей людьми (основные тезисы) // Российский следователь. 2014. № 8. С. 109.

³ Стукалов В.В. Уголовно-правовые аспекты торговли людьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2012. С. 20.

⁴ Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1998. С. 173.

⁵ Горбань Е.Г. Противодействие торговле людьми (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2012. С. 4.; Рахимов М.С. Субъект преступления торговли людьми. Институт государства и права АН РТ. 2012. С. 6.

⁶ Стукалов В.В. Уголовно-правовые аспекты торговли людьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2012. С. 20.

этом на ряд статей уголовного законодательства. На наш взгляд, эта позиция не является полностью обоснованной, а приведённые аргументы носят спорный характер, поскольку в УК существуют и другие нормы, предусматривающие привлечение к ответственности за преступления против несовершеннолетних их сверстников.

В отношении торговли детьми представляется целесообразным опираться на практику ряда постсоветских государств, рассматривая данное деяние как квалифицирующий признак торговли людьми и устанавливая повышенную уголовную ответственность. Результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов и судов Республики Таджикистан показали, что 68 % респондентов считают торговлю несовершеннолетними квалифицирующим признаком торговли людьми. В теории уголовного права обсуждается вопрос о возможности признания юридических лиц субъектами преступления, в частности торговли людьми. Национальное уголовное законодательство признаёт субъектом преступления исключительно физическое лицо, однако в юридической науке существуют позиции, согласно которым юридические лица также могут быть субъектами преступления. Эта проблема остаётся достаточно дискуссионной на современном этапе.

Так, профессор Ю. В. Трунцевский отмечает: «Проблема установления уголовной ответственности юридических лиц относится к числу дискуссионных в мировой законодательной практике. Уголовные кодексы многих стран строго следуют принципу

вины, запрету двойной ответственности за одно и то же преступление, понятию «преступление» и целям наказания, не признавая юридические лица субъектами преступлений». По мнению автора, «подобные меры уголовной ответственности и освобождения от неё должны стимулировать компании разрабатывать и внедрять необходимые программы по предотвращению, выявлению и предупреждению правоохранительных органов о совершении коррупционных и иных преступлений».

В праве различают физические и юридические лица. Физические лица — это обычные люди, которые несут ответственность за свои действия напрямую. Юридические лица — это организации, компании или учреждения. Проблема с привлечением юридических лиц к уголовной ответственности в том, что уголовное право традиционно основывается на вине человека и его намерении. Организация не может иметь мыслей, намерений или чувств, поэтому классическая уголовная ответственность для неё невозможна.

Тем не менее, современное законодательство постепенно создаёт специальные нормы, позволяющие привлекать юридическое лицо к ответственности за определённые преступления, например экономические или экологические. Такая ответственность не «личная», как у человека, а организационная: штрафы, приостановление деятельности, лишение лицензий.

Иными словами, юридическое лицо не несёт уголовную ответственность так, как человек, потому что не может быть виновным в привычном понимании, но закон всё же предусматривает способы наказать организацию

за её действия¹. Согласно мнению рассматриваемого автора, личная ответственность распространяется не только на физических, но и на юридических лиц. Аналогичную точку зрения поддерживает Н. Егорова, отмечая, что «вина юридического лица в коррупционном преступлении по сути и форме должна быть приравнена к вине соответствующего должностного лица или другого сотрудника. Попытка создать особую модель вины юридического лица, отличную от «человеческой», может привести к фактическому объективному вменению». С этой позицией согласна и Е. В. Елифанова, утверждающая, что привлечение юридических лиц к уголовной ответственности оправдано только в тех случаях, когда «характер и степень общественной опасности преступления, а также тяжесть его последствий не позволяют эффективно решать вопрос ответственности через административное право путем увеличения штрафов»².

Существуют и противоположные точки зрения среди исследователей. Так, авторы учебника «Уголовное право» И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова и Г. П. Новоселов отмечают, что «уголовная ответственность юридических лиц не допускается, даже если их деятельность способна причинить вред охраняемым уголовным законом общественным интересам. В подобных случаях ответственность несут лично должностные лица (руководители) соответствующих предприятий, учреждений или организаций»³.

В ряде международно-правовых документов признаётся возможность привлечения юридических лиц к уголовной ответ-

¹ Никифоров А.С. Юридическое лицо как субъект преступления // Государство и право. 2000. № 8. С. 18.

² Елифанова Е.В. Юридическое лицо как субъект преступления // Современное право. 2003. № 2. С. 43–47.

³ Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1998. С. 173.

ственности. Аналогичная практика применяется и в ряде стран Европы, Азии и Америки. Так, например, во Вьетнаме 20 июня 2017 года Национальное собрание внесло изменения в Уголовный кодекс, установив уголовную ответственность корпораций за отдельные правонарушения и коммерческие взятки¹.

В постсоветских странах, в частности в Российской Федерации, предпринимались попытки внедрить институт уголовной ответственности юридических лиц ещё в 1993–1994 годах при разработке предварительных проектов Уголовного кодекса РФ, которые предусматривали возможность признания юридического лица субъектом преступления. Сторонники этой инициативы объясняли её необходимостью усиления борьбы с организованной преступностью, экологическими правонарушениями и криминальным предпринимательством. Однако реализовать проект не удалось, поскольку предложенный подход подвергся резкой критике в научной среде. Основной аргумент критиков заключался в том, что традиционные институты уголовного права формировались исходя из предположения, что субъектом преступления может быть только физическое вменяемое лицо. Тем не менее в Российской Федерации вопрос об установлении уголовной ответственности для юридических лиц в УК РФ продолжает обсуждаться и остаётся актуальным. Так, нормы статей Федерального закона «О проти-

водействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273–ФЗ, в частности статья 13.3, обязывают организации независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности принимать меры по предупреждению коррупционных правонарушений. Аналогичные дискуссии ведутся и в Республике Таджикистан, где данная тема привлекает внимание отечественных исследователей, таких как Т. Ш. Шарипов, А. И. Сафарзода, З. А. Камолов и других². В своих исследованиях эти авторы подчёркивают, что вопрос о признании юридических лиц субъектами преступления требует всестороннего анализа, прежде чем включать его в уголовное законодательство. В связи с этим отечественный законодатель придерживается классического понимания субъекта уголовного права, согласно которому таковым может быть только физическое лицо.

При изучении законодательства Республики Таджикистан о торговле людьми следует отметить, что оно предусматривает ответственность юридических лиц за участие в этой деятельности. Эта ответственность закреплена в статье 43 Закона РТ «О противодействии торговле людьми» и носит административно-гражданский характер.

На основании изложенного можно сделать вывод, что субъектом преступления, связанного с торговлей людьми, является вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет. Поскольку данное

преступление совершается посредством заключения сделки о купле-продаже человека между двумя или более участниками, к уголовной ответственности следует привлекать все стороны, участвующие в этой сделке.

На основе приведённого текста можно сформулировать следующий научно обоснованный вывод:

Субъектом преступления, связанного с торговлей людьми, является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, установленного законодательством Республики Таджикистан – 16 лет. Вменяемость выступает ключевым критерием субъекта, подразумевающим способность лица осознавать характер и общественную опасность своих действий, предвидеть последствия и нести за них юридическую ответственность. Возрастной критерий отражает уровень социализации и способность лица оценивать последствия своих действий, что делает возраст 16 лет достаточной предпосылкой для привлечения к уголовной ответственности по указанному преступлению. При этом к ответственности должны привлекаться все участники сделки по торговле людьми, а юридические лица несут ответственность только в рамках административно-гражданских норм, что соответствует классическому подходу уголовного права, признающему субъектом преступления исключительно физическое лицо.

Библиографический список

1. Винокуров С.И. К вопросу о путях реформирования международного законодательства в сфере борьбы с торговлей людьми (основные тезисы) // Российский следователь. – 2014. – № 8. – С. 109-113.

¹Трунцевский Ю.В. Уголовная ответственность юридических лиц как мера стимулирования эффективного комплаенс – контроля // Независимая газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2017-11-16/100_171116_criminaliability.html (дата обращения: 11.01.2019 г.).

²Сафаров А.И. Анализ субъективных признаков воспрепятствования законной предпринимательской деятельности по уголовному законодательству Республики Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. 2015. №3/12 (189). С. 84-87.

2. Горбань Е.Г. Противодействие торговле людьми (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 29 с.
3. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж, 1974. – 254 с.
4. Дайшутов М.М., Динека В.И. Признаки субъекта преступления и его правовые критерии // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 6. – С. 127-128.
5. Доклад о состоянии борьбы с торговлей людьми в Российской Федерации / Н.И. Абубакирова, Б.Я. Гаврилов, Л.В. Ерофеева и др.; науч. ред. Е.Б. Мизулина. – М., 2006. – 278 с.
6. Епифанова Е.В. Юридическое лицо как субъект преступления // Современное право. – 2003. – № 2. – С. 43–47.
7. Измайлова И. Проблемы правоприменения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за торговлю людьми (ст. 127.1 УК РФ) // Предупреждение и пресечение торговли людьми. – М., 2005. С. 405;
8. Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России. – М.: Юрид. изд-во МВД РФ, 2000. – 343 с.
9. Модельный уголовный кодекс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/154/241> (дата обращения: 11.01.2019 г.)
10. Никифоров А.С. Юридическое лицо как субъект преступления // Государство и право. – 2000. – № 8. – С. 18-22.
11. Общая психология: учебник / под ред. А.В. Петровского. – 3-е изд. – М., 1986. – 398 с.
12. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. – М., 1970. Т. 2. – 490 с.
13. Рахимов М.С. Субъект преступления торговли людьми. Институт государства и права АН РТ. – 2012. – 275 с.
14. Рустамова Ф.Н. Торговля людьми: анализ состава и проблемы квалификации в законодательстве Республики Таджикистан // Труды Академии МВД РТ. – 2014. – № 1 (21). – С. 164-165.
15. Сафаров А.И. Анализ субъективных признаков воспрепятствования законной предпринимательской деятельности по уголовному законодательству Республики Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. – 2015. – №3/12 (189). – С. 84-87.
16. Стукалов В.В. Уголовно-правовые аспекты торговли людьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2012. – 198 с.
17. Трунцевский Ю.В. Уголовная ответственность юридических лиц как мера стимулирования эффективного комплаенс – контроля // Независимая газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2017-11-16/100_171116_criminalliability.html (дата обращения: 11.01.2025 г.).
18. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник для вузов / Под ред. В.П. Ревина. – М.: Юрид. лит., 2000. – 657 с.
19. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. В.П. Ревина. М., 2014. – 453 с.
20. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундурова и И. А. Тарханова. – М., 2016. – 456 с.
21. Уголовное право России. Общая часть: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М., 1996. – 398 с.
22. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2016. – 456 с.
23. Уголовное право Российской Федерации: учебник для вузов: в 2 т. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М.: Инфра 2002. – 687 с.
24. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М., 1998. – 642 с.
25. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. – М.: Наука, 1987. – 368 с.
26. Учебник уголовного права / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – 578 с.
27. Шалимов Е.Е. Правовое регулирование торговли людьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. – Саратов, 2007. – 198 с.
28. Шарипов Т.Ш., Рауфов Ф.Х., Сафарзода А.И., Рахматджонов Б.Н. Борьба с торговлей людьми: науч.-практ. пособие (на тадж. яз.). – Душанбе, 2017. – 278 с.

THE SUBJECT OF CRIME IN THE CONTEXT OF HUMAN TRAFFICKING: LEGAL CRITERIA
AND FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Mannonzoda Nigora Mannon

Tajik State University of Law, Business and Politics,
associated professor of criminal law, criminalistic and combating corruption Department, Law Faculty, candidate
of juridical sciences.

Address: 735700, Khujand, Republic of Tajikistan, 17 th microdistrict, 1.
tel.: (+992)99-000-55-65. e-mail: Shukrona_78@mail.ru

This article examines the theoretical and practical aspects of the concept of the subject of a crime, focusing on crimes related to human trafficking. Key criteria for a subject-sanity, age, and legal characteristics-are analyzed, taking into account the national legislation of the Republic of Tajikistan and international experience. It is concluded that the subject of a crime related to human trafficking is a sane individual who has reached the age of 16. All parties to the transaction are subject to criminal liability, while legal entities bear administrative and civil liability.

Keywords: *subject of a crime, sanity, age criterion, criminal liability, human trafficking, individual, legal entity, Republic of Tajikistan, criminal law, international practice.*

СУБЪЕКТИ ҚИНОЯТ ДАР ЗАМИНАИ ХАРИДУФУРЌИ ОДАМОН: МЕЪЁРҲОИ ҲУҚУҚӢ ВА
ХУСУСИЯТҲОИ ҶАВОБГАРИИ ҚИНОЯТӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Маннонзода Нигора Маннон

Донишгоњи давлатии нуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон, дотсенти кафедраи нуқуқи ҷиноятӣ, кри-
миналистика ва муқовимат ба коррупсияи факултети нуқуқшиносӣ, номзади илмҳои нуқуқшиносӣ. Су-
роға: 735700, ш.Хуҷанд, Ҷумҳурии Тоҷикистон, мкр.н 17, бинои 1.

Тел: (+992)99-000-55-65. E-mail: Shukrona_78@mail.ru

Дар мақола ҷанбаҳои назариявӣ ва амалии мафҳуми субъекти қиноят бо таваҷҷуҳи махсус ба қиноятҳои марбут ба харидуфурӯши одамон баррасӣ карда мешаванд. Меъёрҳои асосии субъекти қиноят — қобилияти ҷавобгарии ҳуқуқӣ (солимии ақл), синну сол ва хусусиятҳои ҳуқуқӣ — бо дарназардошти қонунгузориҳои миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва таҷрибаи байналмилалӣ таҳлил мегарданд. Хулоса бароварда мешавад, ки субъекти қинояти марбут ба харидуфурӯши одамон шахси воқеии солими ақл мебошад, ки ба синни 16 расидааст; ҳамзамон ҳамаи иштирокчиёни чунин муомила ба ҷавобгарии қиноятӣ кашида мешаванд, дар ҳоле ки шахсони ҳуқуқӣ ҷавобгарии маъмурӣ ва шахрвандӣ доранд.

Калидвожаҳо: *субъекти қиноят, солимии ақл (қобилияти ҷавобгарии ҳуқуқӣ), меъёри синнусолӣ, ҷавобгарии қиноятӣ, харидуфурӯши одамон, шахси воқеӣ, шахси ҳуқуқӣ, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳуқуқи қиноятӣ, таҷрибаи байналмилалӣ.*

УДК 343.261(100).

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО
ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

Назарзода Рамзагули Гани

кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовного процесса и криминалистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: 988-88-45-44, E-mail: rami_1293@mail.ru

Абдуллобекзода Темурмалик Абдуллобек

Старший научный инспектор по международным связям
научно-исследовательского отдела, капитан милиции
Академия МВД Республики Таджикистан
734012, г. Душанбе, ул. Мاستонгулов, 3
Тел.: + (992)988614713 E-mail: temurmalik.abdullobekzoda@bk.ru

Статья посвящена проблемам современного уголовно-исполнительного законодательства зарубежных стран в сфере применения пожизненного лишения свободы. Актуальность научного исследования состоит в том, что пожизненное лишение свободы является наказанием за совершение особо тяжких преступлений, в связи с чем оно является одним из самых значимых институтов уголовного права. В статье подняты такие проблемы, как: бессрочность данного вида наказания; пожизненное лишение свободы как альтернатива смертной казни. Также в статье приведена статистика процентного соотношения отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы и за рубежом. Подчеркивается роль суда при назначении указанного наказания.

Ключевые слова: *пожизненное лишение свободы, альтернатива смертной казни, исправительное учреждение.*

Назарзода Р.Г.

На современном этапе развития таджикской государственности особенно важно усовершенствовать национальное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, а также пенитенциарную систему в соответствии с мировыми стандартами и

международным правом. В условиях интеграционных процессов и необходимости гуманизации системы назначения и исполнения наказаний таджикскому обществу, государству и законодателям следует учитывать опыт зарубежных стран, особенно тех, которые принадлежат к романо-германской правовой семье. Эти страны, начиная с конца XVIII века и до сегодняшнего дня, прошли значительную эволюцию в развитии своих тюремных систем. Нас в данном случае интересуют те особенности и отличия во многом объясняются историческими истоками, без изучения которых невозможно понять проблемы в сфере исполнения наказаний, которые связанные с ПАС. Как мы уже выяснили многие государства мира используют этот вид наказания

Абдуллобекзода Т.А.

за наиболее тяжкие преступления¹. Хотя каждая юрисдикция может иметь свою собственную систему исполнения наказаний, международное и европейское право в области прав человека устанавливает применимые ограничения².

Сравнивая пенитенциарные системы отдельных стран, С.В. Лучко установил типовые признаки их функционирования: все пенитенциарные системы создаются с целью изоляции от общества лиц, совершивших преступление; осужденные в пенитенциарных учреждениях содержатся как в одиночных камерах, так и в общих помещениях; распределение пенитенциарных учреждений происходит по степени безопасности; создана система облегченного одиночного заключения, которая предусматривала изолированное содержание заключенных в камерах, но позволяла совместное их пребывание в школе и церкви

В европейской правовой системе существует довольно много стандартов, касающихся пожизненного заключения. Например, в Нидерландах и Великобритании, ПАС не имеет никаких ограничений, в то время как в Германии и Италии ПАС считается неприемлемым³. Кроме того, конституции Ита-

лии и Испании предусматривают, что все приговоры к тюремному заключению должны быть ориентированы на реабилитацию правонарушителей, при этом Конституционный суд Италии постановил, что возможность условно-досрочного освобождения является единственным средством, с помощью которого пожизненное заключение может оставаться совместимым с Конституцией.

В Европейском Союзе ПАС как такового не существует, но есть пожизненное заключение с возможностью пересмотра. В таких странах, как Дания, после пересмотра срок пребывания в заключении может составить 12 лет, в Греции – 20, во Франции, Германии, Швейцарии и Австрии – 15 лет. Странами с наибольшим сроком пребывания в тюрьме являются Великобритания – 25 лет и Италия – 26 лет. В странах, где пожизненное заключение подлежит пересмотру, законодательно позволяет освободить заключенного досрочно при условии раскаяния или сотрудничества с силами безопасности.

ПАС по законодательству Германии. Интересный факт заключается в том, что в Германии апелляции на пожизненное заключение рассматриваются в контексте его совместимости с

человеческим достоинством, что отражено в статье 1 Конституции Германии. Конституционный суд страны признал, что пожизненное заключение может привести к утрате личного достоинства, лишению надежды и отказу в праве на реабилитацию. Этот подход подчеркивает важность соблюдения прав человека и гуманитарных принципов даже в отношении самых строгих мер наказания. При этом уважение человеческого достоинства, по мнению названного суда, требует процедуры, исполнение которой сделает пожизненное заключение терпимым для осужденного⁴. В результате суд обязал законодательный орган Германии внести поправки в Уголовный кодекс, чтобы разрешить судебную форму освобождения в сочетании с надлежащей правовой защитой. Пожизненное заключение по-прежнему совместимо с Основным законом, но никогда не является абсолютным наказанием в смысле «приговора вплоть до смертной казни». Пожизненное заключение является исключением из правил временного тюремного заключения и назначается в Германии в особо тяжких случаях, упомянутых в Уголовном кодексе (далее УК ФРГ) и

¹ Балаева А.М. Пожизненное лишение свободы как вид наказания в зарубежном уголовном праве // Вестник науки. 2019. Т. 4. №4 (13). С. 63-65; Дикаева М.С. Назначение и исполнение пожизненного лишения свободы в России и зарубежных странах // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. №3 (38). С. 99-103; Костромцов А.Е. Международный опыт содержания осужденных к пожизненному лишению свободы // Вестник Пермского института ФСИН России. 2018. №1 (28). С. 6; Савченко Д.В. Соблюдение прав человека при исполнении наказания в виде лишения свободы на определенный срок, пожизненного лишения свободы // Студенческий вестник. 2023. №15-4 (254). С. 44-49; Салищев С.А. Соблюдение прав человека при исполнении наказания в виде лишения свободы на определённый срок, пожизненного лишения свободы // Студенческий вестник. 2023. №11-3 (250). С. 44-45.

² Жамбалов Д.Б., Толстихина К.Е. Проблемы института пожизненного лишения свободы в российском

уголовном праве // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. №4. С. 646-649; Грачев Д.М. Пожизненное лишение свободы как вид наказания в зарубежном уголовном праве // Вестник науки. 2018. Т. 5. №9 (9). С. 52-55; Альханов Н.М., Абдулхожаев И.Ш. Лишение свободы как вид уголовного наказания в уголовном праве зарубежных стран: теоретические аспекты // Закон и право. 2021. №12. С. 118-120.

³ Савченко Д.В. Соблюдение прав человека при исполнении наказания в виде лишения свободы на определенный срок, пожизненного лишения свободы // Студенческий вестник. 2023. №15-4 (254). С. 44-49; Салищев С.А. Соблюдение прав человека при исполнении наказания в виде лишения свободы на определённый срок, пожизненного лишения свободы // Студенческий вестник. 2023. №11-3 (250). С. 44-45.

⁴ German Federal Constitutional Court, (21 June 1977) 45 BVerfGE 187 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrct.org/safrica/dignity/45bverfge187.html> (дата обращения: 01.03.2020).

Международном уголовном кодексе¹. К ним относятся убийства, особенно серьезные случаи непредумышленного убийства и геноцида. ПАС может быть приостановлено через 15 лет, если преступник не совершит дальнейших правонарушений в течение срока тюремного заключения. В УК ФРГ говорится также об особой тяжести вины, оправдывающей более длительный срок тюремного заключения², а также о том, что человек не может быть приговоренным к двум пожизненным срокам заключения.

Лица, не достигшие 18-летнего возраста, отмечается в УК ФРГ, не могут быть приговорены к ПАС.

ПАС назначается судом после вынесения обвинительного приговора за особо тяжкое преступление, и по решению суда приговор должен быть окончательным. ПАС может быть прекращено только помилованием. При этом о фиксированной продолжительности в кодексе ничего не говорится. Осужденный может провести остаток своей жизни в тюрьме. Однако существует вероятность того, что в стране может быть объявлено помилование, которое позволит досрочно освободить осужденного из тюрьмы, или помилование будут касаться лично осужденного к ПАС.

Законодательство Германии предусматривает возможность помилования или отмены пожизненного заключения Федеральным президентом. Однако решение об этом не принимается спонтанно и обычно требует наличия особой причины,

например, заключенный серьезно заболел или очень стар. Прощение о помиловании может подать осужденный или его адвокат.

В УК Германии закреплена возможность досрочного освобождения от пожизненного заключения, но это случается очень редко и при соблюдении строгих условий. Согласно ст. 57а УК ФРГ (StGB), досрочное освобождение от пожизненного заключения может рассматриваться, если осужденный отбыл минимальный срок в 15 лет³. Предпосылкой для досрочного освобождения является то, что осужденный больше не представляет угрозы для безопасности общества. Здесь необходимо учитывать ряд таких факторов, как наличие оснований для заключения под стражу, поведение осужденного во время отбывания наказания, осознание им преступления и наличие конкретной концепции реабилитации. За принятие решения о досрочном освобождении от пожизненного заключения обычно отвечает сенат соответствующего высшего регионального суда, выносящий приговор. При принятии такого решения в суд должно быть представлено психиатрическое или криминологическое заключение. Однако важно подчеркнуть, что досрочное освобождение от пожизненного заключения является исключением и никоим образом не гарантируется⁴. На практике досрочное освобождение от пожизненного заключения встречается редко.

ПАС по законодательству Голландии. В ст. 10 Уголовного кодекса Нидерландов (Wetboek

van Strafrecht) изложены основания для назначения пожизненного заключения. Пожизненное заключение может быть назначено за ряд преступлений, включая:

- посягательство на безопасность государства, например, намерение убить короля;
- поджог или взрыв, ставящий под угрозу чью-либо жизнь;
- убийство.

Кроме того, пожизненное заключение может назначаться за преступления, которые в других случаях караются ограниченными сроками тюремного заключения, такими как террористические акты. Закон о международных преступлениях 2003 года (Wet Internationale Misdrijven 2003) также охватывает некоторые преступления, которые могут наказываться пожизненным заключением. Дети до 18 лет не подлежат пожизненному заключению.

За последние десятилетия в законодательство Голландии, касающуюся пожизненного заключения, было внесено несколько поправок. Эти изменения обсуждались и некоторые из них были приняты, тем не менее, по сей день продолжают политические дебаты относительно применения пожизненного заключения.

До 2000 г. в стране действовала процедура наблюдения за заключенными, отбывающими особо длительные сроки наказания (Volgprocedure Langgestrafte). Она распространялась на лиц, отбывающих наказание более шести лет, и, конечно, на приговоренных к

¹ Международный уголовный Кодекс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/vstgbruss.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).

² Назарзод Р.Г. Опыт применения пожизненного лишения свободы в зарубежных странах // Академический юридический журнал. 2019. №3 (31). С. 23-26.

³ German Penal Code art 38 (Germany, 2013) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html (дата обращения: 01.03.2020).

⁴ Lebenslange Freiheitsstrafe – Wie lange ist lebenslänglich in Deutschland? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.juraforum.de/lexikon/lebenslange-freiheitsstrafe> (дата обращения: 01.10.2023).

ПАС. Эта процедура предусматривала пересмотр приговоров после отбытия заключенным одной трети срока наказания. В соответствии с процедурой ПАС будет пересмотрено на предмет его эффективности и того, достигается ли здесь намеченная цель – исправления осужденного. Трансформации пожизненного заключения во временное заключение с возможностью (условного) досрочного освобождения может способствовать процедура мониторинга. Соответственно ей, конкретное учреждение (Penitentiair Selectie Centrum) должно было принять каждого заключенного, отбывшего одну треть своего наказания, чтобы оценить возможную его реинтеграцию. Позже законодательный орган изменил это на процедуру письменного тестирования из-за увеличения числа заключенных, отбывающих длительные сроки заключения. В 2000 г. законодательный орган решил отменить всю процедуру, периодического пересмотра пожизненного заключения¹.

В 2009 г. министр юстиции и государственный секретарь безопасности проинформировали Палату представителей о своем намерении вновь ввести процедуру мониторинга, согласно которой пожизненное заключение будет пересматриваться каждые

пять лет. В основе этого предложения лежала идея о том, что отбывание пожизненного заключения имеет последствия для физического и психологического здоровья заключенного. В 2012 г. госсекретарь выразил другую точку зрения, заявив, что цель пожизненного заключения состоит в том, чтобы оно длилось всю жизнь².

Фонд «Форум Левенсланг» 16 февраля 2016 г. направил письмо в Европейский комитет по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения и наказания (ЕКПП), чтобы привлечь внимание к пожизненному заключению в Нидерландах³. В этом письме говорилось о том, что условия содержания лиц, отбывающих пожизненное заключение в Нидерландах, нарушают ст. 3 ЕКПЧ, а также об отсутствии перспективы освобождения, отмене процедуры наблюдения и отсутствии программ реинтеграции, и предлагалось расследовать политику помилования и обстоятельства, связанные с отбыванием пожизненного заключения в Нидерландах. ЕКПП никак не отреагировал на это письмо. Однако Голландия входит в число 10 стран, которые ЕКПП должен был посетить в 2016 г.⁴ и оценить условия содержания лиц, лишенных свободы.

По итогам посещения был подготовлен подготовит конфиденциальный отчет с выводами и рекомендациями⁵.

Недавно голландский парламент выразил намерение изменить порядок применения пожизненного заключения. Государственный секретарь безопасности и юстиции г-н Клаас Дейкхофф предложил желание ввести процедуру проверки для оценки права заключенных, отбывающих пожизненное заключение, на досрочное освобождение. Народная партия за свободу и демократию (Volkspartij voor Vrijheid en Democratie) (VVD), одна из политических партий, правящая в коалиции с Лейбористской партией (Partij van de Arbeid) (PvdA), выступала за изменения в отношении ПАС. Утверждая, что нынешняя пенитенциарная система нуждается в реформе по гуманитарным соображениям. Указанные партии надеялись добиться консенсуса в решении этого вопроса с парламентом страны. Одно из направлений реформы касалось пересмотра приговора по ПАС осужденный отбудет после того, как примерно 25 лет наказания. Пока неясно, как это будет реализовано в деталях, но, скорее большинство в парламенте будет готово провести такую реформу.

Как международное, так и европейское право в области прав

¹ State Secretary Security and Justice, Gratieprocedure en tenuitvoerlegging levenslange gevangenisstraf, MINISTRY OF SECURITY AND JUSTICE 3 (Oct. 16, 2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/kamerstukken/2009/10/16/5614834-gratieprocedure-en-tenuitvoerlegging-levenslange-gevangenisstraf> (дата обращения: 01.03.2020).

² State Secretary of Security and Justice, Modernisering penitentiare arbeid, Samenplaatsing (levens) langgestraften, MINISTRY OF SECURITY AND JUSTICE, 4-6 (Apr. 16, 2012) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/kamerstukken/2012/04/17/modernisering-penitentiare-arbeid-samenplaatsing-levens-langgestraften> (дата обращения: 01.03.2020).

³ Балаева А.М. Пожизненное лишение свободы как вид наказания в зарубежном уголовном праве // Вестник науки. 2019. Т. 4. №4 (13). С. 63-65; Дикаева М.С. Назначение и исполнение пожизненного лишения свободы в России и зарубежных странах // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. №3 (38). С. 99-103; Костромцов А.Е. Международный опыт содержания осужденных к пожизненному лишению свободы // Вестник Пермского института ФСИН России. 2018. №1 (28). С. 6.

⁴ Балаева А.М. Пожизненное лишение свободы как вид наказания в зарубежном уголовном праве // Вестник науки. 2019. Т. 4. №4 (13). С. 63-65.

⁵ Recourt J. Motie van het Lid. Ministry of security and justice (Nov. 26, 2015) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/dossier/34251/kst-34300-VI-39.html> (дата обращения: 01.03.2020).

человека позволяет Голландцам приговаривать к пожизненному заключению осужденных преступников. Поскольку смертная казнь не разрешена в Голландии, это самая суровая форма наказания. В этом разделе меморандума рассматриваются случаи, когда голландский суд может вынести пожизненное заключение, варианты досрочного освобождения и реабилитации заключенных, а также последние политические события, касающиеся реформы закона о пожизненном заключении. Такая система ПАС в Голландии подвергалась критике и оспаривалась в голландских судах и ЕСПЧ. Судя по судебной практике ЕСПЧ, в Голландии до сих пор имеют место проблемы, касающиеся формы пересмотра пожизненного заключения (Королевского помилования), а также отсутствия реабилитации заключенных, приговоренных к пожизненному заключению. ЕСПЧ, рассматривая вопрос о помиловании посчитал правильным отдать его решение судебным органам пересматривая дело о ПАС, суд должен рассмотреть четкими и установленными критериями освобождения. Однако прецедентное право не является окончательным, и ЕСПЧ считает, что процесс помилования, пусть и с участием лиц, принимающих политические решения, тоже должен включать в себя рекомендации судов, и тем самым будет обеспечиваться редкая, но тем не менее возможная перспектива освобождения. Кроме того, отсутствие реабилитации представляется несовместимым с международным и европейским законодательством,

которое подчеркивает это как ключевой аспект тюремного заключения. Тот факт, что голландская система не соответствует ЕКПЧ, был подтвержден в недавнем деле Большой Палаты по делу Мюррея¹. Хотя это дело основывалось на конкретных фактах, оно установило, что заключенные должны реально иметь возможность добиться прогресса в реабилитации.

ПАС по законодательству Франции. В Франции приговор о ПАС выносится в соответствии со статьей 131–1 УК. Оно может быть назначено лицам, совершившим наиболее тяжкие уголовные преступления наряду с сроком тюремного заключения, который может составлять 10, 15, 20 или 30 лет в зависимости от преступления.

ПАС назначается за совершение множественных преступлений как против государства и общественного порядка, таких как терроризм (статья 421–7 УК Франции), так и преступлений против личности, включая:

- некоторые виды убийства при отягчающих обстоятельствах (статья 221–1 УК Франции);
- изнасилование при отягчающих обстоятельствах (статья 222–26 УК Франции).

Также преступления против собственности могут повлечь за собой назначение пожизненного заключения. В частности:

- некоторые кражи при отягчающих обстоятельствах (статья 311–10 УК Франции);
- определённые формы разрушения, повреждения или

порчи, представляющие опасность для людей (статья 322–9 УК Франции)².

Это, безусловно, очень суровый приговор, потому что требует заключения преступника в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. При этом приговор может быть изменен в рамках судебного процесса, когда будет объявлено, что заключенный больше не представляет риска для общества, но это не ставит Францию в особенно оригинальное положение.

По данным ключевых показателей органа юстиции в течение 2018 г. во Франции было вынесено 17 приговоров пожизненного заключения, в основном за тяжкие преступления против людей, несколько превышает число аналогичных приговоров, вынесенных в предыдущие годы. В 2010, 2016 и 2017 гг. их было 11 и 16 в 2012 г. В настоящее время во французских тюрьмах отбывают пожизненное заключение чуть менее 500 заключенных³. По данным администрации тюрьмы, по состоянию на 1 октября 2021 г. во Франции отбывают ПАС 477 заключенных⁴. По статистике, эти приговоры представляют собой довольно небольшую долю задержанных (около 1% нынешних приговоров на срок 5 лет и более).

Лицо, приговоренное к ПАС, не имеет права на сокращение срока наказания (он не имеет права ни на льготы по сокращению срока наказания, ни на дополнительное смягчение наказания). В тоже время осужденный может потребовать из-

¹ Recourt J. Motie van het Lid. Ministry of security and justice (Nov. 26, 2015) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/dossier/34251/kst-34300-VI-39.html> (дата обращения: 01.03.2020).

² Правопорядок и его институциональные основы: Сборник трудов молодых ученых – участников международной научной конференции (Воронеж, 31 мая - 1 июня 2019 г.) / [Редколл.: Беляев М.А., Денисенко В.В.]. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. 161 с.

³ La réclusion criminelle à perpétuité [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://actu.dalloz-etudiant.fr/focus-sur/article/la-reclusion-criminelle-a-perpetuite/h/4a7dc80ccdfbd638628a3b7f15cf01de.html> (дата обращения: 01.03.2020).

⁴ Prison: est-il vrai qu'il n'y a pas de perpétuité réelle en France? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lavoixdunord.fr/1157025/article/2022-03-24/la-perpetuite-est-elle-reellement-appliquee-en-france> (дата обращения: 01.03.2020).

менения ПАС после определенного периода пребывания в тюрьме, а именно претендовать на условно-досрочное освобождение он может после 18 или 22 лет заключения в статусе законного рецидивиста (ст. 729 УК Франции). Однако процедура, предшествующая его возможному условному освобождению, более громоздкая, чем для других осужденных. Причем, эти осужденные обязательно должны будут пройти мультидисциплинарную оценку их опасности, проводимую в Национальном центре оценки, до рассмотрения судом, исполняющим приговор, их ходатайства об условно-досрочном освобождении (ст. 730–2 УК Франции)¹. Этому освобождению должен предшествовать период – от одного года до трех лет, так называемый испытательный срок – полу выпуск, прогулка на открытом воздухе, электронное наблюдение. Лицо, приговоренное к пожизненному лишению свободы, может также воспользоваться медицинской отсрочкой наказания, если оно страдает опасной для жизни патологией или если условия его содержания постоянно несовместимы с его дальнейшим содержанием под стражей (ст. 720–1–1.УК Франции).

В французском правосудии самой строгой санкцией является пожизненное заключение с несокращаемым сроком. В современной истории Франции вынесено всего восемь таких приговоров. Несокращаемое пожизненное заключение – это высшая мера наказания, при которой осужденный остаётся в тюрьме на всю жизнь без возможности смягчения приговора или

условно-досрочного освобождения. Правда, заключенные могут после 30 лет тюремного заключения попросить судью, исполняющего приговор, пересмотреть эту «невозможность» и корректировав наказание. «Настоящая бессрочность» была создана в 1994 г. под руководством П. Меэньери, министра юстиции при Э. Балладюре². Но вот во Франции этот приговор выносят очень редко (его получили восемь преступников). До 2022 г. были осуждены всего четыре человека. Среди них два серийных убийцы и двое человек, изнасиловавших, а затем убивших ребенка. Позже этот приговор получили также четверо мужчин, осужденных за действия, связанные с терроризмом.

ПАС по законодательству Испании. В этой стране ПАС не предусмотрено законодательством, и большинство юристов считает, что его применение несовместимо с действующей Конституцией Испании (1978 г.), потому что цель приговоров к лишению свободы имеет ресоциализирующий и реинтеграционный характер. Несмотря на эти аргументы, после реформы Уголовного кодекса 2003 г. или «доктрины Парота», в Испании появилась возможность применения ужесточения наказаний. В так называемом старом Уголовном кодексе 1973 г. предусматривался максимальный срок тюремного заключения от 20 до 30 лет, что в половине стран Европы эквивалентно пожизненному заключению³. В 1995 г. с принятием так называемого нового УК максимальный срок тюремного заключения был продлен до 30 лет.

После 2015 г., т.е. после реформа УК, был установлен максимальный предел отбывания наказания в виде лишения свободы независимо от срока наказания, назначенного заключенному. Этот предел был включен в ст. 76 УК, которая устанавливает, что максимальное эффективное отбывание наказания виновным не может превышать в три раза срок, на который назначается наиболее тяжкое из назначенных ему наказаний, но не более 20 лет.

В исключительных случаях максимальный срок может достигать:

а) 25 лет, если субъект осужден за два и более преступлений и одно из них наказывается лишением свободы на срок до 20 лет;

б) 30 лет, если субъект осужден за два или более преступлений и одно из них наказывается тюремным заключением на срок более 20 лет;

в) 40 лет, если субъект осужден за два или более преступлений и как минимум два из них наказываются тюремным заключением на срок более 20 лет.

В результате реформы УК Испании, проведенной законом от 30 марта 2015 г., ст. 76 была изменена путем введения в нее постоянного тюремного заключения, которое будет применяться в случаях исключительной тяжести. В ст. 33 УК Испании предусмотрено, что в зависимости от характера и продолжительности наказания подразделяются на тяжкие, менее тяжкие и легкие. В ч. 2 этой статьи указывается, что постоянное заключение даже при возможности пересмотра является серьез-

¹ УК Франции [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-pdf (дата обращения: 01.03.2020).

² Дикаева М.С. Назначение и исполнение пожизненного лишения свободы в России и зарубежных странах // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. №3 (38). С. 99-103.

³ Назарзода Р.Г. Практика применения пожизненного лишения свободы в зарубежных странах // Юридический вестник. 2020. №1 (1). С. 133-140.

ным наказанием. В ст.36 УК Испании в свою очередь говорится о том, что постоянное тюремное заключение пересматривается, в соответствии с положениями ст. 92 УК Испании и устанавливает условия доступа к отбыванию наказания третьей степени. В этой же статье излагается процесс пересмотра приговора по должности или по просьбе стороны¹.

Постоянный, подлежащий пересмотру тюремный срок – это особенно серьезное положение: оно может быть применено только при наказании за определенные конкретные преступления:

а) некоторые убийства при отягчающих обстоятельствах, предусмотренные ст. 140 УК (если жертва моложе 16 лет или является особо уязвимым человеком либо убийство совершено после совершения преступления против сексуальной свободы);

б) преступление, совершенное членами преступной организации;

в) многочисленные убийства;

г) преступления против Короны: убийство короля или королевы, принца или принцессы Астурийской (ст. 485.1 УК Испании);

д) террористические преступления, повлекшие смерть человека (ст. 573–1 УК Испании);

е) убийство главы иностранного государства или другого лица, пользующегося международной защитой международным договором и находящегося в Испании (ст. 605.1 УК Испании);

ж) преступления против права народов: геноцид и преступления против человечности (ст. 607 УК Испании).

Для этого заключенному необходимо получить индивидуализированный прогноз, благоприятный для его социальной реинтеграции, в котором будут учтены:

а) личность заключенного и его происхождение;

б) обстоятельства преступления и значимость законных активов;

в) поведение во время отбывания наказания;

г) семейные и социальные обстоятельства;

д) эффекты, которых можно ожидать от приостановки и введенных мер;

е) наличие общих и особых обстоятельств для доступа заключенного к третьей степени в открытом режиме.

Таким образом, постоянная тюрьма с возможностью пересмотра является серьезным наказанием, которое предполагает полное соблюдение приговора к тюремному заключению на первоначальный период времени, который может варьироваться от 25 до 35 лет. После отбытия этой части наказания приговор может быть пересмотрен. Первоначальная продолжительность зависит от того, было ли совершено одно или несколько преступлений, или являются ли они террористическими преступлениями. Приговор может быть пересмотрен после отбытия этой части наказания, и суд должен будет решить, следует ли его приостановить или оставить в силе. Однако максимальный предел срока наказания в виде лишения свободы не установлен.

Именно поэтому его можно спутать с наказанием в виде пожизненного заключения, которого нет в испанской правовой системе.

ПАС по законодательству Италии. ПАС является самым суровым приговором, предусмотренным в итальянской правовой системе, и это наказание было введено в 1890 г. Кодексом Занарделли как наказание за самые тяжкие преступления, которые ранее наказывались смертной казнью или принудительными работами. Пожизненным заключением осужденный лишается личной свободы на всю жизнь и приговаривается к «непрерывной изоляции с обязательством работать в течение первых 7 лет, с последующим допуском к работе вместе с другими осужденными, с обязательством молчания, на ночь же такой заключенный отделяется от других осужденных». Впоследствии, с принятием Кодекса Рокко, пожизненное заключение было реформировано и лишено тяжелого мучительного характера посредством: отмены постоянной сегрегации, смягчения наказания в конкретном учреждении, обязанности работать (даже на открытом воздухе после не менее трех лет лишения свободы) и ночная изоляция².

В Италии пожизненное заключение применяется к особо тяжким преступлениям, таким как убийства, мафиозные преступления, организованная преступность, а также в случаях, когда одно лицо обвиняется в нескольких преступлениях, за которые минимальный срок наказания составляет 24 года³.

Согласно ст. 22 Уголовного кодекса Италии, пожизненное

¹ Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444#a33> (дата обращения: 01.03.2020).

² Ergastolo quanti anni sono e come viene scontato [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.avvocatopennasilucasalvatore.it/ergastolo-quant-anni-sono-e-come-viene-scontato> (дата обращения: 01.03.2020).

³ Назарзода Р.Г. Опыт применения пожизненного лишения свободы в зарубежных странах // Академический юридический журнал. 2019. №3 (31). С. 23-26.

заклучение является бессрочным и отбывается в специальных учреждениях, предназначенных для этой цели, с обязательным трудом и ночной изоляцией. Осуждённый может быть допущен к работам на открытом воздухе. На практике пожизненное заключение полностью лишает осуждённого свободы на всю оставшуюся жизнь.

Бессрочный характер наказания всегда противоречил конституционному принципу перевоспитания преступника через его интеграцию в общество. Именно с этой перевоспитательной целью приговора Конституционный суд Италии приговором №274/73 предусматривал возможность осужденным к пожизненному заключению воспользоваться условной свободой, отсидев в тюрьме не менее 26 лет с поведением, гарантирующим покаяние и осознание своих ошибок.

Условное освобождение (статья 176 УПК Италии) определяется в судебной практике как «временный и окончательный испытательный срок», дает отсрочку отбывания оставшейся части наказания, которое еще предстоит отбыть. Следует подчеркнуть, что заключенный, как уже говорилось выше, во время исполнения приговора должен был вести себя так, чтобы его раскаяние было искренним. Доступ к этой мере также зависит от выполнения осужденным гражданских обязательств, обусловленных преступлением, за исключением случаев, когда субъект является лицам малообеспеченным.

Кроме того, осужденные к пожизненному заключению, которые ведут себя в тюрьме исправно и не представляют опасности для общества, имеют право:

а) на вознаграждение после отбытия не менее десяти лет лишения свободы предусматривается возможность освобождения из тюрьмы на срок не более 15 дней подряд для восстановления эмоциональных, культурных и трудовых интересов. Общий срок действия разрешений на освобождение не может превышать 45 дней в году.

б) полусвобода предоставляется только осужденным, приговоренным к пожизненному заключению, и подразумевает возможность проводить часть дня вне пенитенциарного учреждения для участия в трудовой, образовательной или социальной деятельности, способствующей реинтеграции в общество. Этот режим предоставляется после отбытия 20 лет лишения свободы.

в) запрос дополнительной информации по данной теме.

С годами эта форма освобождения была смягчена. Фактически, изначально доступ к вышеупомянутым льготам был возможен только в том случае, если осужденный продемонстрировал, что он сотрудничал с системой правосудия. Недавно Конституционный суд установил (приговор №253, от 2019 г.), что даже те, кто отбывает ПАС, смогут воспользоваться бонусными разрешениями даже без сотрудничества с правосудием. Законодательным декретом и Постановлением №162/2022 была предусмотрена возможность, даже без сотрудничества с правосудием, получать предусмотренные законом льготы при условии, что осужденный продемонстрирует выполнение гражданских обязательств и обязательств по финансовой компенсации, вытекающих из осуждения, и приведет доказательства, позволяющие исключить связи с организованной преступностью¹.

Таким образом, ПАС в европейских странах, представляет

собой институт, который в различных формах предоставляет доступ к льготам. Что касается УДО, то европейская панорама здесь весьма разнообразна, и Италия входит в число самых «трудных» стран, с точки зрения доступа такому освобождению. Лишь немногие страны официально отменили ПАС – это Норвегия, Хорватия, Сербия, Босния, Португалия и Ватикан. Что касается последнего, то Папа Франциск заменил его в 2013 г. тюремным заключением на срок до 35 лет, в соответствии с постановлением ЕСПЧ от 9 июля 2013 г. В Италии, как теперь известно, есть ПАС сохраняется, и дебаты несмотря на приговоры ЕСПЧ и недавние конституционные приговоры все еще очень сильны. Если говорить об «обычном» ПАС в Италии, которое предусмотрено за преступления против государства, общественной безопасности и жизни, а также за все те преступления, за которые до Законодательного декрета от 08.10.44, №224 была установлена смертная казнь, то здесь складывается следующая ситуация: Итальянская система позволяет заключенному в случае хорошего поведения просить об УДО после 26 лет.

В других странах минимальный срок отбывания наказания, прежде чем заключенный сможет воспользоваться УДО, варьируется: минимум составляет от 12 лет (например, Дания и Финляндия) и до 15 лет (например, Австрия, Бельгия, Германия, Швейцария). В Таджикистане таких права у заключенных отсутствует. В Великобритании срок тюремного заключения определяется во время вынесения приговора судебным органом; закон не предусматривает абсолютного минимального срока в этом отношении. В таких странах, как Болгария, Литва, Мальта, Нидер-

¹ Ergastolo: significato e quanto dura [Электронный ресурс].
Режим доступа:

<https://avvocatomattiafontana.com/ergastolo> (дата обращения: 01.03.2020).

ланды, а также Венгрия, Словацкая Республика и Турция (в отношении некоторых преступлений), нет системы УДО для заключенных, приговоренных к ПЛС, в свою очередь австрийское законодательство допускает ПЛС, но при этом фактически через 15 лет, если будет установлено, что риска рецидива больше нет, осужденный может попросить милости и может быть даже освобожден. То же самое прослеживается в судебных системах Дании (после не менее 12 лет отбывание наказания), Финляндии (11 лет), Германии и Великобритании (обе по 15 лет). Бельгия фактически приравнивает пожизненное заключение к 30 годам тюремного заключения с возможностью освобождения после одной трети ожидаемого срока наказания, если у заключенного до совершения преступления не было судимостей, и после двух третей, если он является рецидивистом. Французское законодательство предусматривает то же самое, но с минимальными пределами в 18 лет и 22 года соответственно, при этом досрочное освобождение может быть применено только по серьезным показаниям для здоровья.

Анализ УК и других законов европейских государств показывают, что в некоторых из них, которые до сих пор пожизненное наказание без права досрочного освобождения существует.

Практика применения пожизненного лишения свободы в государствах-участниках СНГ.

В глобализованном мире крайне важно, чтобы ученые-юристы хорошо знали не только свои собственные правовые системы, но и были осведомлены о

правовых реалиях других стран. С одной стороны, это может способствовать лучшему пониманию собственных правовых проблем, а с другой ориентировать на изучение и заимствование при необходимости богатого опыта решения многих правовых проблем в других странах. Поэтому юридическое, догматическое и философское исследование других правовых систем сегодня представляется весьма актуальным и важным.

Время, когда уголовное право рассматривалось исключительно как национальное образование, уже осталось позади. В.А. Туляков пишет, что «... с развитием процессов глобализации возникают наднациональные уголовное право и уголовно-процессуальные отношения, которые распространяются на преступления против мира и безопасности человечества, транснациональную организованную преступность в формах незаконного обращения человеческих ресурсов, капиталов, оружия и наркотиков, предметов культурного наследия, в конце концов, на системную компьютерную преступность. Это требует применения других, чем юридический догматический, методов уголовно-правовых исследований. Сравнительно-правовой (сравнительный, компаративный) метод в науке уголовного права используется для определения содержания и сущности уголовно-правовых норм и институтов, характеристик криминальной политики государства или межгосударственных группировок, законодательство которых исследуется с целью выявления общих сущностных черт и

характеристик догмы права и закономерностей ее развития для дальнейшего определения возможных направлений усовершенствования уголовного законодательства и практики его применения¹. В свою очередь методология сравнительно-правовых исследований основывается на констатации того, что социальные конструкты уголовной ответственности и наказания, уголовного правонарушения и т.п. понимаются не столько как языковые и культурологические явления, сколько как существующие объективной реальности, выполняющие в обществе элементы в определенные функции² по защите личности, общества, страны, мирового правопорядка.

В нашей работе предметом сравнительного анализа уголовного права государств-участников СНГ является ПЛС. При этом следует отметить, что законодательная и государственная системы этих государств, в которых действует орган Межпарламентской Ассамблеи, базируется на ее модельных рекомендательных законах.

Сравнительное правоведение, в отличие от изучения зарубежного права, как такого, как известно, предполагает анализ двух или более правовых систем (соответствующих законодательств) путем сопоставления их отдельных аспектов с целью выяснения общих и (или) отличительных черт. Именно такой подход позволяет выявить и учесть чужие ошибки и достижения при решении вопроса о преступности и наказуемости тех или иных деяний³.

Нормы о ПЛС предусмотрены в законодательствах абсо-

¹ Туляков В.А. Сравнительный метод в науке уголовного права [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dspace.onua.edu.ua/bitstream/handle/11300/4141/Tulyakov_V_A_Porivnyal6nui%20metod%20y%20nacy%20kruminal6nogo%20prava.pdf?sequence=1&isAlloved=y (дата обращения: 01.03.2020).

² Ingthorsson R.D. The Natural vs. The Human Sciences: Myth, Methodology and Ontology // *Discusiones Filosoficas*. 2013. №22. January-June.

³ Савченко А.В. Уголовное законодательство и федеральное уголовное законодательство Соединенных Штатов Америки: комплексное сравнительно-правовое исследование: монография. К.: КНТ, 2007. С. 4.

лютно всех государств-участников СНГ. Однако научный интерес вызывает регламентация этого наказания в УК этих государств. Их законодательства, как пишет О.П. Горох, Н.А. Кудратов¹, имеет много общих черт. Это обусловлено не только общностью доктрины и законодательных традиций, выработанных ими во время их вхождения в СССР². На формирование национального законодательства каждой из этих стран оказал Модельный Уголовный кодекс, разработанный для государств-участников СНГ (далее – МУК СНГ).

В МУК СНГ как рекомендательном акте ПАС как виде наказания говорится в ст. 59 «ПАС, согласно этой статье, может быть назначено только за особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах. Кроме того, этой же статье указано место, где отбываются наказание ПАС, это исправительный колония специального режима или тюрьма. В ст. 59 МУК СНГ указано, что ПАС не может быть назначено женщинам, а также лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам в возрасте старше шестидесяти пяти лет»³.

На основе указанной статьи, государства-участники СНГ установили ПАС как вид наказания в своих УК, но с некоторыми изменениями и дополнениями, которые мы рассмотрим ниже.

ПАС по законодательству Армении. Пожизненное заключение в этой стране является обязательным наказанием и было введено в новый УК Армении в 2003 г. Согласно ст. 60 УК Армении, наказание «ПАС заключается в бессрочной изоляции осужденного от общества в виде содержания в неволе в исправительном учреждении, которое в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, может быть назначено за особо тяжкие преступления». Общее число приговоренных к пожизненному заключению в 2011 году составило 99 чел.⁴, а в 2022 г. 86⁵ человек. Год за годом количество заключенных, отбывающих ПАС в Армении снижается, и это хороший знак.

Согласно УК Армении, возможность УДО существует, только после отбытия не менее 20 лет наказания. Данное наказание запрещено лицам, не достигшим 18 лет на момент совершения преступления, а также беременным женщинам и психически больным.

На сегодняшний день самый длительный срок, отбываемый

пожизненно, составляет 22 года. Единственными исключениями из наказания в виде пожизненного заключения являются «лица, не достигшие 18 лет на момент совершения преступления, а также женщины, беременные на момент совершения преступления или вынесения приговора». Кроме того, ч. 6 ст. 67 УК Армении запрещает дополнительное наказание, вместо этого новое преступление, совершенное пожизненным заключенным, поглощается пожизненным заключением. Самое главное, что ч. 5 ст. 76 УК Армении предусматривает возможность УДО: «Лицо, отбывающее наказание в виде ПАС, может быть освобождено условно-досрочно, если суд сочтет, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании наказания и фактически отбыло не менее двадцати лет лишения свободы»⁶. Условия содержания пожизненно заключенных в Армении проблематичны. Заключенные содержатся в состоянии постоянной полуизоляции, в компании только их сокамерника 24 часа в сутки, 7 дней в неделю⁷.

ПАС по законодательству Азербайджана. Это наказание было введено в УК Азербайджана в качестве замены смертной казни в 1998 г. ПАС опреде-

¹ Кудратов Н.А. Уголовная ответственность за преступления, связанные с банкротством: проблемы теории, практики и законодательства (по материалам Республики Таджикистан): дис. ... канд. юрид. наук. – М: 2012. – 216 с.

² Горох О.П. Освобождение от наказания по уголовному законодательству государств-участников СНГ // Научные записки НаУКМА. Том 129. Юридические науки. 2012. С. 130-134.

³ Модельный Уголовный Кодекс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cisatc.org/1289/9115/135/9126/9129/241> (дата обращения: 01.03.2020).

⁴ CISST – Addressing Prisoners with Special Needs: Life Imprisonment by Florian Lüdtke & İdil Aydınoglu Edited by Eva Tanz [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cisst.org.tr/wp-content/uploads/2019/08/Addressing-Prisoners-with-Special-Needs-Life-Imprisonment.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).

⁵ Учиться никогда не поздно. История армянского пожизненно заключенного [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://am.sputniknews.ru/20220430/pervym-delom-obnimu-mat-o-chem-mechtaet-pozhiznenno-zaklyuchenny-v-nadezhde-na-osvobozhdenie-40696149.html> (дата обращения: 01.03.2024).

⁶ Уголовный Кодекс Республика Армения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#9> (дата обращения: 01.03.2020).

⁷ CISST – Addressing Prisoners with Special Needs: Life Imprisonment by Florian Lüdtke & İdil Aydınoglu Edited by Eva Tanz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cisst.org.tr/wp-content/uploads/2019/08/Addressing-Prisoners-with-Special-Needs-Life-Imprisonment.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).

ляется в Азербайджане как минимальный срок лишения свободы в 25 лет. Только после отбытия минимального срока заключенный может подать заявление об освобождении. Согласно ст. 57 (2) УК Азербайджана, к пожизненному лишению свободы не могут приговариваться женщины, мужчины в возрасте до 18 лет на момент совершения преступления или старше 65 лет на момент вынесения приговора, а также психически больные лица. УДО возможно после 25 лет. В настоящее время в Азербайджане отбывают пожизненное заключение 273 заключенных¹.

Неопределенная продолжительность пожизненного заключения и его чрезмерно карательный характер в Азербайджане вызывают ряд юридических и практических проблем. Пожизненно осужденные «содержатся в камерах в среднем 23 часа в сутки. Внекамеры активность такого заключенного практически исключена, внутри же нее она минимальна. Заключенный лишен доступа к образованию, к какой-либо работе, любым реабилитационным программам. Большинство пожизненных имеют право лишь на небольшое количество посещений семьи в год, часто на очень ограничительных условиях. Кроме того, осужденные к пожизненному заключению отделены от других заключенных, т.е. здесь действует очень строгий режим².

ПАС по законодательству Белоруссии. Белоруссия осталась единственной страной на постсоветском и европейском пространстве, где сохранилась смертная казнь. Этот вид наказания в республике осуждают ЕС,

ОБСЕ и ряд международных организаций. Например, в октябре 2021 г. представитель ЕС в Беларуси Дирк Шубель призвал Беларусь «двигаться в сторону отмены смертной казни». Согласно Конституции Белоруссии, эту казнь применяют как исключительную меру наказания за особо тяжкие преступления. К таким относятся преступления против государства или отдельных лиц, а также преступления сексуального характера. Казнят людей в режиме секретности. Родственники смертников не знают ни даты смерти, ни места захоронения своих близких. Смертная казнь исполняется через расстрел. Точное количество осужденных белорусские власти не разглашают, в основном о приговорах узнают от родственников осужденных.

В УК Белоруссии ПАС предусмотрено в ст. 58. «ч. 1 ст. 58 УК РБ как альтернативу смертной казни, в качестве исключительной меры наказания допускает применение ПАС за преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 124, ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 289, ч. 2 ст. 356 и ч. 2 ст. 359 УК, либо за преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах»³.

В ст. 58 УК РБ указана «категория лиц, в отношении которых не применяется ПАС. Это женщины, лица, совершившие преступление в возрасте до 18 лет, мужчины, достигшие в момент совершения преступления 65-летнего возраста». В этом плане УК РБ на 100% совпадает с МУК СНГ.

В ч. 4 ст. 58 УК РБ закреплена поощрительная норма, со-

гласно которой «по отбытии двадцати лет лицом, осужденным к пожизненному лишению свободы, либо лицом, которому смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы, суд, учитывая поведение осужденного, состояние его здоровья или возраст, может заменить дальнейшее отбывание пожизненного лишения свободы лишением свободы на определенный срок, но не свыше 5 лет»⁴. По отношению к УК Белоруссии практика Таджикистана о применении ПАС является более гуманной.

ПАС по законодательству Казахстана. Казахстан ратифицировал Второй Факультативный протокол к МПГПП, а в декабре 2021 г. одобрил и подписал законопроект, согласно которому все преступления, предусматривающие смертную казнь в УК страны, были заменены пожизненным заключением. Хотя в Казахстане с 2003 г. действует мораторий на смертную казнь, она все же сохранялась и назначалась за преступления, связанные с терроризмом. С 2003 было вынесено шесть смертных приговоров, а последний смертный приговор был вынесен в 2016 г.

Верхняя палата парламента Казахстана 23 декабря 2021 г. приняла закон, исключивший из УК Казахстана смертную казнь в качестве наказания. Как сообщается в одном из информационных сообщений, «принимая этот закон, Казахстан присоединяется к группе стран, где смертная казнь законодательно запрещена. Кроме того, Казахстана доказывает, что поддерживает международное движение, направленное на полную отмену

¹ Обнародовано число пожизненно осужденных в Азербайджане [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.oxu.az/society/473511> (дата обращения: 01.03.2020).

² CISST – Addressing Prisoners with Special Needs: Life Imprisonment by Florian Lüdtke & İdil Aydınoglu Edited by Eva Tanz [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://cisst.org.tr/wp-content/uploads/2019/08/Addressing-Prisoners-with-Special-Needs-Life-Imprisonment.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://уголовный-кодекс.бел> (дата обращения: 01.03.2020).

⁴ Там же.

смертной казни». 17 ст. УК Казахстана больше не будут предусматривать наказание в виде смертной казни¹. Уже приговоренным к смертной казни это наказание было заменено на ПАС². С момента провозглашения независимости Казахстана в 1991 году было исполнено 536 смертных приговоров. Однако с 2003 года в стране введён мораторий на смертную казнь, который позволяет её исполнение лишь в исключительных ситуациях. Но суды продолжали выносить смертные приговоры за особо тяжкие преступления³.

Женщин и несовершеннолетних, отбывающих пожизненное заключение, в Казахстане нет, а максимальный возраст, до которого мужчину можно приговорить к ПАС, составляет 65 лет.

ПАС по законодательству Кыргызстана. Согласно ст. 68 УК Кыргызстан ПАС является уголовным наказанием. В статье 68 отмечается, что «ПАС заключается в принудительной изоляции осужденного от общества путем направления его в исправительную колонию особого режима и устанавливается за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 122, ч. 3-4 ст. 154, ч. 3-4 ст. 155, ч. 3 ст. 156, ч. 3 ст. 252, ст.ст. 402, 403, 405, ч. 3 ст. 410 УК Кыргызстана, в случае если суд не находит возможным

применить лишение свободы на определенный срок»⁴.

В ст. 68 УК указывается также категория лиц, в отношении которых не применяется ПАС, ими являются женщины, лица, совершившие преступление в возрасте до 18 лет, мужчины, достигшие в момент совершения преступления 60-летнего возраста. ПАС в порядке помилования может быть заменено лишением свободы сроком на 20 (двадцать) лет. По открытым источникам до 2022 год в Кыргызстане 349 человек отбывают пожизненное заключение⁵.

В УК Кыргызстана в отличие от других УК государств-участников СНГ ПАС применяется для совершения 9 самостоятельных составов преступления.

ПАС по законодательству Узбекистана. Конституция Узбекистана, как и других стран СНГ, предусматривает право на жизнь и свободу как неотъемлемое право каждого человека, и охраняется оно государством. Наказание в виде ПАС, по УК Узбекистана является чрезвычайной мерой наказания, введенной в связи с отменой смертной казни, и предусматривающей отделение заключенного от общества на неопределенный срок. На момент обретения республикой независимости и уголовный закон содержал более 30 статей, предусматривающих смертную

казнь. Количество таких статей в 1994 г. составляла 13, в 1998 г. оно было сокращено до 8, а в 2001 г. – до 4. В настоящее время, после реализации комплексных мер по либерализации уголовного законодательства в 2003 году, только два вида преступлений наказываются смертной казнью – за совершение умышленного убийства и терроризма⁶.

В УК РУз ПАС предусмотрено только в случаях, отягчающих ответственность, таких как умышленное убийство (ч. 2 ст. 97 УК) и терроризм, повлекший смерть или другие тяжкие последствия (ч. 3 ст. 155 УК)⁷.

Согласно УК, ПАС и длительный срок лишения свободы не могут быть назначены женщинам, несовершеннолетним (лицам, не достигшим 18-летнего возраста), и мужчинам старше 60 лет. При этом правило, исключающее назначение такого наказания мужчинам старше шестидесяти лет, применяется судом первой инстанции в зависимости от возраста виновного на момент вынесения приговора. Если подана апелляционная жалоба или протест, это правило действует до дня рассмотрения дела в апелляционной инстанции⁸.

При решении вопроса о ПАС внимание обращается на, то, что данное наказание явля-

¹ Татиков Р.У. Проблемы пожизненного лишения свободы по законодательству Республики Казахстан // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15. №2. С. 197-205.

² В Казахстане отменили смертную казнь. Беларусь теперь единственная постсоветская страна, где казнят людей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zaborona.com/u-kazahstani-skasuvaly-smertnu-karu-bilorus-teper-yedyna-postradyanska-krayina-de-strachuyut-lyudej> (дата обращения: 01.03.2020).

³ Там же.

⁴ Проблемы в Уголовно-исполнительной системе Кыргызской Республики в исполнении наказаний в виде пожизненного лишения свободы / А.С. Колопов, М.Ш. Мукашев, А.Э. Турганбаев [и др.] // Modern Science. 2021. №2-1. С. 145-151; Уголовный Кодекс Республики Кыргызстана [Электронный ресурс]. Режим

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id (дата обращения: 01.03.2020).

⁵ 349 serving life sentence in Kyrgyzstan [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://akipress.com/news:683774:349_serving_life_sentence_in_Kyrgyzstan (дата обращения: 01.03.2020).

⁶ Razzokov X.M. O'lim jazosi // Новости образования: исследование в XXI веке. 2023. №9. С. 1378-1379.

⁷ Уголовный Кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/111457> (дата обращения: 01.03.2024).

⁸ Постановление пленума Верховного суда Республики Узбекистан «О некоторых вопросах применения наказания в виде пожизненного лишения свободы» от 14.11.2007 г., №15 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lex.uz/acts/-1593076> (дата обращения: 01.03.2020).

ется доказательством совершения виновным в деле бесчеловечного поведения, а также того, что лицо, совершившее преступление, представляет абсолютную опасность для общества. При этом должен учитывать, что ПАС может быть назначено при наличии особых обстоятельств, исключающих возможность назначения другого наказания. Поэтому при назначении наказания в виде ПАС суд должен указать причины принятия такого решения в описательной части приговора.

Анализ УК Узбекистана показывает, что применение ПАС как вида наказания полностью совпадает с нормами МУК СНГ о ПАС, за исключением не назначения этого вида наказания мужчинам старше 60 лет (по МУК СНГ 65).

ПАС по законодательству Туркменистана. Туркменистан законодательно отменил смертную казнь в 1999 г. В УК Туркменистана ПАС как наказание не предусмотрено¹.

ПАС по законодательству Молдовы. В УК Молдовы ПАС называется пожизненным заключением (ст. 71 УК), которое лишает осужденного свободы на весь остаток его жизни. Данный вид наказания назначается только за чрезвычайно тяжкие преступления. Пожизненное заключение не может быть применено к женщинам и несовершеннолетним². В 2023 г. в тюрьме №17 (Резина) Молдавии отбы-

вали наказание 129 человек, приговоренных к ПАС³. В последние годы число приговоренных к ПАС сокращается. Например, по данным Национальной пенитенциарной администрации, в 2012 г. к ПАС в тюрьме находились 104 человека, то есть за последние 11 лет 25 человек были приговорены к пожизненному заключению, примерно 2-3 человека в год. Самому молодому заключенному, приговоренному к ПАС, 21 год, а самому старшему – 73 года. Большинство осужденных к пожизненному заключению имеют среднее или неполное среднее образование; 6 высшее образование, один не имел образования вообще⁴.

Согласно УК Молдавы, пожизненно приговаривают только мужчин, это наказание не может применяться к женщинам и несовершеннолетним.

В УК РМ предусмотрена поощрительная норма для пожизненно заключенных. Они могут быть освобождены, если фактически отбыли не менее 30 лет лишения свободы без учета льготной компенсации трудовой, а также выполнили индивидуальную программу исполнения наказания, полностью возместили ущерб, причиненный преступлением, за которое были осуждены, если только он не докажет, что не имел возможности их исполнить, и если окажется, что исправление его возможно без полного исполнения приговора. Однако, как пишут эксперты⁵, до сегодняшнего дня ни

один из заключенных смог воспользоваться этой поощрительной нормой. С момента провозглашения независимости Республики Молдова ни один заключенный, приговоренный к пожизненному заключению, не был освобожден.

ПАС по законодательству России. УК РФ в ст. 57 предусматривает наказание в виде ПАС, согласно этой статье «ПАС устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, половой неприкосновенности несовершеннолетних. Пожизненное лишение свободы не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом

¹ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года, №222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.09.2023 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 01.03.2024).

² Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года, №985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.07.2023 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 01.03.2024).

³ Сколько человек в Молдове отбывают пожизненный срок в тюрьме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esp.md/ru/sobytiya/2023/02/06/skolko-chelovek-v-moldove-otbyvayut-pozhiznennyi-srok-v-tyurme> (дата обращения: 27.10.2023).

⁴ Condamnați la viață după grații. Câți ani are cel mai tânăr deținut din Moldova, care riscă să nu mai iasă la libertate? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newsmaker.md/ro/condamnati-la-viata-dupa-gratii-cati-ani-are-cel-mai-tanar-detinut-din-moldova-care-risca-sa-nu-mai-iasa-la-libertate> (дата обращения: 27.10.2023).

⁵ См.: там же.

приговора шестидесятипятилетнего возраста»¹. В доктрине уголовного права РФ ПАС изучена на достаточном уровне².

В отличие от других УК стран СНГ в ст. 57 УК РФ прямо указано, что за какие преступления применяется ПАС. Такая практика необходим и для УК Таджикистана.

В российской уголовно-исполнительной системе ПАС, как правило, отбывается в специальных учреждениях, известных как «исправительные колонии особого режима». Эти учреждения предназначены для строгого контроля за заключенными и обеспечения высокого уровня безопасности. Заключенные, отбывающие ПАС, часто содержатся в изоляции или небольшими группами, чтобы исключить возможность побега или агрессивного поведения. Условия содержания в таких колониях строгие: ограничение контактов с внешним миром, ограничение передвижения и постоянное наблюдение.

Одним из важнейших аспектов ПАС в РФ является строгий режим, в котором живут заключенные. Распорядок дня строго регламентирован: определено время пробуждения, приема

пищи, работы и отдыха. Заключенные имеют ограниченный доступ к развлекательным мероприятиям и, как правило, большую часть дня находятся в своих камерах. Цель – поддерживать дисциплину и порядок в тюрьме, а также удерживать заключенных от деструктивного или насильственного поведения. Несмотря на суровые условия, российская уголовно-исполнительная система предусматривает определенные права и привилегии для пожизненно заключенных. Заключенные имеют право на свидания с членами семьи, хотя эти свидания часто проводятся под строгим надзором и с ограниченной периодичностью. Им также разрешено отправлять и получать письма, а в некоторых случаях и звонить по телефону. Кроме того, заключенные могут получить медицинскую помощь, и предпринимаются усилия для удовлетворения их потребностей в физическом и психическом здоровье³.

Усилия по реабилитации и реинтеграции пожизненно заключенных минимальны, учитывая характер их приговоров. Однако существуют некоторые образовательные и профессио-

нальные программы, позволяющие заключенным получить базовые навыки и знания. Эти программы не столь обширны, как те, что предлагаются заключенным с более короткими сроками заключения, что отражает ограниченные перспективы реинтеграции в общество. Тем не менее, они направлены на то, чтобы занять заключенных и снизить вероятность насильственного поведения в тюрьме. Законодательство также допускает возможность УДО для пожизненно заключенных при определенных условиях. Отсидев минимум 25 лет, заключенные могут подать прошение об УДО, хотя оно предоставляется редко. Решение об УДО принимается с учетом различных факторов, включая поведение заключенного, характер преступления и потенциальный риск для общества. Процесс УДО является жестким и включает в себя тщательную оценку со стороны тюремной администрации и судебных органов.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/74d65340228d64cd6c19a51708f37d4294824ebb (дата обращения: 20.07.2024).

² Антонов О.А. Правовое регулирование назначения и исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на Дону, 1998. – 165 с.; Бочкарева Ю.В. Проблемы совершенствования системы наказаний в уголовном законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 222 с.; Детков А.П. Пожизненное лишение свободы: уголовно-правовые и уголовно-исправительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1996. 181 с.; Желоков Н.В. Пожизненное лишение свободы в системе наказаний УК РФ и его назначение: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. 197 с.; Захаринина О.В. Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 208 с.; Кирюхина Е.А. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты применения наказания в виде пожизненного лишения

свободы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 174 с.; Ковалова С.И. Система наказаний в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на Дону, 1999. 241 с.; Мазурина Ю.Е. Уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы и его объект: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2010. 207 с.; Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 70 с.; Сакаев А.И. Система наказаний по уголовному праву России: История и современность: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999. 297 с.; Стромов В.Ю. Система уголовных наказаний: реализация и эффективность: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2009. 240 с.

³ Желоков Н.В. Пожизненное лишение свободы в системе наказаний УК РФ и его назначение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 197 с.; Захаринина О.В. Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 208 с.; Кирюхина Е.А. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты применения наказания в виде пожизненного лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 174 с.

Введение ПАС в РФ стало предметом споров и дискуссий¹. Сторонники утверждают, что оно является необходимой альтернативой смертной казни и гарантирует, что опасные преступники будут навсегда удалены из общества. Критики, однако, указывают на суровые условия содержания и ограниченные перспективы реабилитации, ставя под сомнение гуманитарные и этические последствия столь суровой формы наказания.

ПАС как суровая форма наказания применяется в различных странах СНГ для борьбы с особо вопиющими преступлениями. Применение ПАС в этих странах отражает сложное взаимодействие правовых, социальных и политических факторов, которые формируют их системы уголовного правосудия. В странах СНГ назначение ПАС обычно преследует несколько целей: обеспечение общественной безопасности, возмездие за самые тяжкие преступления и, в некоторых юрисдикциях, предоставление возможности для потенциальной реабилитации и возможного освобождения при определенных условиях. Тяжесть ПАС подчеркивается его применением за преступления, считающиеся исключительно тяжкими, такие как множественные убийства, терроризм и другие насильственные преступления, которые представляют значительную угрозу для общества.

Однако правовые рамки и практика, связанные с пожизненным заключением в странах СНГ, значительно различаются. Некоторые страны, такие как Россия и Украина, установили четкие критерии и процедуры для применения и пересмотра пожизненных приговоров, включая возможности условно-досрочного освобождения при строгих условиях. Другие, такие как Казахстан и Таджикистан, сохраняют пожизненное заключение с ограничением или отсутствующим положением о досрочном освобождении, что отражает более карательный подход.

Применение пожизненного заключения также поднимает существенные вопросы прав человека и этики. Опасения по поводу обращения с заключенными, отбывающими пожизненное заключение, условий их содержания и возможности реабилитации и возможной реинтеграции в общество являются критическими вопросами. Соответствие национальной практики международным стандартам в области прав человека, таким как те, которые изложены в Правилах Нельсона Манделы ООН, остается фокусом для текущих реформ.

В целом, хотя пожизненное заключение является важнейшим компонентом систем уголовного правосудия в странах СНГ, растет признание необхо-

димости баланса между общественной безопасностью и гуманным обращением и возможностями реабилитации. Поскольку эти страны продолжают развиваться в своем подходе к уголовному правосудию, постоянный диалог и усилия по реформированию будут иметь важное значение для обеспечения того, чтобы пожизненное заключение оставалось справедливой и эффективной мерой в достижении справедливости и прав человека.

Таким образом:

1. Подытоживая анализа практики применения пожизненного лишения свободы в европейских странах, отметим следующие основные моменты:

1.1. В странах Европейского Союза нет пожизненного заключения без возможности пересмотра. Вместо этого существует пожизненное заключение с возможностью пересмотра, чтобы рассмотреть возможность сокращения срока. В Дании пересмотр возможен после 12 лет заключения, в Греции – после 20 лет, а во Франции, Германии, Швейцарии и Австрии – через 15 лет. Страны с наибольшим сроком, прежде чем возможен пересмотр, включают Великобританию, где этот срок составляет 25 лет, и Италию, где он равен 26 годам. В этих странах закон позволяет досрочное осво-

¹ Антонов О.А. Правовое регулирование назначения и исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на Дону, 1998. 165 с.; Бочкарева Ю.В. Проблемы совершенствования системы наказаний в уголовном законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 222 с.; Детков А.П. Пожизненное лишение свободы: уголовно-правовые и уголовно-исполнительские аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1996. 181 с.; Желоков Н.В. Пожизненное лишение свободы в системе наказаний УК РФ и его назначение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 197 с.; Захаринина О.В. Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 208 с.; Кирюхина Е.А. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительские аспекты

применения наказания в виде пожизненного лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 174 с.; Ковалова С.И. Система наказаний в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на Дону, 1999. 241 с.; Мазурина Ю.Е. Уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы и его объект: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. – 207 с.; Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 70 с.; Сакаев А.И. Система наказаний по уголовному праву России: История и современность: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999. 297 с.; Стромов В.Ю. Система уголовных наказаний: реализация и эффективность: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2009. 240 с.

бождение при условии раскаяния или сотрудничества с правоохранительными органами;

1.2. в европейских странах существуют разные стандарты применения пожизненного заключения. В большинстве из них применяются международные стандарты. Например, в УК Германии лица в возрасте до 14 лет никогда не привлекаются к ответственности, лица в возрасте от 14 до 18 лет могут получить максимальное наказание в виде 10 лет тюремного заключения (с возможностью УДО), а лица в возрасте от 18 до 21 года могут получить максимальное наказание в виде 15 лет лишения свободы. Лицо в возрасте от 18 до 21 года может предстать перед судом по делам несовершеннолетних (Jugendgericht) или судом для взрослых, что определяется интеллектуальным развитием обвиняемого и тяжестью самого преступления. Напротив, согласно УК Франции, пожизненное заключение за преступления, совершенные лицами в возрасте до 16 лет, не применяется. В Австрии пожизненное заключение запрещено лицам, не достигшим 21 года на момент совершения преступления.

1.3. анализ УК и других законов европейских стран показывает, что в некоторых из них до сих пор сохраняется пожизненное заключение без права досрочного освобождения. Англия и Уэльс, Болгария, Венгрия, Франция, Словакия, Швейцария и Турция являются странами, которые предусматривают условно-досрочное освобождение, но тем не менее не отменили ПАС полностью;

1.4. Исландия, Литва, Мальта и Нидерланды вообще не предусматривают УДО для пожизненно заключенных. Между тем как некоторые европейские государства полностью отменили такое наказание. Это Андорра, Босния и Герцеговина, Хорватия, Черногория, Норвегия, Португалия, Сан-Марино, Сербия и Испания. При этом отмена ПАС вовсе не устранила возможность очень длительных периодов тюремного заключения.

2. Подытоживая вопроса практика применения ПАС в УК государств-участников СНГ отметим следующие основные моменты:

2.1. в целом, хотя ПАС является важнейшим компонентом систем уголовного правосудия в странах СНГ, растет признание необходимости баланса между общественной безопасностью и гуманным обращением и возможностями реабилитации. Поскольку эти страны продолжают развиваться в своем подходе к уголовному правосудию, постоянный диалог и усилия по реформированию будут иметь важное значение для обеспечения того, чтобы пожизненное заключение оставалось справедливой и эффективной мерой в достижении справедливости и прав человека.

2.2. государства-члены СНГ практически отменили смертную казнь. Кыргызстан и Узбекистан законодательно отменили смертную казнь в 2007 и 2008 гг. соответственно. В Казахстане и Таджикистане официальные моратории действуют с января 2004 г. (в Казахстане) и

июля 2004 г. (в Таджикистане). В период с 2000 по 2010 г. все названные страны, отменившие смертную казнь, ратифицировали Второй Факультативный протокол к МПГПП (направленный на отмену смертной казни). Туркменистан – единственная страна, где на законодательном уровне не предусмотрено ПАС как вид наказания;

2.3. мораторий на смертную казнь в Казахстане был введен указом президента в декабре 2003 г. Это означает, что (теоретически) преступников все же может быть приговорен к смертной казни. В настоящее время ни в одной из стран никто не находится в камере смертников, поскольку все смертные приговоры были заменены после моратория. Смертная казнь пока не исключена из законодательств и конституций Казахстана и Таджикистана, что повышает риск ее возобновления;

2.4. возраст, с которого не применяется ПАС в государствах-участников СНГ разнообразны. Например, в УК Узбекистана, Кыргызстана 60 лет, в УК Таджикистана 63 лет, в УК Азербайджана, Казахстана и Белорусии 65 лет, в УК Армении и Молдовы такое положение отсутствует. Минимальный возраст назначения ПАС во всех государствах СНГ начинается с 18 лет;

2.5. в отличие от других УК стран СНГ в ст. 57 УК РФ прямо указано, что за какие преступления применяется ПАС. Такая практика необходим и для УК Таджикистана и других стран СНГ.

Библиографический список

1. Ergastolo quanti anni sono e come viene scontato [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.avvocatopennisilucasalvatore.it/ergastolo-quanti-anni-sono-e-come-viene-scontato> (дата обращения: 01.03.2020).
2. Ergastolo: significato e quanto dura [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://avvocatomattiafontana.com/ergastolo> (дата обращения: 01.03.2020).
3. German Federal Constitutional Court, (21 June 1977) 45 B. Verfge 187 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrcr.org/safrica/dignity/45bverfge187.html> (дата обращения: 01.03.2020).
4. German Penal Code art 38 (Germany, 2013) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html (дата обращения: 01.03.2020).
5. Ingthorsson R.D. The Natural vs. The Human Sciences: Myth, Methodology and Ontology // *Discusiones Filosoficas*. – 2013. – №22. – P.33-38.
6. Lebenslange Freiheitsstrafe Wie lange ist lebenslänglich in Deutschland? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.juraforum.de/lexikon/lebenslange-freiheitsstrafe> (дата обращения: 01.10.2023).
7. Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444#a33> (дата обращения: 01.03.2020).
8. Recourt J. Motie van het Lid. Ministry of security and justice (Nov. 26, 2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/dossier /34251/kst-34300-VI-39.html> (дата обращения: 01.03.2020).
9. Recourt J. Motie van het Lid. Ministry of security and justice (Nov. 26, 2015) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/dossier/34251/ kst-34300- VI-39.html> (дата обращения: 01.03.2020).
10. State Secretary Security and Justice, Gratieprocedure en tenuitvoerlegging levenslange gevangenisstraf, MINISTRY OF SECURITY AND JUSTICE 3 (Oct. 16, 2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nijksoverheid.nl/documenten/kamerstukken /2009/10/16/5614834-gratieprocedure-en tenuitvoerlegging-levenslange-gevangenisstraf> (дата обращения: 01.03.2020).
11. Альханов Н.М., Абдулхожаев И.Ш. Лишение свободы как вид уголовного наказания в уголовном праве зарубежных стран: теоретические аспекты // *Закон и право*. – 2021. – №12. – С. 118-120.
12. Балаева А.М. Пожизненное лишение свободы как вид наказания в зарубежном уголовном праве // *Вестник науки*. 2019. Т. 4. №4 (13). – С. 63-65.
13. В Казахстане отменили смертную казнь. Беларусь теперь единственная постсоветская страна, где казнят людей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zaborona.com/u-kazahstani-skasuvaly-smertnu-karu-bilorus-teper-yedyna-postradyanska-krayina-de-strachuyut-lyudej> (дата обращения: 01.03.2020).
14. Горюх О.П. Освобождение от наказания по уголовному законодательству государств-участников СНГ // *Научные записки НАУКМА. Том 129. – Юридические науки*. – 2012. – С. 130-134.
15. Грачев Д.М. Пожизненное лишение свободы как вид наказания в зарубежном уголовном праве // *Вестник науки*. – 2018. – Т. 5. – №9 (9). – С. 52-55.
16. Дикаева М.С. Назначение и исполнение пожизненного лишения свободы в России и зарубежных странах // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. – 2015. – №3 (38). – С. 99-103.
17. Дикаева М.С. Назначение и исполнение пожизненного лишения свободы в России и зарубежных странах // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. – 2015. – №3 (38). – С. 99-103.
18. Жамбалов Д.Б., Толстихина К.Е. Проблемы института пожизненного лишения свободы в российском уголовном праве // *Вопросы устойчивого развития общества*. – 2022. – №4. – С. 646-649.
19. Желоков Н.В. Пожизненное лишение свободы в системе наказаний УК РФ и его назначение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. – 197 с.
20. Захарина О.В. Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. – 208 с.
21. Кирюхина Е.А. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты применения наказания в виде пожизненного лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – 174 с.
22. Костромцов А.Е. Международный опыт содержания осуждённых к пожизненному лишению свободы // *Вестник Пермского института ФСИН России*. – 2018. – №1 (28). – С. 5-15.
23. Кудратов Н.А. Уголовная ответственность за преступления, связанные с банкротством: проблемы теории, практики и законодательства (по материалам Республики Таджикистан): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. – 216 с.
24. Международный уголовный Кодекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/ files/other/vstgb-russ.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).

25. Модельный Уголовный Кодекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cisatc.org/1289/9115/135/9126/9129/241> (дата обращения: 01.03.2020).
26. Назарзода Р.Г. Опыт применения пожизненного лишения свободы в зарубежных странах // Академический юридический журнал. – 2019. – №3 (31). – С. 23-26.
27. Назарзода Р.Г. Опыт применения пожизненного лишения свободы в зарубежных странах // Академический юридический журнал. – 2019. – №3 (31). – С. 23-26.
28. Назарзода Р.Г. Практика применения пожизненного лишения свободы в зарубежных странах // Юридический вестник. – 2020. – №1 (1). – С. 133-140.
29. Обнародовано число пожизненно осужденных в Азербайджане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.oxu.az/society/473511> (дата обращения: 01.03.2020).
30. Постановление пленума Верховного суда Республики Узбекистан «О некоторых вопросах применения наказания в виде пожизненного лишения свободы» от 14.11.2007 г., №15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/acts/-1593076> (дата обращения: 01.03.2020).
31. Правопорядок и его институциональные основы: Сборник трудов молодых ученых – участников международной научной конференции (Воронеж, 31 мая – 1 июня 2019 г.) / [Редколл.: Беляев М.А., Денисенко В.В.]. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. 161 с.
32. Проблемы в Уголовно-исполнительной системе Кыргызской Республики в исполнении наказаний в виде пожизненного лишения свободы / А.С. Колопов, М.Ш. Мукашев, А.Э. Турганбаев [и др.] // Modern Science. 2021. №2-1. С. 145-151;
33. Савченко А.В. Уголовное законодательство и федеральное уголовное законодательство Соединенных Штатов Америки: комплексное сравнительно-правовое исследование: монография. – К.: КНТ, 2007. – 221 с.
34. Савченко Д.В. Соблюдение прав человека при исполнении наказания в виде лишения свободы на определенный срок, пожизненного лишения свободы // Студенческий вестник. – 2023. – №15-4 (254). – С. 44-49.
35. Савченко Д.В. Соблюдение прав человека при исполнении наказания в виде лишения свободы на определенный срок, пожизненного лишения свободы // Студенческий вестник. – 2023. – №15-4 (254). – С. 44-49.
36. Салищев С.А. Соблюдение прав человека при исполнении наказания в виде лишения свободы на определённый срок, пожизненного лишения свободы // Студенческий вестник. – 2023. – №11-3 (250). – С. 44-45.
37. Салищев С.А. Соблюдение прав человека при исполнении наказания в виде лишения свободы на определённый срок, пожизненного лишения свободы // Студенческий вестник. – 2023. – №11-3 (250). – С. 44-45.
38. Сколько человек в Молдове отбывают пожизненный срок в тюрьме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esp.md/ru/sobytiya/2023/02/06/skolko-chelovek-v-moldove-otbyvayut-pozhiznennyy-srok-v-tyurme> (дата обращения: 27.10.2023).
39. Татилов Р.У. Проблемы пожизненного лишения свободы по законодательству Республики Казахстан // Уголовно-исполнительное право. – 2020. – Т. 15. – №2. – С. 197-205.
40. Туляков В.А. Сравнительный метод в науке уголовного права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dspace.onua.edu.ua/bitstream/handle/11300/4141/Tulyakov_V_A_Porivnyalnoy%20metod%20y%20nacyi%20kriminalnogo%20prava.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.03.2020).
41. Уголовный Кодекс Республика Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#9> (дата обращения: 01.03.2020).
42. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://уголовный-кодекс.бел> (дата обращения: 01.03.2020).
43. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года, №985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.07.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 01.03.2024).
44. Уголовный Кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/111457> (дата обращения: 01.03.2024).
45. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/74d65340228d64cd6c19a51708f37d4294824ebb (дата обращения: 20.07.2024).
46. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года, №222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.09.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 01.03.2024).

47. Учиться никогда не поздно. История армянского пожизненно заключенного [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://am.sputniknews.ru/20220430/pervym-delom-obnimu-mat-o-chem-mechtaet-pozhiznenno-zaklyuchenny-v-nadezhde-na-osvobozhdenie-40696149.html> (дата обращения: 01.03.2024).

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF LIFETIME IMPRISONMENT IN FOREIGN COUNTRIES

Nazarzoda Ramzaguli Gani

Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Russian-Tajik (Slavonic) University 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, 30, M. Tursunzadeh str.
Tel.: 988-88-45-44, E-mail: rami_1293@mail.ru

Абдуллобекзода Т.А.

Senior Scientific Inspector for International Relations
Research Department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, police Captain 734012, Dushanbe, st. Mastongulov, 3
Tel.: + (992)988614713, E-mail: temurmalik.abdullobekzoda@bk.ru

The article is devoted to the problems of modern criminal and executive legislation of foreign countries in the field of the application of life imprisonment. The relevance of the scientific research lies in the fact that life imprisonment is a punishment for committing particularly serious crimes, which makes it one of the most significant institutions of criminal law. The article raises such issues as the indefinite nature of this type of punishment and life imprisonment as an alternative to the death penalty. The article also provides statistics on the percentage of people serving life imprisonment in foreign countries. The role of the court in imposing this punishment is emphasized.

Keywords: *life imprisonment, alternative to the death penalty, correctional institution.*

МУШКИЛОТИ ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ ҲАБСИ АБАД ДАР КИШВАРҶОИ ХОРИҶӢ

Назарзода Рамзагули Ганӣ

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, муаллими калони кафедраи муруфиаи ҷиноятӣ ва криминалистикаи Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон.
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода 30
Тел.: 988-88-45-44, E-mail: rami_1293@mail.ru

Абдуллобекзода Темурмалик Абдуллобек

Инспектори калони илмӣ
оид ба робитаҳои байналмилалӣ шӯъбаи илмӣ-тадқиқотӣ
Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, капитан милиции
734012, ш. Душанбе, куч. Мастонгулов, 3
Тел.: + (992)988614713, E-mail: temurmalik.abdullobekzoda@bk.ru

Мақола ба мушкилоти қонунгузорию муосири иҷроияи ҷиноятӣ кишварҷои хориҷӣ дар соҳаи истифодаи ҳабси абад бахшида шудааст. Аҳамияти тадқиқоти илмӣ дар он аст, ки ҳабси абад чазо барои содир кардани ҷиноятҳои махсусан вазнин аст, бинобар ин он яке аз муҳимтарин институтҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ мебошад. Дар мақола чунин масъалаҳо ба миён омадаанд: бемуҳлати ин намуди чазо; ҳабси абад ҳамчун альтернативаи ҳукми қатл. Инчунин дар мақола омори фоизи адои чазо дар шакли ҳабси абад ва хориҷа оварда шудааст. Нақши суд дар таъини чазои зикршуда таъкид карда мешавад.

Калидвожаҳо: *ҳабси абад, альтернативаи ҳукми қатл, муассисаи ислоҳӣ.*

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С ПОХИЩЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА

Рахмонзода Остон Додарбег

Соискатель Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова
 Национальной академии наук Таджикистана
 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе проспект Рудаки, 33
 тел.: (+992 37) 221-77-96; e-mail: www.ifppanrt.tj

В настоящей статье субъект преступления рассматривается как ключевой элемент состава похищения человека. Автор подчеркивает, что для признания лица субъектом преступления необходимо учитывать не только факт совершения противоправного деяния, но и его возраст, вменяемость и возможность признания невменяемым. Делается вывод о том, что субъектом похищения человека является физическое лицо, не только совершившее запланированное преступное деяние. Но и, в дополнение к этому, особо отнесется психофизиологическая характеристика субъекта, включая возраст и состояние вменяемости или невменяемости, что позволяет более глубоко понять механизмы совершения данного преступления.

Ключевые слова: субъект преступления, похищения человека, лицо, совершившего преступления, возрастные особенности субъекта, вменяемость субъекта, невменяемость субъекта, окончание преступления.

Одним из важнейших и необходимых элементов любого преступления является субъект. В уголовном праве термин «субъект» не употребляется, а заменяется термином «лицо», совершившее преступление¹. В этом контексте категория «лицо» как субъект преступления находит свое отражение в нормах главы 4 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее УКРТ) – «Лица, подлежащие уголовной ответственности».²

Следовательно, термин «субъект преступления» употребляется в некоторых, но не во всех статьях УК РТ. В этом случае единственным примером, где используется термин «субъект преступления», является ст. 37 УК РТ: «Ответственность соучастников преступления», в ч. 4 которой отмечается: «Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, может нести ответственность за это преступление лишь в качестве организатора, подстрекателя либо пособника».

В этом контексте стоит отметить, что субъектом преступления похищения человека является, прежде всего, лицо – реальный человек, а затем уже идет речь о психологическом и физиологическом состоянии преступника, которое в данном случае в большей степени говорит о его вменяемости и невменяемости.

В доктрине уголовного права существуют различные подходы к определению субъекта преступления, однако они схожи между собой. Например, группа ученых в рамках понятия «субъект преступления» в первую очередь учитывают возраст человека и на основании этой характеристики определяют субъект преступления как признак совершения преступления. В частности, С. М. Кочои в анализе субъекта преступления акцентирует внимание на возрастных критериях. Автор утверждает, что уголовная ответственность наступает с момента достижения лицом 14 лет, совершившим преступление. Кроме того, автор считает, что для лиц, совершивших противоправные действия в возрасте 16 лет, установлен общий возрастной порог для при-

© Рахмонзода Остон Додарбег, 2026

¹ Криминальная психология. Хрестоматия / И. А. Фурманов, И. Е. Метлицкий. Минск: БГУ, 2018. С.78-79.

² Уголовный Кодекс Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998. №9. ст.68.

влечения к уголовной ответственности.¹ Аналогичной позиции по этому вопросу придерживается К. З. Трупадзе, согласно которому одним из важных признаков для определения преступления является возраст лица, совершившего преступление. В уголовном праве традиционно возраст субъекта преступления обычно начинается с 16 лет. Однако для некоторых категорий субъектов преступления начало наступает с 14 лет в случае тяжких преступлений. По мнению автора, возраст преступления — это те обстоятельства, которые закон определил и с помощью которых деяние лица признается преступлением.²

Или Е.В. Шаназарова и Д.А. Борисова пишут: «Признание лица в совершении преступления в качестве подозреваемого имеет свои возрастные особенности»³. В связи с этим, для недопущения нарушения прав и интересов лица, совершившего преступление, первостепенное значение имеет установление его возраста. Поскольку законодательством возраст субъекта преступления официально установлен и определен в уголовном законодательстве. Поэтому обращать внимание на такой признак преступления является обязательным. Основанием для всего этого является наличие у лица правоспособности, которая частично охватывает достижение лицом возраста 14 и 16 лет. Возраст 14 и 16 лет в данном случае является возрастом лица, которое будет привлечено к уголов-

ной ответственности за совершенное им преступление. Эти слова приводят к тому, что, определяя и устанавливая возраст, законодатель ввел одну из условных классификаций признаков преступления, соблюдение которой является окончательным требованием. С другой стороны, возраст субъекта преступления рассматривается как средство вовлечения подозреваемого в совершение преступления. Кроме того, возраст субъекта преступления тесно связан с признанием совершённого деяния и осознанием подозреваемым последствий своих действий, которые влекут за собой уголовную ответственность.

В этом контексте С.В. Корнакова, Д.Г. Гайков отмечают: «Человек, способный в определенной степени понимать свои действия, поведение и поступки, а также предвидеть или оценивать их последствия, признается полноправным субъектом во всех социальных отношениях»⁴. В этом процессе, прежде всего, важную роль играет психическое здоровье человека. Ведь одним из определяющих признаков субъекта преступления является вменяемость лица, подозреваемого в совершении преступления. В этом контексте можно с уверенностью сказать, что невменяемое лицо, независимо от установленного возраста уголовной ответственности, никак не признается субъектом преступления.

Таким образом, лицо, подозреваемое в совершении преступления, может считаться субъектом преступления, если

оно полностью осознает последствия своих действий и предвидит их ответственность и т.д. Где необходим также определенный уровень правосознания и понимания или правомерного поведения лиц, подозреваемых для осознания совершенного ими деяния. Однако, если оно не осознает реальных последствий своих действий и совершает поступки, представляющие опасность для общества, и не способно контролировать их или не осознает ответственности за совершенное преступление, оно как невменяемое лицо не признается субъектом преступления.

Кроме того, с учетом теории уголовного права, группа ученых считает, что статус субъекта преступления связан с процессом завершения преступной деятельности. То есть, по их мнению, субъектом преступления считается лицо, полностью завершившим или окончившим запланированное преступление. Последнее в полной мере может признаваться в содеянном. В этой связи А.Б. Мельниченко и С.Н. Радачинский отмечают: «Субъектами преступления признаются не только лица, совершившие оконченные преступления, но и те лица, которые закончили свою преступную деятельность на стадиях приготовления или покушении на преступление»⁵. «Так как при окончанном преступлении, в содержании действия виновного лица могут отражаться все признаки преступления, включая его субъект» пишет А.Б. Благодатин⁶.

¹ Кочои, С. М. Пробелы в законодательстве о терроризме и предложения по их устранению // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С.746.

² Трапаидзе, К.З. Возраст виновного -условие или основание уголовной ответственности? // Актуальные проблемы российского права. 2021. №7 (128). С.137.

³ Шаназарова, Е.В., Борисова Д.А. Субъект преступления по Российскому законодательству: его сущность и правовая характеристика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №9. С.192.

⁴ Корнакова, С.В., Гайков Д.Г. Установление мотивов совершения преступлений: криминологические возможности и уголовно-процессуальная целесообразность // Юридическая наука и правоохранительная практика. –2014. – № 4. – С.126.

⁵ Мельниченко, А.Б., Радачинский С.Н. Уголовное право. Общая и Особенная части. Ростов-на-Дону. 2019. С.70.

⁶ Благодатин, А.Б. Субъективные основания оконченного преступления // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 134.

Данный подход подтверждаются и другими исследователями, в частности М.Д. Шергородский, который отмечают: «Оконченное преступление — это преступление, содержащее все признаки состава преступления, включая и его субъект»¹ на совершение которого был направлен умысел виновного лица. Или П.К.Петров при анализе субъекта похищения человека и отметил, что: «Субъектом похищения человека может быть физическое, вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления 14 лет. Необходимым признаком субъекта похищения человека наряду с достижением определенного возраста является вменяемость, т.е. способность лица сознавать во время совершения преступления фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), а также способность руководить»².

Из вышеуказанных подходов можно сделать следующий вывод:

Во -первых, субъект похищения человека — это физическое лицо. Под «физическим лицом» мы подразумеваем прежде всего человека - гражданина, иностранного гражданина или лицо без гражданства. В уголовно-правовом смысле под физическом лицом подразумевается потерпевший или подозреваемый (обвиняемый). В этом контексте субъектом преступления похищения человека признается лицо, совершившее преступление похищения человека и привлекаемое за такое преступление в соответствии с законом к уголовной ответственности в качестве подозреваемого и обвиняемого.

Во-вторых, субъектом преступления признается физическое лицо, достигшее в соответствии с законом общего или исключительного возраста уголовной ответственности.

То есть субъектом преступления похищения человека признается физическое лицо, ко времени совершения преступления достигшим возраста (14 лет или установленного общего возраста 16 лет), с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, т. е. с нуля часов последующих суток³. Эта точка зрения верна, потому что для ряда преступлений законом установлен общий порядок наступления уголовной ответственности с 16 лет (ч.1 ст.23 УК РФ). Однако за совершение перечня преступлений, установленного в уголовном законодательстве, ответственность наступает с 14 лет (ч.2 ст.23 УК РФ). Указанные возрастные особенности, которые используются как общий критерий для определения статуса субъекта преступления, также применимы к субъекту преступления похищения человека (ст.130 УК РФ).

В-третьих, речь идет о вменяемости (ст.22 УК РФ) или невменяемости (ст.24 УК РФ) физического лица совершившего преступления похищения человека. С точки зрения этимологии, «вменяемость» (синоним «импутабельность») выражает субъективную способность лица нести уголовную ответственность за совершенное им деяние.

Следовательно, термин «вменяемости или невменяемости» относится к понятию «*вины*» (ст.27УК РФ) в уголовном праве, а именно к осознанию лицом

противоправности и опасности своих действий до и после совершения уголовного деяния. В этой связи можно утверждать, что вменяемость является не только обязательным признаком субъекта преступления но и главным условием наступления уголовной ответственности. По этой причине оно присуще только состоянию здоровья или психическому здоровью субъекта. Поскольку при совершении преступления человек если не способен понимать, осознавать и контролировать последствиями своих действий, он как невменяемый не считается субъектом преступления.

Невменяемость имеет три стадии наступления:

а) до совершения преступления;

б) во время совершения преступления;

в) после окончания совершения преступления, для раскрытия преступления и обеспечения его доказательств эти моменты могут регулироваться уголовно-процессуальным законодательством и заслуживают правовой оценки (включая в ходе расследования назначение судебной экспертизы и оценку ее результатов). И невозможно страховать последствия таких действий, которые важны при определении характера преступления. В этой связи теория уголовного права справедливо утверждает, что недопустимо признавать подозреваемого субъектом преступления, если он страдает психическим расстройством, постоянным или временным психическим заболеванием и другими состояниями, которые, по заключению судебного эксперта,

¹ Шергородский, М.Д. Вопросы общей части уголовного права (законодательство и судебная практика) / отв.ред. В.А.Иванов. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1955. С.129.

² Петров, П. К. Похищение человека и незаконное лишение свободы: вопросы квалификации //Вестник

Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. №8 (108). С.80.

³ Вартамян, Г. А., Онищенко О. Р. К вопросу о наступлении возраста уголовной ответственности //Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. №(1 (50)). С.207.

объявлены невменяемым, и в результате все это ведет к утрате право-дееспособности.

Таким образом субъектом преступления похищения человека считается:

- физическое лицо, которое в результате совершения преступного деяния способно осознать характер, причины и последствия своих действий или бездействия, представляющих общественную опасность;

- физическое лицо, признанное виновным в совершении преступления, если он вменяемый. То есть человек считается вменяемым, если он в полной мере понимает и оценивает характер, причины и последствия своих действий и бездействия, которые в результате совершения преступления представляют опасность для общества.

К основным аспектам проявления вменяемости человека относятся медицинские, юридические, а также осознание личной ответственности:

- *медицинские*. Здесь речь идет скорее о здоровье и психическом состоянии человека, то есть о том, является ли человек психически здоровым или нет, и подвержен ли он другим проявлениям — психическим расстройствам, деформациям отклоняющего поведения;

- *юридические* — это отражение моментов человеческих действий и бездействия, преследующих возникновение общественной опасности, которые требуют их осознания без каких-либо оснований;

- *осознание личной ответственности*. Обладание высоким уровнем ответственности за осознание последствий своих действий и бездействия, связанной с совершением преступления.

Отсюда, ключевым параметром для идентификации субъекта похищения человека является возраст, определенный законодательством. Важно отметить, что последующее уточнение этого возрастного порога не

освобождает лицо, совершившее данное деяние, от уголовной ответственности. В этом контексте общий возраст уголовной ответственности для лиц, совершивших преступление, связанное с похищением человека, за исключением несовершеннолетних, наступает с 16 лет. Однако для лиц более моложе — несовершеннолетних, совершивших такое преступление, началом наступления уголовной ответственности — с 14 лет.

Из этого важно сделать вывод, что возраст ответственности за совершение преступления похищения человека обычно начинается в 16 лет, а для несовершеннолетних — в 14 лет.

В целом субъект является важным, неотъемлемым и основополагающим элементом уголовной ответственности лица, где без учета возраста, физической и психологической состояние невозможна квалификация указанного деяния как преступления.

Библиографический список

1. Уголовный Кодекс Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. — 1998. — №9. — ст.68,
2. Благодатин А.Б. Субъективные основания оконченного преступления // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2017. — № 3 (39). — С.133-137.
3. Вартамян Г. А., Онищенко О. Р. К вопросу о наступлении возраста уголовной ответственности // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2017. — №(1 (50)). — С.206-210.
4. Криминальная психология. Хрестоматия / И. А. Фурманов, И. Е. Метлицкий. — Минск: БГУ, 2018. — 269 с.
5. Кочои С. М. Пробелы в законодательстве о терроризме и предложения по их устранению // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10. — № 4. — С.740-749.
6. Корнакова С.В., Гайков Д.Г. Установление мотивов совершения преступлений: криминалистические возможности и уголовно-процессуальная целесообразность // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 4. — С.126-133.
7. Мельниченко, А.Б., Радачинский С.Н. Уголовное право. Общая и Особенная части. — Ростов-на-Дону., 2019. — 824 с
8. Петров П. К. Похищение человека и незаконное лишение свободы: вопросы квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2008. — №8 (108). — С.77-82.
9. Трапаидзе К.З. Возраст виновного - условие или основание уголовной ответственности? // Актуальные проблемы российского права. — 2021). — №7 (128). — С.136-144.
10. Шаназарова Е.В., Борисова Д.А. Субъект преступления по Российскому законодательству: его сущность и правовая характеристика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — №9. — С.192-195.
11. Шергородский, М.Д Вопросы общей части уголовного права (законодательство и судебная практика) / отв.ред. В.А.Иванов. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. — 256 с.

Rahmonzoda Oston Dodarbeg

Applicant of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov
of the National Academy of Sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 33
tel.: (+992 37) 221-77-96; e-mail: www.ifppanrt.tj

This article examines the subject of a crime as a key element in the composition of kidnapping. The author emphasizes that to recognize an individual as the subject of a crime, it is necessary to consider not only the fact of committing an unlawful act but also their age, sanity, and the possibility of being deemed insane. It is concluded that the subject of kidnapping is a natural person who has not only committed the planned criminal act. But also, in addition to this, the psychophysiological characteristics of the subject, including age and state of sanity or insanity, are particularly relevant, allowing for a deeper understanding of the mechanisms by which this crime is committed.

Keywords: *subject of a crime, kidnapping, person who committed the crime, age characteristics of the subject, sanity of the subject, insanity of the subject, completion of the crime.*

СУБЪЕКТИ ЧИНОЯТИ МАРБУТ БА ОДАМРАБОЙ

Раҳмонзода Остон Додарбег

Муҳаққиқи Институти фалсафа, сиёсатшиносӣ ва ҳуқуқи ба номи А.Баҳоваддинови
Академияи илмҳои Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33
тел.: (+992 37) 221-77-96; почтаи электронӣ: www.ifppanrt.tj

Дар ин мақола субъекти ҷиноят ҳамчун унсуре калидии таркиби ҷинояти одамрабой баррасӣ мешавад. Муаллиф таъкид мекунад, ки барои эътироф кардани шахс ҳамчун субъекти ҷиноят на танҳо далели содир кардани кирдори ғайриқонунӣ, балки синну сол, қобилияти муайян кардани кирдорҳои худ ва имконияти ғайриқобилият донишмандони ӯро низ ба назар гирифтани лозим аст. Хулоса карда мешавад, ки субъекти одамрабой шахси воқеӣ мебошад, ки на танҳо кирдори ҷиноии банақшагирифташударо содир кардааст. Балки, илова бар ин, хусусияти психофизиологии субъект, аз ҷумла синну сол ва ҳолати мукаллафӣ ё номукаллафӣ, махсусан муҳим аст, ки имкон медиҳад механизмҳои содиршавии ин ҷиноятро амиқтар дарк намоем.

Калидвожаҳо: *субъекти ҷиноят, рабудани шахс, шахсе, ки ҷиноят содир кардааст, хусусиятҳои синну соли субъект, мукаллафии субъект, номукаллафии субъект, анҷоми ҷиноят.*

УДК 343.157(575.3)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПОКАЗАНИЯ ЭКСПЕРТА КАК ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ФАКТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Хамроев Шухрат Садилович

доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета

Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992 37) 223-04-20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с экспертными заключениями и показаниями как средством подтверждения доказательств в уголовном процессе. Отмечается, что экспертные заключения и показания представляют собой сложный процесс. Они не только осуществляются как средство сбора, оценки и интерпретации доказательств для составления заключения, но и классифицируются как познавательная деятельность эксперта по обобщению фактической информации об уголовном деле. С другой стороны, эффективность такой деятельности служит показателем и основой для объективной оценки доказательств при принятии справедливых судебных решений. Однако правовое регулирование этого вопроса нуждается в совершенствовании, поскольку экспертные заключения не всегда или вообще не принимаются во внимание в ходе предварительного расследования также судебного разбирательства.

Ключевые слова: доказательство, участники уголовного процесса, следователь, судья, эксперт, назначение эксперта, познавательная деятельность эксперта, заключение эксперта, оценка заключения эксперта.

Судебное доказывание является одной из разновидностей и форм проявления судебного познания в уголовном судопроизводстве. Так как доказательство в уголовном судопроизводстве представляет собой процессуальное познание, основанное на мыслительной деятельности участников по систематическому анализу и обобщению фактиче-

ских данных о событии преступления. Поэтому этот процесс включает в себя сбор, оценку и интерпретацию доказательств, что позволяет формировать обоснованные выводы. Важно подчеркнуть, что доказательства в уголовном процессе рассматриваются как ключевой элемент, обладающий значимостью без каких-либо ограничений. По словам П.С. Элькина «Доказывание — центральный стержневой процесс всей уголовно-процессуальной деятельности...»¹. Последнее как специфический вид познавательной деятельности детерминировано комплексом факторов, включая целевые установки и задачи, ограниченность временных и средств, а также участие субъектов, обладающих особыми когнитивными способностями и профессиональной компетентностью, что деятельность которых направлена на систематическое изучение и анализ объектов исследования, что

предполагает применение методологически обоснованных подходов и инструментов для достижения объективных и достоверных результатов. При этом следует отметить, что в доктрине уголовного судопроизводства отсутствует единое мнение относительно соотношения понятий «познания» и «доказывания». Некоторые исследователи рассматривают эти термины как взаимозаменяемые категории, что представляется некорректным. Так как познание и доказывание не являются идентичными понятиями.

Во-первых, познание как сложная мыслительная деятельность в уголовном судопроизводстве может выступать в качестве структурообразующего элемента доказательства, но не может быть отождествлено с ним.

Во-вторых, процесс познания даже можно и следует рассматривать как ключевой инструмент формирования доказательственной базы. Поэтому эти

категории не взаимозаменяемы, поскольку их функциональные и методологические параметры друг от друга существенно могут отличаться.

В-третьих, познание является фундаментальным аспектом, началом, предшествующим доказательству, либо результатом самого доказательственного процесса, поскольку доказательства образуются в результате познавательной деятельности. То есть, «доказывание — всегда познание, но не всякое познание — доказывание»¹. Поэтому познание представляет собой методологическую основу, применяемую для всестороннего анализа исследуемого объекта. Совокупность собранных данных и фактических материалов и их достоверность и обоснованность служащих ключевым аспектом для формирования доказательной базы, выступает в качестве объекта познания. С этой точки зрения видно, что судебное познание, как мыслительная деятельность участников уголовного процесса, отличается от доказательства. Так как познание — это система деятельности, и такого оно реализуемых посредством поисково-познавательной деятельности. В данном контексте доказательство представляет собой неотъемлемый элемент процесса познания и познавательной деятельности, который в конструкции уголовного судопроизводства обозначается как важный познавательный процесс. Главное, оно направлено не только на изучение и анализ событий, условий, следов преступления и детерминанты, провоцирующие совершение уголовного деяния, но и объективного раскрытию и расследованию преступления в целом, име-

ющих значение для принятия законного и обоснованного решения как органом продувального расследования, так и судом. В этом контексте специфика процесса познания в уголовном судопроизводстве на различных этапах внутри стадии и на разных стадиях связана с тем, что одна из основных задач одних субъектов — исследовать объективную реальность — событие преступления, а других — еще и реальность исследования. То есть деятельность первых направлена на исследование события преступления, а вторых — оценка и утверждения результатов, полученных от такого исследования. По словам философов, они действуют по правилам: одни люди добывают знания, а другие — знания о знаниях.² Поэтому познания выступает гносеологической основой процесса доказывания, так как доказываемое, обосновывается всегда познанием³. Поскольку в этих понятиях первое шире второго.⁴ В этом случае стоит подчеркнуть, что не все лица, участвующие в уголовном процессе, являются субъектами познавательной деятельности или за результат которой несут ответственность. Субъекты познания — это те, которые компетентны в исследованиях обстоятельств преступления, собирает и проверяет доказательства. Это специалист, эксперт, лица, обладающие знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла. А следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, прокурор, судья выступают в качестве пользователей специальных знаний, имеющих доказательственное значение, что им необходимо для принятия процессуального решения.

Однако среди субъектов, на которое возложена процессуальная обязанность исследовать события, условия и обстоятельства преступления, — это эксперт. Эксперты в уголовном процессе — это лица, являющиеся носителями специальных знаний. Так как для установления обстоятельств и фактов совершения преступления, требующих расследования уголовного дела, при необходимости применение специальных знаний считается обязательным. Носители специальных знаний — это лица, обладающие профессиональными навыками и теоретическими знаниями в науке, технике, искусстве или ремесле, используемыми для решения задач судопроизводства (эксперты, специалисты, консультанты и др.). Однако в доктрине уголовного процесса не сложилось среди исследователей единого мнения о констатации феномена «специальные знания». В этой связи группа исследователей считают, что специальные знания — это знания, которой субъект преследования уголовного дела не владеет или владеет недостаточно, либо обладает знаниями и навыками науки криминалистики. В частности, для юристов, обладающих глубоким пониманием криминалистических наук и технических навыков, возможно проведение детального анализа преступного события без привлечения дополнительных экспертных исследований или участия экспертов.

В случаях, когда фактические обстоятельства дела являются очевидными и доступными для однозначной интерпретации, юридические заключения могут быть сформулированы без необходимости проведения специа-

¹ Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук Красноярск, 2006. С.254.

² Спиркин А.Г. С72 **Философия: Учебник** для технических вузов. М.: Гардарики, 2000. С.416.

³ Корнакова С.В. Уголовно-процессуальное доказывание как процесс познания // Известия Байкальского государственного университета. 2006. №6. С.110.

⁴ Фаткулдин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С.48.

лизированных экспертных познаний. Однако для достижения высокой степени достоверности и полноты анализа доказательств необходимо интегрированное применение как юридических, так и криминалистических знаний, что позволяет обеспечить комплексное и объективное исследование всех аспектов событий преступления. Другие же исследователи утверждают, что специальные знания — это знания, которые не являются общеизвестными и общедоступными для всех категорий участников уголовного судопроизводства, а приобретаются отдельными или конкретными лицами лишь в процессе получения специального образования или накопления практического профессионального опыта. Тем не менее ключевым аспектом, на который исследователи обращают внимание при рассмотрении понятия специальных знаний, является их непубличный характер, предполагающий отсутствие общедоступности и общеизвестности знаний, что подразумевает ограниченный доступ для широкого круга лиц. В этом контексте последовательно важными основами специальных знаний выступают не только приобретенные носителем теоретические и практические знания в соответствующих областях науки, техники, искусстве или ремесле, но и практики эффективного использования которых при раскрытии уголовных дел в досудебном и судебном стадиях уголовного процесса. Специальные знания используются конкретными субъектами уголовного процесса для выполнения специализированных задач, связанных с доказательственным фактом, предполагающих квалифицированно-познавательную оценку. Поэтому они необходимы для

установления фактов доказывания, имеющих существенное значение при рассмотрении уголовного дела. Где носителями специализированных знаний являются привлеченные эксперты, специалисты и консультанты, оказывающие профессиональную помощь участникам уголовного судопроизводства, включая дознавателей, следователей, прокуроров и судей, в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел. В этом контексте эксперт — это не только познающий лицо доверенного ему объекта исследования, но и в целом - субъект осуществления экспертной деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

Правовая основа регулирования экспертной деятельности в уголовном процессе Республики Таджикистан определяется Уголовно-процессуальным кодексом (далее - УПК РТ)¹. Согласно ст. 6 УПК (основные понятия), эксперт определен в качестве иного лица, участвующего в уголовном процессе. Однако глава 7 УПК вводит концепцию, в рамках которой эксперт обозначен не как «иное лицо», а как «другой участник уголовного судопроизводства». Статья 58 данной главы регламентирует вопросы вызова эксперта, его прав и обязанностей. Основные положения, касающиеся порядка назначения экспертизы (ст. 208), её обязательности назначения (ст. 209), прав участников процесса при назначении и производства экспертизы (ст. 210), организации производства экспертизы в специализированных учреждениях (ст. 211) или вне таких учреждений (ст. 212), классификации различных видов и форм экспертиз (ст.ст. 213, 216), оформления заключения эксперта (ст. 217), его допроса (ст. 218), а также по-

рядка проведения дополнительных и повторных экспертиз (ст. 220), изложены в главе 24 УПК РТ. Следовательно, экспертная деятельность в Республике Таджикистан определяется в рамках законодательства, регламентирующего государственную судебную экспертизу. В частности, правовые основы экспертной деятельности закреплены в законе Республики Таджикистан «О государственной судебной экспертизе». Закон содержит нормы, регулирующие деятельность экспертов и их правовое положение в контексте судебных процедур. Эти нормативные акты обеспечивают правовую основу для профессиональной деятельности экспертов, а также устанавливают стандарты и требования к их квалификации и компетентности. В ст. 16 Закона Республики Таджикистан «О государственной судебной экспертизе»: «Судебным экспертом является работник учреждения государственной судебной экспертизы, производящий государственную судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей». Ключевым элементом, посредством которого устанавливаются факты доказывания на основе осуществления специальных знаний в деятельности эксперта, является «заключение». Заключение эксперта в доктрине уголовного процесса определяется как «особое доказательство»². Так как научно - обоснованные выводы квалифицированных экспертов позволяют установить существенные обстоятельства рассматриваемых дел, формируя объективную доказательствен-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2009, №12, ст.815.

² Борзенко Д.С. Заключение эксперта как источник доказательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №. 3-2. С.125.

ную основу для принятия справедливых судебных решений.¹ В этих целях само назначение экспертизы предполагает соблюдение специальной процедуры, преследующего принятием решения о назначении надлежащего эксперта, а ненадлежащего (заключение которого подлежит отводу или влечет за собой исключение из процесса доказывания уголовного дела). Потому что необходимость данного вопроса заключается в том, что, как правило, заключение экспертизы формируется квалифицированным экспертом, который был привлечен к уголовному делу, выступающий в статусе специалиста, обладающего соответствующими компетенциями и опытом в данной области. В этом смысле заключение как процессуальный документ составляется по результатам завершения экспертного исследования, когда все необходимые процедуры и анализ собранных данных завершены, что позволяет сформировать объективные и обоснованные выводы.

Следовательно, заключение эксперта в уголовном процессе характеризуется как двухэтапный процесс, включающий назначение и производство экспертизы. Основанием для реализации данных этапов служат досудебные и судебные акты, которые в контексте уголовного судопроизводства могут быть выражены в виде определений или постановлений органов суда и следствия. После назначения судебной экспертизы материалы уголовного дела, включая соответствующие акты суда и следствия, передаются квалифицированному эксперту для проведения всестороннего исследования. Экспертиза представляет собой многогранное явление, классифицируемое по различным ви-

дам и направлениям, что обусловлено спецификой рассматриваемых объектов и целей исследования. В криминалистике и судебной практике выделяются такие категории экспертиз, как медицинские, трасологические, дактилоскопические, инженерные, технические и строительные, бухгалтерские экспертизы и др. Выбор конкретной разновидности экспертизы осуществляется в зависимости от характера и вида преступления, а также от специфики возникающих следственных ситуаций. Назначение экспертизы является ключевым этапом в процессе расследования, направленным на объективное и всестороннее исследование доказательств, что способствует установлению истины и принятию обоснованных процессуальных решений.

В свою очередь, назначение экспертизы никак не обходится без производства экспертизы, что именно этот этап экспертной деятельности требует от лиц, выполняющих функции эксперта, проявления высокой квалификации и профессионализма при составлении заключения о проведенном исследовании, предполагающего соблюдение ряда таких требований:

- сведения об экспертном учреждении и лице, выполняющем функции эксперта;

- предупреждения эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения;

- при осуществлении экспертизы обязанности эксперта о строгом и точном следовании предписаниям, исходящим от следователей или судей;

- исследовании материалов уголовного дела с учетом характера и особенностей его описания как объекта экспертной деятельности;

- при исследовании материалов объектов экспертной деятельности необходимость использования средств

и методов, включая собственные авторские подходы эксперта;

- выводы эксперта, что иницирующий ход исследования по каждому поставленным вопросам и их детальному изучению для получения результатов, подтверждающая обоснованность и достоверность заключения;

- проявление профессиональной инициативы эксперта;

- необходимость указания экспертом в заключение виды типы или характер экспертиз, а также источники (литературы), которые связаны с объектом исследование.

В целом, указанные требования предполагают от эксперта неукоснительное соблюдение установленных процедур и регламентов экспертной деятельности, что является важным фактором для достижения достоверных результатов исследования и их корректного представления в заключении эксперта. С последствием, следователь и судья обязаны осуществлять объективную и всестороннюю оценку данного вида доказательств. Однако в статье 29 и, аналогично, в части 2 статьи 77 УПК указано, что заключение судебного эксперта не является обязательным для суда, прокурора, следователя или лица, производящего дознание, однако их несогласие с заключением должно быть мотивировано. В данном контексте речь идет о ненадлежащем составлении заключения, связанной с нарушением процедур и правил экспертной деятельности, или некорректности отражения достоверных результатов в экспертном заключении.

Также следователи и суды не всегда считают необходимым учет заключения эксперта как формы проявления доказательств в процессе доказывания уголовного дела. Данный подход обусловлен тем, что решение следователя и судьи о признании

¹ Цветкова Е. В. Заключение эксперта как доказательство по уголовному делу // Аграрное и земельное право. 2025. №2. С.413.

и оценке экспертного заключения непосредственно коррелирует с его корректностью и обоснованностью. Поэтому заключение эксперта, сформулированное с использованием строгой, убедительной и категорической формы, а также детально обоснованное в соответствии с уровнем объективной истины, может быть полностью признано доказательством и подлежит оценке лицами, ведущими уголовное преследование

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – №12. – ст.815.
2. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. – Красноярск, 2006. – 414 с.
3. Борзенко Д.С. Заключение эксперта как источник доказательств // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – №. 3-2. – С.125-127.
4. Корнакова С.В. Уголовно-процессуальное доказывание как процесс познания // Известия Байкальского государственного университета. – 2006. – №6. – С. 110-112.
5. Спиркин А.Г. Философия: учебник для технических вузов. – М.: Гардарики, 2000. – 368 с.
6. Фаткулин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. – Казань, 1976. – 206 с.
7. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. –143 с.
8. Цветкова Е. В. Заключение эксперта как доказательство по уголовному делу // Аграрное и земельное право. – 2025. –№2. – С.413-414.

EXPERT OPINION AND TESTIMONY AS CONFIRMATION OF FACTS OF PROOF IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Khamroev Shukhrat Sadirovich

Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: (+992 37) 223-04-20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

This article examines issues related to expert opinions and testimony as a means of corroborating evidence in criminal proceedings. It is noted that expert opinions and testimony represent a complex process. They not only serve as a means of collecting, evaluating, and interpreting evidence to prepare a conclusion, but are also classified as an expert's cognitive activity in summarizing factual information about a criminal case. Furthermore, the effectiveness of such activity serves as an indicator and basis for an objective assessment of evidence when making fair judicial decisions. However, legal regulation of this issue requires improvement, as expert opinions are not always taken into account, or are not considered at all, during preliminary investigations and trials.

Keywords: *evidence, participants in criminal proceedings, investigator, judge, expert, expert appointment, expert cognitive activity, expert opinion, expert opinion evaluation.*

ХУЛОСА ВА ШАҲОДАТИ КОРШИНОС ҲАМЧУН ТАСДИҚИ ДАЛЕЛҲОИ ИСБОТ ДАР МУРОФИАИ ҶИНОЯТӢ

Ҳамроев Шухрат Садирович

доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор, декани факултети ҳуқуқшиносӣ Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 223-04-20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

Дар ин мақола масъалаҳои марбут ба хулоса ва шаҳодати коршинос ҳамчун воситаи тасдиқи далелҳо дар муурофияи ҷиноятӣ баррасӣ мешаванд. Қайд карда мешавад, ки хулоса ва шаҳодати коршинос раванди мураккаб мебошанд. Онҳо на танҳо ҳамчун воситаи ҷамъоварӣ, арзёбӣ ва тафсири далелҳо барои омода кардани хулоса хизмат мекунанд, балки ҳамчун фаъолияти маърифатии коршинос оид ба ҷамъбасти маълумоти воқеӣ нисбат ба парвандаи ҷиноятӣ тасниф мегардад. Ғайр аз ин, самаранокии ҷунин

фаъолият ба ҳайси нишондиҳанда ва асос барои баҳогузори объективи далелҳо ҳангоми қабули қарорҳои одилонаи судӣ нақши муҳим мегузорад. Аммо, танзими ҳуқуқи ин масъала ба такмил ниёз дорад, зеро ҳулосаи коршинос ҳангоми тафтишоти пешакӣ ва мурофиаҳои судӣ на ҳамеша ё умуман ба назар гирифта мешаванд.

Калидвожаҳо: далелҳо, иштирокчиёни мурофиаи ҷиноятӣ, муфаттиш, судя, коршинос, таъини коршинос, фаъолияти маърифатии коршинос, ҳулосаи коршинос, баҳогузори ҳулосаи коршинос.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ¹

Давлатов Хизр Хакимович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных
и естественно-математических наук

Международного университета туризма
и предпринимательства Таджикистана

734055, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Борбада 48/5.

E-mail: mail.davlatov.khizr@gmail.com. Тел: (+992) 900-900-984

Статья посвящена анализу доктринальных и международно-правовых подходов к определению понятия экологической миграции. Рассматриваются основные научные позиции исследователей относительно сущности экологической миграции и статуса экологических мигрантов. Особое внимание уделяется анализу факторов, способствующих экологической миграции. Определено, что существуют нормативные пробелы в части универсального международно-правового закрепления понятия экологической миграции. Отдельно анализируются экологические риски Республики Таджикистан, включая деградацию земель, опустынивание, таяние ледников и учащение других природных катаклизмов, которые могут способствовать росту экологической миграции в стране. Делается вывод о необходимости совершенствования международно-правовых и национальных механизмов и норм регулирования экологической миграции.

Ключевые слова: экологическая миграция, экологические мигранты, правовой статус, вынужденная миграция, стихийные бедствия, ООН, Республика Таджикистан, устойчивое развитие.

В последние десятилетия в условиях усиливающегося воздействия глобальных экологических изменений на природные и социально-экономические системы всё активнее актуализируется проблема перемещения населения, вызванного деградацией окружающей среды, стихийными бедствиями и изменением климата. Наряду с уже существующими миграционными потоками, которые чаще всего относятся к традиционным видам миграции, постепенно начи-

нает формироваться относительно новый по своему характеру вид миграции, обозначаемый в научной литературе термином «экологическая миграция». Несмотря на растущее внимание к данной проблематике со стороны международных организаций, исследователей вопроса и профильных государственных структур, единый и общепризнанный подход к определению данного явления до настоящего времени все еще не сформирован.

Уместным будет отметить, что проблема экологической миграции в текущем столетии обусловлен достаточно серьезным научно-техническим прогрессом и, как следствие, высоким антропогенным воздействием на окружающую среду. По этому поводу В.И. Евтушенко приводит следующие статистические данные: «Из 9 млн беженцев в Содружестве Независимых государств (12 из 15 государств после распада

Советского Союза) 700 тыс. вынуждены покинуть свои дома из-за экологического ущерба:

– 375 тыс. человек были вынуждены мигрировать после Чернобыльской аварии;

– 100 тыс. покинули Казахстан из-за загрязнения 35 000 кв. км в бассейне Аральского моря;

– 150 тыс. бежали из-под Семипалатинска (север Казахстана), где находится один из крупнейших ядерных испытательных полигонов. Не избежали экологической миграции и жители других стран мира. Новая Зеландия готовится принимать беженцев с островов Тувалу в следующем году: они охватывают 26 кв. км, где проживают 11 тыс. человек, и существует высокий риск серьезного затопления из-за повышения уровня моря. Аналогичная судьба, по многочисленным оценкам ученых,

ожидает 300 тыс. жителей Мальдив»¹.

Следует указать, что сложность выработки универсального определения экологической миграции обусловлена многообразием факторов, влияющих на принятие решения о перемещении населения, а также пересечением экологических, социально-экономических и политических причин миграции. В этой связи в международном праве и современной доктрине существуют различные подходы к пониманию сущности экологической миграции, её признаков и соотношения с такими категориями, как экологические беженцы, климатическая миграция и вынужденное перемещение населения.

В научной литературе встречается довольно широкий перечень терминов, к которым обращаются исследователи в ходе проведения научных изысканий в рассматриваемой сфере правоотношений: экологический мигрант, вынужденный экологический мигрант, мигрант по экологическим мотивам, мигрирующий в связи с реализацией проектов развития и т.д.².

Д.Д. Булешева определяет экологическую миграцию как: «... вынужденную миграцию населения за пределы территории проживания в результате существующей угрозы жизни и здоровью людей вследствие экологических бедствий, природных и техногенных катастроф»³. На наш взгляд, положительной стороной указанного подхода является, прежде всего, указание на вынужденный характер экологической миграции. Автором справедливо подчёркивается, что пе-

ремещение населения в подобных условиях обуславливается объективными факторами, связанными с ухудшением состояния окружающей среды и возникновением угрозы для жизни и здоровья людей. Тем самым экологическая миграция рассматривается не как добровольный процесс, как форма вынужденного перемещения, вызванного неблагоприятными экологическими условиями. Вместе с тем представленное определение не лишено содержательных изъянов в части раскрытия понятия экологической миграции. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что экологическая миграция связывается преимущественно с последствиями экологических бедствий и катастроф. Между тем в современной научной литературе всё более широкое распространение получает подход, согласно которому экологическая миграция может быть обусловлена не только внезапными природными и техногенными катаклизмами, но и постепенными процессами деградации окружающей среды, такими как опустынивание, истощение природных ресурсов, деградацией земель или утрата территорий государств из-за постепенного повышения уровня моря и т.д.

По утверждению Н. Майерса «экологические беженцы» – это лица, которые не могут находиться в безопасности в своем обычном месте жительства в связи с экологическими факторами чрезвычайного характера, такими как засуха, опустынивание, эрозия почвы, нехватка воды и изменение климата, а также природными бедствиями, такими как циклоны, штормы и

наводнения. В полное определение понятия «экологические беженцы» Норман Майерс включил дополнительные факторы – промышленные катастрофы, голод и эпидемии⁴. Следует подчеркнуть, что подобный авторский взгляд позволяет рассматривать экологическую миграцию в более широком смысле, учитывая как постепенные деструктивные экологические процессы, так и внезапные неблагоприятные события, а также их комплексное влияние на безопасность и условия проживания населения. В то же время рассматриваемое определение имеет ряд недостатков. Так, оно не раскрывает правовой статус экологических беженцев, не разграничивает различные формы перемещения (временные, постоянные, сезонные), а также не учитывает социально-экономические и политические обстоятельства, которые могут усиливать или смягчать воздействие экологических факторов.

Как пишет Г.С. Гудвин-Гилл: «Начиная с 70-х годов, Управление Верховного комиссара по делам беженцев Организации Объединенных Наций (УВКБ ООН) по предложению Генерального секретаря ООН участвует в гуманитарных операциях ООН, в которых Управление располагает «особыми богатыми знаниями и опытом», и оказывает содействие различным группам лиц, которые хотя и не попадают под действие Устава УВКБ ООН, но нуждаются в помощи. В число таких групп часто попадают и экологические мигранты, но, как правило, под данной категорией лиц подразумевались «лица, вынужденные внезапно или неожиданно бежать из своих

¹ Евтушенко В.И. Экологическая миграция как составная часть системы защищенности человека и обеспечения экологической безопасности // Lex Russica. – 2016. – № 6 (115). – С.162.

² Маркова Е.Ю. Международно-правовая защита экологических мигрантов: реалии и перспективы // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – №. 7 (92). – С. 210.

³ Булешева Д. Д. Экологическая миграция сегодня: проблемы и возможные решения // Управление персоналом. – 2007. – № 15. – С. 50.

⁴ Myers N. Environmental refugees // Population and environment. – 1997. – Т. 19. – №. 2. – С. 175.

домов в больших количествах в результате стихийных или вызванных человеком бедствий»¹. На наш взгляд, подобную практику можно признать положительной по своему характеру, так как УВКБ ООН в данном случае демонстрирует гибкость в вопросах гуманитарного реагирования, расширяя рамки своей деятельности за пределы юридической классификации беженцев. Иными словами, международные институты оказываются в ситуации, когда признается необходимость оказания защиты и помощи лицам, которые формально квалифицируются как беженцы, но оказываются в ситуациях угрозы жизни и здоровью из-за экологических факторов. Тем не менее, следует указать, что экологические мигранты по определению не входят в категорию лиц, защищаемых Конвенцией ООН о статусе беженцев от 1951 года, что несомненно создает правовой вакуум и ограничивает возможности и потенциал их международной защиты.

Э.Р. Абиева, исследуя указанную проблематику, пишет: «... экологическим мигрантом следует признавать переселенцев, вынужденных покинуть районы своего постоянного проживания в связи с экологическими изменениями и использующих меры государственной поддержки при переселении. В случае международной миграции меры поддержки солидарно обеспечиваются как принимающей, так и пострадавшей стороной (государством)»². Данный тезис представляется нам довольно интересным, так как автором уделяется особое внимание роли социально-правовых инструментов, обеспечивающих адаптацию и интеграцию мигрантов

как внутри страны, так и в контексте трансграничного перемещения. В случае международной миграции ответственность за оказание поддержки распределяется между принимающей и пострадавшей стороной, что отражает принципы коллективной солидарности и международного сотрудничества в области защиты прав перемещённых лиц. Позиция исследователя на вопросах интеграции экологических, социально-экономических и правовых аспектов, позволяет рассматривать экологическую миграцию не только как сугубо демографическое явление, но и как объект правового регулирования. Вместе с тем такая авторская трактовка требует в дальнейшем конкретизации, в частности, в части критериев признания лица экологически мигрантом и механизмов реализации государственной поддержки, включая правовые основания, объём и продолжительность такой помощи.

Для Республики Таджикистан проблема экологической миграции также носит достаточно серьезный характер, обусловленный спецификой региональных экологических проблем. Наиболее серьезными факторами в числе таковых выступают проблемы опустынивания и деградации земель сельскохозяйственного назначения, что в долгосрочной перспективе будет негативно влиять на социально-экономическое положение жителей сельской местности. Причем указанные проблемы по своему характеру не являются исчерпывающими. Серьезную угрозу также представляют: процесс таяния ледников, увеличение числа оползней, а также ряд других стихийных бед-

ствий. В этой связи отечественные исследователи, раскрывая понятие экологических мигрантов, приводят следующие данные: «Экологические мигранты – это лица, проживающие в экологически опасных зонах, которые подлежат плановому переселению в целях предотвращения гибели людей от стихийных бедствий. Основанием для переселения хозяйств из экологически опасных зон является реальная угроза жизни людей, проживающих на территориях, подверженных оползням, обвалам, лавинам, селевым потокам, а также другими стихийными бедствиями. Всего за период с 2000 по 2016 годы на территории Республики Таджикистан из экологически опасных зон в безопасные места проживания были переселены 8591 семей с общим количеством более 40000 человек»³. Иными словами, процессы экологической миграции непосредственно затрагивают внутренние миграционные потоки страны, что, несомненно, требует адекватных мер реагирования. В числе таковых мы подразумеваем активизацию системного характера управления экологическими рисками, сочетающего научный мониторинг природных процессов и организационные меры по защите населения, с учётом целей устойчивого развития.

В этой связи нелишним будет указать, что весьма положительным является подход отечественного законодателя, который в Законе Республики Таджикистан «О миграции» от 11.12.1999г. не обошел стороной данный вопрос и включил в статью 1 такие понятия как «экологический мигрант» и «экологическая миграция». Безусловно, в

¹ Гудвин-Гилл Г.С. Статус беженца в международном праве / пер. с англ. под ред. М. И. Левиной. М.: ЮНИТИ, 1997. – с.315.

² Абиева Э.Р. Проблема экологической миграции в контексте концепций экологического менеджмента и экологической дипломатии // Известия Иркутского

государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2020. – №.31. – С. 38.

³ Бабаджанов, Р. М. Проблемы экологической миграции и пути их решения / Р. М. Бабаджанов, М. Ш. Махмадбеков // Экономика Таджикистана. – 2018. – № 2. – С.127.

перспективе возможно рассмотреть в теоретической плоскости вопрос более расширительного толкования указанных понятий, так как с момента принятия данного закона прошло достаточно длительное время и к сегодняшнему дню в данной сфере правоотношений назрело множество правовых проблем, требующих своего дальнейшего разрешения. К примеру, по смыслу анализируемого закона, экологическая миграция рассматривается исключительно в контексте внутренней миграции, однако в международной практике нередки случаи, когда экологическая миграция предполагает пересечение границ государства, в целях обеспечения безопасных условий для жизни и здоровья граждан.

Касательно существующей международно-правовой базы в данной области правоотношений также наблюдается проблема нормативного закрепления понятия экологической ми-

грации и правового статуса экологических мигрантов в актах универсального толка. Имеющиеся международные соглашения традиционно регулируют вопросы, связанные с беженцами, вынужденными переселенцами, трудовыми мигрантами и другими категориями мигрантов, перемещение которых обусловлено политическими, военными или социально-экономическими факторами. При этом экологические предпосылки, способные выступать самостоятельным основанием миграции, в большинстве случаев не рассматриваются нормами международных соглашений в качестве юридически значимого критерия для предоставления международной защиты. В этой связи Е.Ю. Маркова справедливо замечает: «...в настоящее время отсутствует соответствующая международно-правовая база по вопросу защиты прав экологических мигрантов, как и какая-либо международная организация, мандат которой прямо предусматривал

бы оказание защиты прав данной категории лиц»¹.

Подобное обстоятельство во многом связано с тем, что существующая система международной защиты беженцев сформировалась в исторически иных условиях и предполагала реагировать на последствия вооруженных конфликтов и политических катаклизмов. Тем не менее, в последние десятилетия наблюдается положительная тенденция усиления в международной повестке внимания к вопросам экологической направленности, и что не менее важно – проблема экологической миграции в данном случае не является исключением. Очевидно, что на сегодняшний день сформировались все предпосылки для принятия соответствующей юридически обязательной конвенции, посвященной вопросам экологической миграции и определения прав и обязанностей данной категории лиц.

Библиографический список

1. Абиева Э.Р. Проблема экологической миграции в контексте концепций экологического менеджмента и экологической дипломатии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2020. – №.31. – С. 36-44.
2. Бабаджанов Р. М., Махмадбеков М. Ш. Проблемы экологической миграции и пути их решения // Экономика Таджикистана. – 2018. – № 2. – С. 125-129.
3. Булешева Д. Д. Экологическая миграция сегодня: проблемы и возможные решения // Управление персоналом. – 2007. – № 15. – С. 49–51.
4. Гудвин-Гилл Г.С. Статус беженца в международном праве / пер. с англ. под ред. М. И. Левиной. М.: ЮНИТИ, 1997. – 647 с.
5. Евтушенко В.И. Экологическая миграция как составная часть системы защищенности человека и обеспечения экологической безопасности // Lex Russica. – 2016. – № 6 (115). – С.158-169.
6. Маркова Е. Ю. Международная защита прав экологических мигрантов: деятельность органов, программ и агентств системы ООН // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 12(76). – С. 150-158.
7. Маркова Е.Ю. Международно-правовая защита экологических мигрантов: реалии и перспективы // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – №. 7 (92). – С. 209-217.
8. Myers N. Environmental refugees //Population and environment. – 1997. – Т. 19. – №. 2. – С. 167-182.

THE PROBLEM OF DEFINING THE CONCEPT OF ENVIRONMENTAL MIGRATION: DOCTRINAL AND INTERNATIONAL LEGAL APPROACHES

Davlatov Khizr Khakimovich

candidate of law, associate professor of the department

¹ Маркова, Е. Ю. Международная защита прав экологических мигрантов: деятельность органов, программ и агентств системы ООН // Вестник Университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 12(76). – С.151

of humanities and natural sciences
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad Ave. 48/5.
E-mail: davlatov.khizr@gmail.com, Tel: (+992) 900-900-984

This article analyzes doctrinal and international legal approaches to defining the concept of environmental migration. It examines the main scientific positions of researchers regarding the nature of environmental migration and the status of environmental migrants. Particular attention is paid to analyzing the factors contributing to environmental migration. It is determined that there are regulatory gaps in the universal international legal definition of the concept of environmental migration. The environmental risks facing the Republic of Tajikistan are analyzed separately, including land degradation, desertification, glacier melting, and the increasing frequency of other natural disasters that could contribute to increased environmental migration in the country. A conclusion is reached regarding the need to improve international legal and national mechanisms and regulations governing environmental migration.

Keywords: *environmental migration, environmental migrants, legal status, forced migration, natural disasters, UN, Republic of Tajikistan, sustainable development.*

МУШКИЛИИ МУАЙЯН НАМУДАНИ МАФҲУМИ МУҲОЧИРАТИ ЭКОЛОГӢ: РАВИШҶОИ ИЛМӢ ВА БАЙНАЛМИЛАЛӢ-ҲУҚУҚӢ

Давлатов Хизр Ҳакимович
номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсенти кафедраи фанҳои
гуманитарӣ ва илмҳои табиӣ-риёзӣ
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкорӣ Тоҷикистон
734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, хиёбони Борбад, 48/5.
E-mail: davlatov.khizr@gmail.com; Тел: (+992) 900-900-984

Дар мақола равишҳои ҳуқуқии доктриналӣ ва байналхалқӣ барои муайян кардани мафҳуми муҳоҷирати экологӣ таҳлил шудааст. Он мавқеъҳои асосии илмии муҳаққиқонро вобаста ба табиати муҳоҷирати экологӣ ва вазъи муҳоҷирони экологӣ баррасӣ мекунад. Ба таҳлили омилҳои муҳоҷирати экологӣ тавачҷуҳи махсус дода мешавад. Муайян карда шудааст, ки дар таърифи умумии ҳуқуқии байналхалқӣ мафҳуми муҳоҷирати экологӣ камбудихои меъёрӣ мавҷуданд. Хавфҳои экологии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар алоҳидагӣ таҳлил карда мешаванд, аз ҷумла таназзули замин, биёбоншавӣ, обшавии пирахҳо ва зиёд шудани офатҳои табиӣ дигар, ки метавонанд ба афзоиши муҳоҷирати экологӣ дар кишвар мусоидат кунанд. Хулоса карда шудааст дар бораи зарурати такмили механизмҳо ва меъёрҳои ҳуқуқии байнаҳалқӣ ва миллии танзимкунандаи муҳоҷирати экологӣ.

Калидвожаҳо: *муҳоҷирати экологӣ, муҳоҷирони экологӣ, мақоми ҳуқуқӣ, муҳоҷирати иҷборӣ, офатҳои табиӣ, СММ, Ҷумҳурии Тоҷикистон, рушди устувор.*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

Мамадамонов Умед Мулкамонович

кандидат юридических наук, доцент кафедры
международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
e-mail: mamadamonov.umed@gmail.com

Современная международная система характеризуется высокой степенью взаимозависимости государств. Государства активно взаимодействуют друг с другом в политической, экономической, культурной и правовой сферах. Такое взаимодействие приводит к возникновению многочисленных международных обязательств, которые государства принимают на себя посредством международных договоров и участия в международных организациях.

В связи с этим возникает важный вопрос о том, каким образом нормы международного права соотносятся с нормами национального законодательства. Каждое государство имеет собственную правовую систему, регулирующую общественные отношения внутри страны. Взаимодействие международного и внутригосударственного права объясняется различными теоретическими концепциями — прежде всего монизмом и дуализмом. На практике большинство государств применяет смешанную модель, сочетая элементы обеих теорий для эффективного выполнения международных обязательств.

Ключевые слова: международное право, внутригосударственное право, взаимодействия, теории, концепции, примат, монизм, дуализм.

Взаимодействия международного и внутригосударственного права занимает центральное место как в теории права, так и непосредственно в теории международного права. Исследование вопроса теоретических основ взаимодействия международного и внутригосударственного права затрагивает процесс эволюции как внутригосударствен-

ного права, так и непосредственно международного права. Основами для плодотворного взаимодействия двух правовых систем были заложены еще в начале XIX века и стали основой для многих научных школ и доктрин. Именно взаимодействия способствует выявление пробелов правовых систем и непосредственно их развития и совершенствования. Основные концепции взаимодействия международного и внутригосударственного права были сформированы во второй половине XIX века, которые разделились на основные две направления в одной, из которых определялись внутригосударственное и международной право, как части единой правовой системе с приматом одной правой системе над другой, а в другой как две отдельные правовые системы. Каждое из направления стало основой для развития многих научных школ и концепции. В теории международного права данные направления

известны как монистическая концепция и дуалистическая концепция взаимодействие международного и внутригосударственного права. Представители монистической концепции придерживаются мнения того, что внутригосударственное и международное право составляют единую правовую систему, однако подчеркивая примат внутригосударственного права на основе абсолютного суверенитета государства как основного субъекта международного права. Однако не все сторонники монистической концепции разделяли данную точку зрения и придерживались мнению примата международного права. Родоначальником теории примата международного права как принято считать, является австрийский, юрист-международник Ганс Кельзен, создавший «чистую теорию права» или теорию нормативизма. С точки зрения родоначальника теории примата международного права национальный право порядок

поддерживается нормами международного права. Стирается тем самым грань между «внутренними делами государства» и его «внешними делами»¹. Дуалистическое направление в воззрениях на соотношение международного и внутригосударственного права появилось почти одновременно с теорией примата международного права. В то время как внутригосударственное право, — утверждает Л.Я.Оппенгейм, обосновывая разобщенность обеих правовых систем, — есть право суверена над отдельными лицами, подчиненными его власти, международное право есть право не над суверенными государствами, а между ними и, следовательно, право более слабое». Таким образом, делает вывод автор «международное право ни в целом, ни частично не может *per se* быть частью внутригосударственного права», равно как и последнее «не обладает силой изменять или создавать нормы внутригосударственного права»².

Известна, помимо дуалистического и монистического направления теорий соотношения международного и внутригосударственного права, как бы промежуточная концепция австрийского юриста международного права Альфреда Фердросса — теория «умеренного монизма». А. Фердросс исходит из признания некоторой самостоятельности международного и внутригосударственного права, но оставляя решающую роль за международным правом³.

Существуют также мнения ученых об существовании еще одной концепции как «полиморфизм» (многообразность) т.е. реально наблюдаемое актуальное состояние общемирового, глобального правового пространства, а именно: сосуществование

в нем более 200 самостоятельных, суверенных национальных правовых систем, не считая субфедеральных, муниципальных, локальных, региональных и подобных правовых систем и подсистем, и таким образом, имеет место многообразие как общего, так и регионального, и локального, а также и международного права⁴.

Мы считаем, что, как и внутригосударственное право так и международное право несомненно, как две самостоятельные правовые системы влияют на развитие друг друга в особенности в период глобализации.

Как и параллели из геометрии не пересекающиеся в обозримом пространстве, но которые обязательно пересекутся за его пределами, международное и внутригосударственное право лишь на первый взгляд разобщены, оставаясь каждое в своем пространстве, но при более пристальном изучении природы, свойств обеих правовых систем, регулируемых ими отношений, выходя в изучении интересов отдельных государств за пределы его юрисдикции, можно обнаружить, что эти системы пересекаются во взаимодействии.

Проблема взаимодействия международного и внутригосударственного права занимает важное место в современной юридической науке. Она имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, поскольку в условиях глобализации государства все активнее участвуют в международных отношениях и принимают на себя многочисленные международные обязательства. В связи с этим возникает необходимость обеспечения эффективного функционирования двух правовых систем — международной и национальной

— и их согласованного применения.

Исследование теоретических основ взаимодействия международного и внутригосударственного права показывает, что данные правовые системы обладают как общими чертами, так и существенными различиями. Международное право формируется на основе согласования воли государств и регулирует отношения между субъектами международного общения. Его источниками являются международные договоры, международные обычаи, общие принципы права, а также решения международных судебных органов. Важную роль в развитии и применении норм международного права играют международные организации, среди которых особое место занимает Организация Объединённых Наций, деятельность которой направлена на поддержание международного мира, развитие сотрудничества между государствами и защиту прав человека.

Внутригосударственное право, в свою очередь, представляет собой систему юридических норм, регулирующих общественные отношения внутри государства. Оно действует на территории конкретной страны и обеспечивается системой государственных органов и механизмами государственного принуждения. Основными источниками национального права являются конституция, законы, подзаконные нормативные акты и судебная практика. Таким образом, международное и национальное право имеют различный круг субъектов, источников и механизмов реализации, что обуславливает необходимость разработки специальных теоретических подходов к определению их соотношения.

¹ Kelsen, H. *Jeneral theory of law and state*, Cambridge, 1945-XII.

² Оппенгейм, Л.Я. *Международное право*. Т. 1, п/т 1. [Текст]./. Л.Я. Оппенгейм — М.: Иностранная литература - 1948. - С. 54-56.

³ Фердросс, А. *Международное право*[Текст]./. А. Фердросс . — М.: Иностранная литература, 1959. -С. 88.

⁴ Вельяминов Г.М. *Право национальное и международное*. — Москва: РГ-Прогресс, 2017. — С. 60

Анализ существующих теорий взаимодействия международного и внутригосударственного права показывает, что каждая из них отражает определенные аспекты взаимодействия международного и внутригосударственного права, однако ни одна из них в полной мере не объясняет современную правовую практику. В настоящее время большинство государств применяет смешанную модель взаимодействия правовых систем, сочетающую элементы монизма и дуализма. В рамках такой модели международные договоры признаются важной частью правовой системы государства, однако их реализация может требовать принятия специальных законодательных актов или внесения изменений в действующее законодательство.

Особое значение в процессе взаимодействия международного и национального права имеют механизмы реализации международных норм во внутригосударственной системе. К таким механизмам относятся имплементация, трансформация, инкорпорация и отсылка. Имплементация представляет собой общий процесс выполнения международных обязательств государством, включающий принятие законодательных актов, создание соответствующих государственных органов и применение международных норм в судебной практике. Трансформация предполагает преобразование международной нормы в норму национального законодательства посредством принятия внутреннего нормативного акта. Инкорпорация означает включение международных норм в национальную правовую систему без изменения их содержания, а отсылка предполагает использование национальным законодательством прямых ссылок на международные договоры.

Практическое значение взаимодействия международного и

внутригосударственного права проявляется в различных сферах общественной жизни. Особенно важную роль оно играет в области защиты прав и свобод человека, развития международной торговли, обеспечения международной безопасности и борьбы с международной преступностью. Международные нормы часто устанавливают минимальные стандарты правовой защиты, которые государства обязаны соблюдать в своем внутреннем законодательстве. Кроме того, международное право способствует развитию сотрудничества между государствами и формированию единых правил поведения в различных областях международных отношений.

Значительную роль в обеспечении применения норм международного права играют международные судебные органы, среди которых важное место занимает Международный суд ООН. Его решения способствуют толкованию норм международного права и формированию единообразной практики их применения.

Следует отметить, что в современном мире значение международного права постоянно возрастает. Развитие глобализации, расширение международных экономических связей, усиление роли международных организаций и рост числа международных договоров приводят к тому, что международные нормы все чаще оказывают влияние на национальные правовые системы. Государства вынуждены учитывать международные стандарты при разработке и принятии национального законодательства, что способствует постепенному сближению правовых систем различных стран.

Вместе с тем взаимодействие международного и внутригосударственного права может сопровождаться определенными трудностями. Одной из таких проблем является возникновение

коллизий между международными нормами и национальным законодательством. В подобных ситуациях государства должны определить порядок разрешения таких противоречий. Во многих странах конституции предусматривают приоритет международных договоров над национальными законами, однако в некоторых правовых системах приоритет может принадлежать национальному законодательству. Решение данной проблемы во многом зависит от особенностей правовой системы конкретного государства и его конституционных принципов.

Таким образом, взаимодействие международного и внутригосударственного права представляет собой сложный и многоуровневый процесс, который включает различные теоретические концепции, правовые механизмы и практические формы реализации. Эффективное взаимодействие этих правовых систем является необходимым условием выполнения государствами своих международных обязательств, поддержания международного правопорядка и развития международного сотрудничества.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что международное и внутригосударственное право находятся в постоянном взаимодействии и взаимном влиянии. Их согласованное функционирование обеспечивает стабильность международных отношений, способствует укреплению правовых гарантий защиты прав человека и создает условия для устойчивого развития мирового сообщества. В современных условиях дальнейшее развитие теоретических и практических аспектов взаимодействия международного и национального права остается одной из важнейших задач юридической науки и международной практики.

Библиографический список:

1. Вельяминов Г.М. Право национальное и международное. – Москва: РГ-Прогресс, 2017. – 248 с.
2. Оппенгейм, Л.Я. Международное право. Т. 1, п/т 1. [Текст]./. Л.Я. Оппенгейм — М.: Иностранная литература - 1948. – 407 с.
3. Фердросс, А. Международное право [Текст]./. А. Фердросс . — М.: Иностранная литература, 1959. – 672 с.
4. Kelsen, H. Jeneral theory of law and state, Cambridge, 1945-XII.

**THEORETICAL BASIS OF THE INTERACTION BETWEEN
INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW.**

Mamadamonov Umed Mulkamonovich

Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Department of International Law and Comparative Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
e-mail: mamadamonov.umed@gmail.com

The modern international system is characterized by a high degree of interdependence among states. States actively interact with each other in the political, economic, cultural, and legal spheres. This interaction gives rise to numerous international obligations, which states assume through international treaties and participation in international organizations.

This raises an important question: how do international law norms relate to national legislation? Each state has its own legal system regulating social relations within the country. The interaction of international and domestic law is explained by various theoretical concepts—primarily monism and dualism. In practice, most states apply a mixed model, combining elements of both theories to effectively fulfill international obligations.

Key words: *international law, domestic law, interactions, theories, concepts, primacy, monism, dualism.*

**АСОСХОИ НАЗАРИЯИИ МУТАКОБИЛАИ
ҲУҚУҚИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ ВА ДОХИЛӢ**

Мамадамонов Умед Мулкамонович

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсенти кафедраи
ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқи шиносии муқоисавӣ
Донишгоҳи Славянии Русияву Тоҷикистон.
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Турсунзода М., 30
почтаи электронӣ: mamadamonov.umed@gmail.com

Системаи муносири байналхалқӣ бо дараҷаи баланди вобастагии байни давлатҳо хос аст. Давлатҳо дар соҳаҳои сиёсӣ, иқтисодӣ, фарҳангӣ ва ҳуқуқӣ бо ҳамдигар фаъолона ҳамкорӣ мекунад. Ин ҳамкориҳои мутақобила ӯҳдадорӣҳои сершумори байналмилалиро ба вучуд меорад, ки давлатҳо тавассути шартномаҳои байналмилалӣ ва иштирок дар созмонҳои байналмилалӣ онҳоро ба ӯҳда мегиранд.

Ин саволи муҳимро ба миён меорад: меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ бо қонунгузориҳои миллӣ чӣ гуна алоқамандӣ доранд? Ҳар як давлат системаи ҳуқуқи худро дорад, ки муносибатҳои ҷамъиятиро дар дохили кишвар танзим мекунад. Таъсири мутақобилаи ҳуқуқи байналмилалӣ ва дохилӣ бо мафҳумҳои гуногуни назариявӣ — пеш аз ҳама монизм ва дуализм шарҳ дода мешавад. Дар амал, аксарияти давлатҳо модели омехтаеро истифода мебаранд, ки унсурҳои ҳарду назарияро барои иҷрои самараноки ӯҳдадорӣҳои байналмилалӣ муттаҳид мекунад.

Калидвожаҳо: *ҳуқуқи байналмилалӣ, ҳуқуқи дохилӣ, таъсири мутақобила, назарияҳо, консепсияҳо, авлавият, монизм, дуализм.*

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА КАК НОВАЯ ФОРМА ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рахмонзода Дилшоди Азизпур

Старший преподаватель кафедры «Гуманитарных
и естественно-математических дисциплин»
Института мировой экономики и международных отношений
Международного университета туризма и
предпринимательства Таджикистана
734055, Республика Таджикистан, г. Душанбе, Борбад 48/5
тел.: +992000902552, E-mail: rahmonzoda90@bk.ru

Статья представляет собой комплексное исследование феномена когнитивной войны как новой формы стратегического противоборства, формирующейся в условиях стремительной цифровизации и трансформации глобального информационного пространства. В исследовании прослеживается эволюция концепции, согласно которой когнитивная сфера рассматривается в качестве самостоятельного театра военных действий. На основе анализа международных нормативно-правовых актов, резолюций ООН и региональных инициатив автор выявляет и систематизирует основные характеристики когнитивного воздействия. Указывается на наличие значительного нормативного пробела, выражающегося в отсутствии международно-правового признания когнитивной войны в качестве самостоятельной категории, что существенно затрудняет формирование эффективных правовых механизмов, направленных на нейтрализацию соответствующих угроз. В завершение подчёркивается необходимость пересмотра устоявшихся правовых категорий и разработки новых нормативных основ, способных обеспечить адекватный ответ на вызовы, порождённые когнитивными угрозами в условиях цифровой эпохи и возрастающей гибридной конфликтов.

Ключевые слова: когнитивная война, дезинформация, психологическое воздействие, информационные технологии, международно-правовое регулирование.

Когнитивная война берёт свои истоки в философской концепции Сунь-Цзы, согласно которой наивысшей формой военного искусства является достижение победы без прямого столкновения. Со временем эта стратегия приобрела более сложные и технологически

насыщенные формы, интегрируя элементы психологических операций, информационно-пропагандистских подходов, киберопераций и систем основанных на искусственном интеллекте. Изначально ориентированная на ограниченный круг лиц, принимающих решения, когнитивная война со временем вышла за рамки элит и распространила своё воздействие на массовое сознание, охватив широкие слои общества.

Концепция когнитивной войны в последние годы приобретает всё большую значимость в научном дискурсе как свидетельство глубинной трансформации способов ведения конфликтов. Достижения в нейронауках, поведенческой психологии и анализе больших данных позволили значительно расши-

рить арсенал средств когнитивного вмешательства, превратив его в мощный инструмент манипулирования. Так, когнитивная война в условиях цифровой глобализации выходит за рамки классических форм конфликтов, становясь важнейшим фактором геополитического соперничества в XXI веке.

Изначально понимание когнитивной войны формировалось как логическое продолжение информационного киберпротивоборства. Однако с публикацией в 2020 году доклада Франсуа Де-Клюзея при поддержке Командования по трансформации (Allied Command Transformation) НАТО (North Atlantic Treaty Organization) данная область получила новое концептуальное понимание, в рамках которого когнитивная сфера

предлагается в качестве отдельного театра военных действий¹.

Тем не менее, в докладе указывается, что содержащиеся в нём положения, взгляды и выводы основаны исключительно на аналитических материалах и дискуссиях, проведённых в рамках экспертных форумах центра инноваций. Указанные в документе аналитические выводы не выражают официальную позицию АСТ или государств-членов НАТО и, следовательно, не могут быть интерпретированы или цитированы в качестве официального заявления альянса².

В документе определяется когнитивная война как стратегия, направленная на подрыв способности индивидов и сообществ к восприимчивости, анализу и усвоению знаний, которая воздействует на фундаментальные процессы, лежащие в основе формирования и обработки информации, тем самым затрудняя получение, интерпретацию и распространение достоверных знаний³.

Вызывает беспокойство тот факт, что в представленном докладе указывается, что «любой индивид, взаимодействующий с цифровыми и информационными технологиями, может стать объектом целенаправленного воздействия. В условиях когнитивного противоборства под угрозой оказывается совокупный интеллектуальный и социальный потенциал нации»⁴.

Следует отметить, что в докладе отражаются актуальные проблемы, связанные с трансформацией конфликтов в сторону психоинформационных форм. Когнитивная война, как подчеркивается в докладе, действительно затрагивает основные аспекты человеческого познания. Такие как восприятие,

обработку и распространение информации. Воздействие на эти процессы может дезориентировать отдельных индивидов, и нарушить коллективную когнитивную устойчивость общества в целом.

Особую тревогу вызывает универсальность потенциальных целей. Так, в условиях цифровизации и зависимости от информационных систем любой пользователь вне зависимости от социального статуса или профессиональной принадлежности оказывается уязвим перед целенаправленным манипулятивным воздействием. Думается, что когнитивная война становится фактором риска, способным подорвать основу интеллектуального потенциала государства и нарушить функционирование критически важных институтов, которая требует комплексного научного осмысления.

Следовательно, логика эволюции конфликтов требует переосмысления существующих категорий и подходов. Если ранее театрами военных действий являлись суша, море, воздушное и космическое пространство и объединяющей эти области киберпространство, то в текущей военно-политической динамике всё более отчётливо проявляется новая парадигма. То есть, когнитивная сфера становится полем стратегической борьбы за контроль над восприятием, мышлением и поведением человека.

Следует отметить, что концепция когнитивной войны пока не получила закрепления в международно-правовых актах в виде отдельной категории или правовой нормы. Тем не менее, сегодня прослеживаются её очертания через смежные подходы, свя-

занные с информационной безопасностью, киберугрозами, в цифровой среде.

В ряде резолюций Организации Объединённых Наций (далее-ООН) находит отражение термин «дезинформация», который всё чаще используется в контексте обеспечения международной информационной безопасности, защиты прав человека и устойчивости демократических институтов.

24 декабря 2021 года была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с дезинформацией в целях поощрения и защиты прав человека и основных свобод». В данном документе подчеркивается, что различные проявления дезинформации могут оказывать деструктивное воздействие на реализацию прав человека, подрывать основные свободы и препятствовать достижению целей устойчивого развития. Дезинформация в документе рассматривается как фактор, способствующий формированию социальной напряженности, дискриминационных практик и актов насилия, особенно в отношении уязвимых категорий населения, как в мирное время, так и в условиях гуманитарных кризисов и вооружённых конфликтов. В связи с этим акцентируется необходимость усиления сотрудничества всех заинтересованных субъектов для развития медиаграмотности и информационной устойчивости населения, которая включает обеспечение широкого доступа к цифровым технологиям и интернету, а также поддержку инициатив, направленных на противодействие деструктивным информационным потокам⁵.

¹ Амброс К. «Когнитивная война и кибероперации: когнитивные искажения как тактика ведения боя» // Бразильский журнал разведки. – 2024. – С. 4.

² Франсуа Де-Клюзель Когнитивная война. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (дата обращения 01.08.2025г)

³ См. Там же.

⁴ См. Там же.

⁵ Резолюция 76/227 Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с дезинформацией в целях поощрения и защиты прав человека и основных свобод» от 24 декабря 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

В соответствии с положениями упомянутой резолюции, Генеральным секретарём ООН был подготовлен доклад, в котором проводится всесторонний анализ вызовов, обусловленных распространением дезинформации, и предлагаются возможные направления реагирования. Документ раскрывает правовые основы, применимые в международной практике, и освещает конкретные шаги, предпринимаемые государствами и технологическими компаниями в целях минимизации негативных последствий дезинформационных кампаний. Генеральный секретарь ООН, опираясь на существующие исследования профильных структур Организации, в своём докладе охарактеризовал дезинформацию как «...описание ложного или недостоверного содержания информации, которая может причинить конкретный вред, вне зависимости от мотивов, осознания или поведения»¹.

14 июня 2023 года в ходе заседания Совета Безопасности ООН была принята резолюция, в которой международное сообщество выразило серьёзную обеспокоенность в связи с ростом случаев насилия, спровоцированных распространением ненависти и дезинформации, циркулирующей через социальные медиа-платформы. В документе подчёркивается, что подобные информационные потоки представляют собой серьёзную угрозу для общественной

стабильности, подрывают социальное доверие и способствуют эскалации конфликтов, особенно в уязвимых и постконфликтных регионах².

3 апреля 2024 года была принята резолюция Советом по правам человека под названием «Роль государств в борьбе с негативным воздействием дезинформации на осуществление и реализацию прав человека». В документе указывалось, что дезинформационные кампании часто применяются для дискредитации отдельных лиц и групп, усиления социальных конфликтов, создания общественной поляризации, а также распространения враждебных настроений, включая ненависть, мизогинию, расизм, ксенофобию и связанные с ними формы нетерпимости, которые могут провоцировать насилие, дискриминацию и агрессию, подстрекательство к преступлениям против человечности и иным нарушениям прав человека. Дезинформация является частью более широкой проблемы, связанной с развитием и использованием информационно-коммуникационных технологий, таких как незаконное наблюдение, технологическое насилие по признаку пола, сексуальные домогательства и кибератаки, что создает угрозы для защиты прав человека. Распространение дезинформации зачастую имеет трансграничный характер и может использоваться государствами или подконтрольными им структурами в гибридных

операциях для подрыва общественной свободы и нарушения международного права. Государства играют основную роль в противодействии этим угрозам, поскольку дезинформация негативно влияет на реализацию всех прав человека³.

На региональном уровне в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (далее-ОДКБ) было заключено соглашение между государствами-членами, касающееся сотрудничества в сфере обеспечения информационной безопасности. В данном документе зафиксировано понятие «деструктивное информационное воздействие», которое определяется как «использование информационно-коммуникационных технологий в целях нарушения деятельности органов власти, ослабления национальной безопасности, нанесения ущерба информационно-коммуникационным системам, сетям и ресурсам, критически важным и другим структурам, ухудшения межгосударственных отношений, создания внутренней социально-политической напряженности, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, установления контроля над национальными информационными ресурсами, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, причинения иного ущерба национальным интересам государств-членов ОДКБ»⁴.

Следует отметить, что включение данной проблемы в официальные документы отражает

<https://docs.un.org/ru/A/RES/76/227> (дата обращения 10.08.2025г)

¹ Доклад Генерального секретаря ООН «Борьба с дезинформацией в целях поощрения и защиты прав человека и основных свобод» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/77/287> (дата обращения 15.08.2025г)

² Резолюция 2686 Совета Безопасности ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.un.org/en/S/RES/2686\(2023\)](https://docs.un.org/en/S/RES/2686(2023)) (дата обращения 20.08.2025г)

³ Резолюция 55/10 Совета по правам человека «Роль государств в борьбе с негативным воздействием дезин-

формации на осуществление и реализацию прав человека» от 3 апреля 2024 года. [Электронный ресурс].

– Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/RES/55/10> (дата обращения 22.08.2025г)

⁴ Соглашение о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (Преамбула) от 20 ноября 2013 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201904260001?index=1> (дата обращения 25.08.2025г.)

растущее внимание международного сообщества к вопросам преднамеренного искажения информации, направленного на манипуляцию общественным мнением, подрыв доверия к государственным институтам и дестабилизацию социально-политической стабильности.

В этом контексте становится важным обратиться к понятию определению концепции «когнитивной войны», которое в современной доктрине рассматривается как новейший элемент информационного противоборства.

По мнению Рикли, Жан-Марка когнитивная война, понимаемая как совокупность целенаправленных воздействий на психику, восприятие и поведенческие установки противника, всё чаще рассматривается как самодостаточный инструмент достижения стратегических целей, наряду с традиционными средствами силового давления или дипломатического взаимодействия¹.

По мнению Мэриона Дэмиена когнитивная война представляет собой новую форму ведения конфликта, размывающую границы между состоянием войны и мира. Не открытая вооружённая борьба на традиционном поле боя, а скрытая, необъявленная война, направленная на воздействие на когнитивные механизмы противника, в частности на процессы восприятия, анализа и принятия решений, как на индивидуальном, так и на институциональном уровне².

По мнению Бернар Клавери, когнитивная война представляет собой нетрадиционную форму вооружённого противоборства, в рамках которой применяются цифровые и информационные технологии с целью воздействия на когнитивные способности противника. В процессе такого воздействия активно используются ментальные предубеждения, механизмы рефлексивного управления и психолингвистические искажения, что позволяет манипулировать восприятием, логикой принятия решений и поведенческими реакциями индивидуумов и социальных групп³.

По мнению Г. С. Джура, это такой «метод ведения войны напрямую использует достижения цифровых технологий, для манипулирования психологическими, социальными и информационными средами, что формирует не только индивидуальное и групповое мышление, но также влияет на то, как они коллективно действуют и взаимодействуют»⁴.

Следует отметить, что есть необходимость междисциплинарном подходе к изучению когнитивной войны и необходимости анализа этого феномена на пересечении информационных технологий, психологии, социологии и нейронаук.

По мнению И. А. Гусейнова, К. Ю. Решетников когнитивная война это «борьбу за освоение различных видов ментальных и культурных пространств с целью их насыщения определенными концепциями и смыслами. При этом речь идет, прежде всего, об

оказании воздействия на сознание массового реципиента при помощи различных технологий»⁵.

Анализ представленных дефиниций позволяет сформулировать обобщённое научное представление о когнитивной войне как о комплексной, многоуровневой стратегии воздействия, направленной на трансформацию когнитивной среды противника посредством информационных, психологических и технологических средств. В отличие от традиционных форм вооружённого конфликта, когнитивная война не требует физического вторжения, а реализуется через вмешательство в ментальные процессы. Такие как восприятие, мышление, принятие решений и поведенческие установки, как отдельных индивидов, так и социальных групп.

Следует признать, что в когнитивной войне используются современные цифровые и информационно-коммуникационные технологии и также приёмы психологического воздействия. Когнитивная война размывает границы между состоянием войны и мира, вооружённой борьбой и информационным влиянием, представляя собой скрытую, гибридную форму конфликта, в которой основной целью становится сознание человека.

Следовательно, можно указать, что когнитивная война – это форма стратегического противоборства, заключающаяся в комплексном, системно организованном и целенаправленном воздействии на психические и

¹ Рикли, Жан-Марк. Когнитивная война и управление подрывной деятельностью в XXI веке // Серия аналитических обзоров GCSP. Женевский центр политики безопасности. – 2023. – С. 4.

² Мэрион Дэмиен. «К определению когнитивной войны» // Серия аналитических обзоров GCSP.HAL (Le Centre Pour La Communication Scientifique Directe). Центр прямых научных коммуникаций. – 2023. С-1.

³ Клавери, Б. «Когнитивная война»: появление концепции «когнитивки» в области ведения войны», // Когнитивная война: будущее когнитивного доминирования.

HAL (Le Centre pour la Communication Scientifique Directe). Центр прямых научных коммуникаций. – 2022. = С. 2-8.

⁴ Джура Г. С. Когнитивная война. Аспекты информационно-психологического противодействия. / Г.С. Джура – Донецк, 2023. – С. 8.

⁵ Гусейнова, И. А. Когнитивная война: к вопросу о разработке терминологического аппарата / И. А. Гусейнова, К. Ю. Решетников // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 13(894). – С. 41.

интеллектуально-волевые механизмы индивидов и социальных групп посредством цифровых, информационно-коммуникационных и психотехнологических средств. Её основная цель это трансформация когнитивной среды противника. То есть, изменение процессов восприятия, интерпретации, анализа информации и принятия решений, как на индивидуальном так и на институциональном уровнях.

По мнению Е. О. Емалетдинова и Г. Д. Дубровского главная особенность методов «нефизического» воздействия заключается в том, что противник добивается того, чтобы человек или группа людей сами начинали разрушать собственную систему изнутри, которая происходит через влияние на мышление. В такой ситуации каждый человек может стать источником и распространителем вредной информации или опасных идей, а также провоцировать эмоциональное напряжение в интернете и в реальной жизни¹.

Подобное воздействие может проявляться на различных уровнях:

➤ воздействие может выражаться в формировании состояния когнитивной неопределённости, искажении мотивации, дестабилизации эмоционального фона и укоренении иррациональных убеждений, что нередко приводит к длительным и устойчивым изменениям в поведении.

➤ воздействие может происходить через целенаправленное использование слабых мест в работе человека с цифровыми технологиями. Например, путём манипулирования интерфейсами взаимодействия человек-машина или искажения передаваемой информации.

➤ такие воздействия могут быть направлены на нарушение работы когнитивных функций отдельных людей, особенно в тех случаях, когда их способность к устойчивой обработке информации уже снижена в силу психологических, возрастных или физиологических факторов².

Если мы сравним термины когнитивная война и дезинформация, то станет очевидным, что, несмотря на определённое сходство, они различаются:

С позиций анализа **объекта воздействия**, дезинформация преимущественно нацелена на информационную сферу, стремясь к искажению знаний, представлений и убеждений, связанных с конкретными событиями, фактами или явлениями. В отличие от этого, когнитивная война затрагивает более глубокий уровень – когнитивную сферу индивидов и сообществ. Её объектом становятся механизмы восприятия, мышления, эмоционального реагирования, а также устойчивые ценностные установки и поведенческие модели принятия решений.

С точки зрения **субъектов воздействия**, дезинформационные кампании могут осуществляться государственными структурами, средствами массовой информации, политическими движениями, отдельными лицами, а также автоматизированными цифровыми агентами (ботами, троллями и др.). Когнитивная война как правило, инициируется высокоорганизованными субъектами, обладающими значительным интеллектуальным, технологическим и ресурсным потенциалом. Например, государствами, спецслужбами, транснациональными корпорациями

и специализированными информационно-психологическими структурами.

В аспекте **целеполагания**, дезинформация ориентирована преимущественно на решение краткосрочных задач. Например, введение аудитории в заблуждение, подрыв репутации оппонента, формирование недоверия к институтам или конкретным событиям. Цели когнитивной войны носят стратегический характер, которая направлена на долговременное трансформирование ментального и культурного пространства противника, подрыв когнитивной устойчивости, нарушение способности к объективному восприятию реальности и самостоятельному принятию решений.

Что касается **используемых средств**, дезинформация оперирует ложными, манипулятивными или искажёнными сведениями, распространяемыми через традиционные и цифровые средства массовой коммуникации. Когнитивная война использует значительно более широкий и многокомпонентный инструментарий, которая помимо дезинформации, она включает нейропсихологическое программирование, психолингвистические искажения, манипуляции смыслом, технологии рефлексивного управления, нейропсихологическое воздействие, а также культурные и символические механизмы влияния.

По **масштабу воздействия**, дезинформация чаще всего ограничивается локальными или эпизодическими случаями, имеющими конкретную информационную привязку. В противоположность этому, когнитивная война охватывает системный уровень и направлена на перепределение общественных, политических и цивилизационных

¹ Емалетдинов Е. О. Когнитивная война: сущность, понятие, особенности / Е. О. Емалетдинов, Г. Д. Дубровский // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2023. – С. 238.

² Амброс К. «Когнитивная война и кибероперации: когнитивные искажения как тактика ведения боя» // Бразильский журнал разведки. – 2024. – С. 6.

парадигм в масштабе целых обществ и государств.

В контексте **продолжительности воздействия**, дезинформационные эффекты, как правило, краткосрочны и ограничиваются временным искажением информационной картины до её опровержения. Когнитивная война отличается продолжительным воздействием, оказывающим устойчивое влияние на общественное сознание и приводящим к долгосрочным трансформациям в мышлении, поведении и системе ценностей.

Наконец, в отношении **правового статуса**, дезинформация уже получила международно-правовое признание и зафиксирована в ряде официальных документов, в особенности резолюций и докладов ООН, как явление, требующее нормативного контроля и международной координации. В то же время когнитивная война остаётся концептуально неоформленной в международно-правовом поле, представляя собой междисциплинарное явление, находящееся на стыке таких направлений, как военная дело, информационная безопасность (кибербезопасность), когнитивная психология и т.д. Такая междисциплинарная природа когнитивной войны затрудняет формирование единого понятийного аппарата к её идентификации и противодействию. Отсутствия чёткого международно-правового статуса когнитивной войны, государства и международные организации сталкиваются с серьёзными трудностями при разработке эффек-

тивных механизмов реагирования, что создаёт благоприятные условия для осуществления подобных действий вне правового регулирования и международного контроля.

Осознавая серьёзную угрозу, которую представляет собой когнитивная война, ряд государств уже предпринимает конкретные шаги в этом направлении.

Например, в Стратегии национальной безопасности Японии когнитивная война рассматривается как нарастающая угроза, при этом подчёркивается необходимость укрепления национального потенциала для защиты от информационного воздействия в когнитивной сфере, а также для противодействия распространению дезинформации¹.

В Стратегии национальной безопасности США подчёркивается противодействия дезинформационным кампаниям и укрепления устойчивости медиасреды как одного из основных элементов функционирования демократического общества. Также в документе подчёркивается важность борьбы с дезинформацией, распространяемой через социальные сети и цифровые платформы, поскольку подобные информационные воздействия способны усиливать общественную напряжённость и в некоторых случаях провоцировать акты насилия².

Одним из основных национальных интересов и стратегических приоритетов, зафиксированных в Стратегии национальной безопасности Российской

Федерации, является формирование надёжного и устойчивого информационного пространства и обеспечение защиты общества от деструктивного информационно-психологического воздействия³.

В Швеции в 2022 году было создано Агентство психологической защиты. Гражданское агентство осуществляет комплекс мер, направленных на укрепление устойчивости общества к внешнему информационному воздействию. В целях повышения способности к противодействию когнитивным угрозам осуществляется информационная и методическая поддержка широкого круга субъектов – населения, государственных учреждений, муниципалитетов, региональных администраций, делового сектора, институтов гражданского общества и иных организаций. Деятельность агентства включает в себя проведение обучающих программ, практических учений, информационных кампаний, а также реализацию просветительских инициатив, направленных на повышение уровня осведомлённости и компетентности в вопросах психологической устойчивости. Существенным направлением работы также является выявление, анализ и нейтрализация деструктивного информационного влияния, распространение дезинформации и других форм манипуляций способных представлять угрозу национальной безопасности и стабильности шведского общества⁴.

¹ Стратегия национальной безопасности Японии от 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/national_security_strategy_2022_pamphlet-ja.pdf (дата обращения 10.09.2025г)

² Стратегия национальной безопасности Соединённых Штатов Америки от 12 октября 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-](https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf)

[Security-Strategy-10.2022.pdf](https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf) (дата обращения 15.09.2025г)

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/14wGRPqJvETSkUTYmhepzRochb1j1jqh.pdf> (дата обращения 25.09.2025г)

⁴ Агентство психологической защиты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

Можно констатировать, что на сегодняшний день государства начинают осознавать серьёзность угроз, связанных с последствиями когнитивной войны, и предпринимают определённые шаги в ответ на данные вызовы. Разумеется, учитывая быстрый прогресс в области технологий, направленных на влияние, на сознание и поведение массовой аудитории, этих мер пока недостаточно.

Актуальной становится необходимость перехода к целостному и упреждающему подходу, предполагающему защиту от внешнего информационно-психологического воздействия и формирование устойчивой внутренней когнитивной среды. Такой подход должен включать пересмотр образовательных

программ, развитие медиаграмотности населения, расширение научных исследований в области когнитивной безопасности.

Международно-правовое регулирование, в особенности нормы международного гуманитарного права и действующие договорённости в сфере контроля над вооружениями, были созданы с целью обеспечения глобальной стабильности, минимизации риска вооружённых конфликтов и смягчения гуманитарных последствий в случае их возникновения. Вместе с тем, фундаментальные категории, лежащие в основе этих нормативных актов, такие как вооружённое нападение, военные средства или применение силы изначально ориентированы на физи-

ческое насилие, привязаны к территориальному измерению и основаны на явно распознаваемых последствиях, включая материальный ущерб, разрушения инфраструктуры и т.д.

В контексте когнитивной войны, характеризующейся вмешательством на уровне сознания, восприятия и психических процессов индивида, традиционные подходы к оценке угроз оказываются неэффективными. Когнитивные воздействия, не оставляющие визуально или физически зафиксированных следов, ставят под сомнение применимость существующих правовых рамок и требуют их переосмысления, поскольку выходят за пределы классического представления об агрессии и вооружённом насилии.

Библиографический список

1. Соглашение о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности (Прембула) от 20 ноября 2013 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201904260001?index=1> (дата обращения 25.08.2025).
2. Резолюция 76/227 Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с дезинформацией в целях поощрения и защиты прав человека и основных свобод» от 24 декабря 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/RES/76/227> (дата обращения 10.08.2025г)
3. Резолюция 2686 Совета Безопасности ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.un.org/en/S/RES/2686\(2023\)](https://docs.un.org/en/S/RES/2686(2023)) (дата обращения 20.08.2025).
4. Резолюция 55/10 Совета по правам человека «Роль государств в борьбе с негативным воздействием дезинформации на осуществление и реализацию прав человека» от 3 апреля 2024 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/RES/55/10> (дата обращения 22.08.2025).
5. Доклад Генерального секретаря ООН «Борьба с дезинформацией в целях поощрения и защиты прав человека и основных свобод» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/A/77/287> (дата обращения 15.08.2025).
6. Стратегия национальной безопасности Японии от 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/national_security_strategy_2022_pamphlet-ja.pdf (дата обращения 10.09.2025).
7. Стратегия национальной безопасности Соединённых Штатов Америки от 12 октября 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения 15.09.2025г)
8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/14wGRPqJvETSkUTYmhepzRochb1j1jqh.pdf> (дата обращения 25.09.2025).
9. Амброс К. «Когнитивная война и кибероперации: когнитивные искажения как тактика ведения боя» // Бразильский журнал разведки. – 2024. – С. 2-31.
10. Агентство психологической защиты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mpf.se/psychological-defence-agency> (дата обращения 02.08.2025).

11. Бернар К. «Когнитивная война»: появление концепции «когнитивки» в области ведения войны», // Когнитивная война: будущее когнитивного доминирования. HAL (Le Centre pour la Communication Scientifique Directe). Центр прямых научных коммуникаций. – 2022. – С. 2-8.
12. Гусейнова И. А. Когнитивная война: к вопросу о разработке терминологического аппарата // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 13(894). – С. 37-45.
13. Джура Г. С. Когнитивная война. Аспекты информационно-психологического противодействия. – Донецк, 2023. – 57 с.
14. Емалетдинов Е. О. Когнитивная война: сущность, понятие, особенности / Е. О. Емалетдинов, Г. Д. Дубровский // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2023. – С. 236-241.
15. Лукман Меграуи. «Когнитивная война и кибербезопасность: стратегические последствия для глобальной безопасности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://Papers.academicConferences.org/Index.php/ Iccws/Issue/View/43> (дата обращения 08.09.2025).
16. Мэрион Д. «К определению когнитивной войны» // Серия аналитических обзоров GCSP.HAL (Le Centre Pour La Communication Scientifique Directe). Центр прямых научных коммуникаций. – 2023. С. 1-5.
17. Рикли, Жан-Марк. Когнитивная война и управление подрывной деятельностью в XXI веке // Серия аналитических обзоров GCSP. Женевский центр политики безопасности. – 2023. – С. 1-15.
18. Франсуа Де-Клюзель Когнитивная война. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://innovationhubact.org/wpcontent/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (дата обращения 01.08.2025г)

COGNITIVE WARFARE AS A NEW FORM OF WAR: THE INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

Rahmonzoda Dilshodi Azizpour

Senior Lecturer, Department of Humanities and Natural Sciences Mathematics
Institute of World Economy and International Relations
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad 48/5
Tel.: +992000902552, Email: rahmonzoda90@bk.ru

This article presents a comprehensive study of the phenomenon of cognitive warfare as a new form of strategic confrontation, emerging in the context of rapid digitalization and transformation of the global information space. The study traces the evolution of the concept, according to which the cognitive sphere is considered an independent theater of military operations. Based on an analysis of international legal acts, UN resolutions, and regional initiatives, the author identifies and systematizes the main characteristics of cognitive influence. The author points to a significant regulatory gap, manifested in the lack of international legal recognition of cognitive warfare as an independent category, which significantly complicates the development of effective legal mechanisms aimed at neutralizing relevant threats. Finally, the article emphasizes the need to revise established legal categories and develop new regulatory frameworks capable of ensuring an adequate response to the challenges posed by cognitive threats in the digital age and the increasing hybridization of conflicts.

Keywords: *cognitive warfare, disinformation, psychological influence, information technology, international legal regulation.*

ЧАНГИ КОГНИТИВӢ ҲАМЧУН ШАКЛИ НАВИ ЧАНГ: ЧАНБАИ ҲУҚУҚИИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ

Раҳмонзода Дилшоди Азизпур

муаллими калони кафедраи фанҳои гуманитарӣ ва табиӣ-риёзӣ
Институти иқтисоди ҷаҳон ва муносибатҳои байналмилалӣ
Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибкорӣ Тоҷикистон
734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи Борбад 48/5
Тел.: +992000902552, почтаи электронӣ: rahmonzoda90@bk.ru

Дар ин мақола таҳқиқоти ҳамаҷонибаи падидаи чанги маърифатӣ ҳамчун шакли нави муқовимати стратегӣ, ки дар заминаи рақамикунонии босуръат ва табдили фазои иттилоотии ҷаҳонӣ ба вучуд меояд,

пешниҳод шудааст. Таҳқиқот таҳаввулоти консепсияро пайгирӣ мекунад, ки мувофиқи он соҳаи маърифатӣ театри мустақили амалиётҳои низомӣ ҳисобида мешавад. Дар асоси таҳлили санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, қатъномаҳои СММ ва ташаббусҳои минтақавӣ, муаллиф хусусиятҳои асосии таъсири когнитивиро муайян ва систематизатсия мекунад. Муаллиф ба як холигии назарраси танзимкунанда ишора мекунад, ки дар набудани эътирофи ҳуқуқии байналмилалии ҷанги когнитивӣ ҳамчун як категорияи мустақил зоҳир мешавад, ки таҳияи механизмҳои муассири ҳуқуқиро, ки барои безаргардонии таҳдидҳои дахлдор нигаронида шудаанд, ба таври назаррас мушкил мекунад. Дар ниҳоят, муаллиф дар мақола зарурати аз нав дида баромадани категорияҳои муқарраршудаи ҳуқуқӣ ва таҳияи ҷаҳорчӯбаҳои нави танзимкунандаро таъкид мекунад, ки метавонанд воқуниши муносибро ба мушкилоте, ки дар натиҷаи таҳдидҳои когнитивӣ дар асри рақамӣ ва гибридатсияи афзояндаи низоъҳо ба вуҷуд меоянд, таъмин намоянд.

Калидвожаҳо: ҷанги когнитивӣ, дезинформация, таъсири равонӣ, технологияи иттилоотӣ, танзими ҳуқуқии байналмилалӣ.

Требования к оформлению текста статьи

6.1. Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики Журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее.

Журнал публикует статьи профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов юридического факультета РТСУ. Журнал также предоставляет возможность для публикаций ученым из других вузов и учреждений Республики Таджикистан, ближнего и дальнего зарубежья.

6.2. В процессе подачи статьи автору необходимо подтвердить, что статья не была опубликована или не была принята к публикации в другом научном журнале (предоставить заявление о заверении в данном обстоятельстве).

6.3. Объем научной статьи не должен составлять менее 0,5 п.л.

6.4. Параметры страницы: поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman, размер – 14 пт, междустрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматруется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – Ф.И.О. (полностью) автора/авторов, далее внизу светлым шрифтом указывается – его/их ученая степень, ученое звание, должность, а в следующих строках – место работы (в именительном падеже) и его адрес (с почтовым индексом), телефон и E-mail автора/авторов.

6.5. Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (70–120 слов), набранный светлым курсивом.

Обязательная структура авторской аннотации:

- актуальность темы;
- новизна исследования;
- основные положения и выводы.

Аннотация должна ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи.

После аннотации статьи следует указать 5–10 ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

Пример оформления статьи:

УДК 347.4

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Вохидов Икром Каримович

соискатель отдела частного права

Институт философии, политологии и права Академия наук Республики Таджикистан

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

тел.: 918 43 23 35, e-mail: grazhdanskoe.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами определения субъектного состава коллекторской деятельности в Республике Таджикистан. Впервые в цивилистике проводится комплексный анализ субъектного состава коллекторской деятельности.

Автор обращает внимание на то, что ввиду отсутствия в законодательстве Республики Таджикистан положений, регламентирующих правовой статус субъектов коллекторской деятельности, к субъектам данной деятельности можно отнести любое лицо, которое тем или иным образом занимается сбором или возвратом сумм просроченной задолженности. Автор пришел к выводу, что коллекторская деятельность является сугубо профессиональной деятельностью, которая подлежит лицензированию. Именно профессионализм в данной области может стать залогом успешной, легальной и конкурентоспособной деятельности. Субъектом коллекторской деятельности может выступать только юридическое лицо коммерческого характера (коллекторская организация), а также физическое лицо лишь при наличии у него определенной правовой связи с коллекторской организацией.

Ключевые слова

правовой статус; коллектор; коллекторская деятельность; коллекторские услуги; коллекторский бизнес; субъект коллекторской деятельности; профессиональная деятельность; лицензирование.

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И.О., год:

© Вохидов И.К., 2020

6.6. Оформление сносок и библиографического списка. Библиографический список должен быть построен **в алфавитном порядке**. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т.д.

В основном тексте ссылки на источник, помещенный в библиографическом списке, нормативно-правовые акты и судебно-арбитражную практику, помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок. Сноски должны быть постраничными и подстрочными, нумерация сносок начинается с каждой страницы.

Сноски набираются шрифтом Times New Roman, размер – 10 пт, междустрочный интервал – одинарный.

Источники в библиографическом списке и сноски в основном тексте оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008.

В библиографическом списке приветствуется наличие **иностранных источников**, реально используемых при написании научной статьи. При этом иностранные источники указываются в библиографическом списке в алфавитном порядке строго после русскоязычных источников.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

Примеры оформления сносок в тексте научной статьи:

¹ Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник. М.: Норма, 2009. С. 25.

² См.: Сычев М.С. История Астраханского казачьего войска: учебное пособие. Астрахань: Волга, 2009. С. 34.

Примеры оформления библиографического списка:

Книги

Сычев, М.С. История Астраханского казачьего войска: учебное пособие. - Астрахань: Волга, 2009. - 231 с.

Соколов А.Н. Гражданское общество: проблемы формирования и развития (философский и юридический аспекты): монография. - Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2009. - 218 с.

Гайдаенко Т.А. Маркетинговое управление: принципы управленческих решений и российская практика. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Эксмо : МИРБИС, 2008. - 508 с.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. - М.: Терра-Кн. клуб, 2009. - 4 т. Управление бизнесом: сборник статей. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2009. - 243 с.

Маркетинговые исследования в строительстве: учебное пособие для студентов специальности "Менеджмент организаций" / О.В. Михненко, И.З. Коготкова, Е.В. Генкин, Г.Я. Сороко. - М.: Государственный университет управления, 2005. - 59 с.

Нормативные правовые акты

Конституция Российской Федерации: офиц. текст. - М.: Маркетинг, 2001. - 39 с.

Семейный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.: по состоянию на 3 янв. 2001 г.]. - СПб.: Стаун-кантри, 2001. - 94 с.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.53-2007 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Международный стандартный книжный номер. Использование и издательское оформление. - М.: Стандартинформ, 2007. - 5 с.

Депонированные научные работы

Разумовский В.А. Управление маркетинговыми исследованиями в регионе. - М., 2002. - 210 с. - Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 15.02.02, № 139876.

Диссертации

Лагуева И.В. Особенности регулирования труда творческих работников театров: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - 168 с.

Покровский А.В. Устранимые особенности решений эллиптических уравнений: дис. ... д-ра физ.- мат. наук. - М., 2008. - 178 с.

Авторефераты диссертаций

Сиротко В.В. Медико-социальные аспекты городского травматизма в современных условиях: автореф. дис. ... канд. мед. наук. - М., 2006. - 17 с.

Лукина В.А. Творческая история "Записок охотника" И.С.Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - СПб., 2006. - 26 с.

Отчеты о научно-исследовательской работе

Методология и методы изучения военно-профессиональной направленности подростков: отчет о НИР / Загорюев А.Л. - Екатеринбург: Уральский институт практической психологии, 2008. - 102 с.

Электронные ресурсы

Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия [Электронный ресурс]: вызовы и возможности. - М., 2005. 1 CD-ROM.

Насырова Г.А. Модели государственного регулирования страховой деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Финансовой академии. - 2003. - № 4. - URL: [http://vestnik.fa.ru/4\(28\)2003/4.html](http://vestnik.fa.ru/4(28)2003/4.html). (дата обращения: 23.03.2019).

Статьи

Берестова Т.Ф. Поисковые инструменты библиотеки // Библиография. - 2006. - № 6. - С. 19-25.

Кригер И. Бумага терпит // Новая газета. - 2009. - 1 июля

6.7. Англоязычная часть статьи. После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И.О. Фамилия (полностью) автора/авторов, его/их ученая степень, ученое звание, должность, место работы (в именительном падеже) и его адрес (с почтовым индексом), телефон и E-mail автора/авторов, аннотация (70-120 слов), а также ключевые слова.

**ON THE QUESTION OF THE SUBJECT OF DEBT
COLLECTION ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

Vokhidov Ikrom Karimovich

private law applicant

Institute of Philosophy, Political Science and Law Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30

tel.: 918 43 23 35, e-mail: grazhdanskoe.pravo@mail.ru

Annotation

The authors of the article consider issues of defining the subject structure of collection activity in the Republic of Tajikistan. For the first time in civil science, a comprehensive analysis of the subject composition of collection activity is carried out.

The author draws attention to the fact that, due to the lack of provisions in the legislation of the Republic of Tajikistan that regulate the legal status of collection entities, the subjects of this activity include any person who collects or returns overdue amounts in one way or another.

The author concluded that collection activity is a purely professional activity, which is subject to licensing. It is professionalism in this area that can become the key to successful, legal and competitive activities. The subject of collection activity can only be a legal entity of a commercial nature (collection organization), as well as an individual only if he has a certain legal relationship with the collection organization.

Keywords

legal status; collector; debt collection activity; collection services; collection business; subject of collection activity.

6.8. Таджикскоязычная часть статьи. После англоязычной части статьи приводятся на таджикском языке название статьи, И.О. Фамилия автора, место работы и его адрес, идентификационные коды автора (**при наличии**), адрес электронной почты, аннотация (70–120 слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 30.03.2026. Подписано в печать 30.03.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная Гарнитура
литературная. Формат 60x84 $\frac{1}{8}$. Услов. печ. л. 16,5.
Тираж 100 экз. Заказ №81.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан,
г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30